

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ПРАВО

Tomsk State University Journal of Law

Научный журнал

2025

№ 57

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором)

ПИ № ФС77-45814 от 8 июля 2011 г.

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» 46014

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Уткин В.А. (главный редактор, председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Азаров В.А.** – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, заслуженный юрист Российской Федерации; **Гайстлингер Михаэль** – доктор юридических наук, профессор Зальцбургского университета (Австрия); **Мазуркевич Яцек** – доктор юридических наук, профессор Зеленогурского университета (Польша); **Мешко Горазд** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой криминологии Мариборского университета (Словения); **Працко Г.С.** – доктор юридических наук, доктор философских наук, зам. начальника по науке Ростовского юридического института МВД России; **Рабец А.М.** – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического факультета Российского государственного социального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук; **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Старостин С.А.** – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, председатель Комитета экспертов-советников Постоянно действующего Третейского суда JSM в г. Цюрих (Швейцария) Института международного коммерческого арбитража; **Халиулин А.Г.** – доктор юридических наук, профессор, государственный советник юстиции 3-го класса, зав. кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации; **Чанхай Лун** – доктор юридических наук, профессор, проректор Маньчжурского института Университета Внутренней Монголии (Китай); **Шафиров В.М.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уткин В.А. (председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Ольховик Н.В.** (зам. председателя редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зам. директора по научной работе Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Геймбух Н.Г.** (ответственный секретарь редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой конституционного и международного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Болтанова Е.С.** – доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Ведяшкин С.В.** – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Князьков А.С.** – доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Мананкова Р.П.** – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Савицкая И.С.** – старший преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Ахмедшин Р.Л., Ведерников Н.Т. Поисково-познавательная деятельность и поисковая деятельность: тактико-криминалистический аспект соотношения понятий	5
Бучакова М.А., Дизер О.А., Дизер О.А. Законодательство зарубежных стран о специальных правовых режимах: история и современность	14
Васеловская А.В. Особенности правового статуса клиентов исполнительной пробации	28
Меретуков Г.М., Усенко А.С. Особенности использования искусственного интеллекта в криминалистической деятельности: некоторые актуальные вопросы	44
Скрипченко Н.Ю. Уголовная ответственность за побои: проблемы регулирования и реализации	59
Юсубов Э.С. Историческая правда о подвиге народа при защите Отечества в свете конституционных поправок 2020 г.	79

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Агашев Д.В., Агашева И.П. Особенности фактического допущения к работе научных или педагогических работников образовательной организации высшего образования: проблемы правоприменения	90
Иванова С.В., Рыбак С.В. Политика государства по сохранению и устойчивому использованию животного мира: теоретический анализ	101
Лилюкова О.С., Гусакова Ю.С. Особенности формирования трудового законодательства в отношении женщин в России	115
Трутаева А.В. Социальное благополучие беременных женщин в контексте преодоления кризисов общества	133
Шаталов Е.А. Документальная фотография как один из источников познания отечественной историко-юридической науки	145

CONTENTS

PROBLEMS OF THE PUBLIC LAW

Akhmedshin R.L., Vedernikov N.T. Search and cognitive activity and search activity: the tactical and criminalistic aspect of the correlation of concepts	5
Buchakova M.A., Dizer O.A., Dizer O.A. Legislation of foreign countries on special legal regimes: history and modernity	14
Vaselovskaya A.V. Features of the legal status of executive probation clients	28
Meretukov G.M., Usenko A.S. Features of the use of artificial intelligence in criminalistic activities: some topical issues	44
Skripchenko N.Yu. Criminal liability for battery: problems of regulation and implementation	59
Yusubov E.S. The historical truth about the heroic deed of the people in the defense of the Fatherland in the light of the constitutional amendments of 2020	79

PROBLEMS OF THE PRIVATE LAW

Agashev D.V., Agasheva I.P. Features of the actual admission to work of scientific or pedagogical staff of an educational organization of higher education: problems of law enforcement	90
Ivanova S.V., Rybak S.V. State policy on the conservation and sustainable use of wildlife: a theoretical analysis	101
Lilikova O.S., Gusakova Yu.S. The specifics of the formation of labor legislation in relation to women in Russia	115
Trutaeva A.V. Social well-being of pregnant women in the context of overcoming social crises	133
Shatalov E.A. Documentary photography as one of the sources of knowledge of Russian historical and legal science	145

Проблемы публичного права / Problems of the public law

Научная статья

УДК 343.98

doi: 10.17223/22253513/57/1

Поисково-познавательная деятельность и поисковая деятельность: тактико-криминалистический аспект соотношения понятий

Рамиль Линарович Ахмедшин¹, Николай Трофимович Ведерников²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *ramil_ahmedshin@mail.ru*

² *tsu-crime@mail.ru*

Аннотация. Сделана попытка преодолеть формально-смысловое несовершенство понятия «поисково-познавательная деятельность». Выступая одним из системообразующих криминалистических понятий, оно тем не менее имеет выраженное несовершенство, так как в одном понятии – часть явления (поиск) и явление целиком (познание). Действительно, ведь поиск – это всегда структурный элемент системы познания. Основная идея статьи – выделить в понятии «поисково-познавательная деятельность» две смысловые составляющие: методологическую и практико-ориентированную, разводя две противоположные конструкции и оформляя их в двух разных понятиях.

Ключевые слова: поисково-познавательная деятельность, поисковая деятельность, криминалистическая тактика, практическое следование

Для цитирования: Ахмедшин Р.Л., Ведерников Н.Т. Поисково-познавательная деятельность и поисковая деятельность: тактико-криминалистический аспект соотношения понятий // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 57. С. 5–13. doi: 10.17223/22253513/57/1

Original article

doi: 10.17223/22253513/57/1

Search and cognitive activity and search activity: the tactical and criminalistic aspect of the correlation of concepts

Ramil L.Akhmedshin¹, Nikolay T. Vedernikov²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *ramil_ahmedshin@mail.ru*

² *tsu-crime@mail.ru*

Abstract. The paper attempts to overcome the formal and semantic imperfection of the concept of "search and cognitive activity". Being one of the system-forming crim-

inalistic concepts, it nevertheless includes a pronounced imperfection, because the inclusion of a part of the phenomenon (search) and the whole phenomenon (cognition) in one concept. Indeed, search is always a structural element of the cognitive system. The main idea of the article is to identify two semantic components in the concept of "search and cognitive activity": methodological and practice-oriented, separating two opposite constructions and formalizing them in two different concepts.

We consider it expedient to understand search and cognitive activity as a methodological concept and as a practice-oriented concept. Search and cognitive activity as a methodological concept is "practical investigative science". In the system of "search and cognitive" activity, as in the beginning, the main methodological emphasis is on the "cognitive" component.

Criminology, of course, is not an applied field of knowledge (if using the term "applied" science is at all appropriate), which does not need its own theory, but this does not change its practice-oriented nature. In the science of investigation, all concepts, directly or through a range of other concepts, should be applied to the practice of investigating crimes. Criminology as a pure science is nonsense.

Summing up the above, we will formulate a number of conclusions:

- search and cognitive activity in criminology is identical in content to cognitive activity, and in terms of goal-setting, it orients us to solving problems of practical investigative science.;
- the transition in criminology from such undoubtedly important reference points in cognition as nature, essence and tasks, and therefore the use of ideographic methods (characterized by a tendency to refinement) to the category of activity, and therefore the use of nomothetic methods (characterized by a tendency to generalization) is a consequence of the evolutionary development of criminalistic knowledge;
- The above makes it optimal to use the term search and cognitive activity in solving theoretical problems and the term search (with subsequent elaboration) for solving specific applied problems.;
- separate analysis of the main directions of search and cognitive activity is necessary;
- using the dominance of a specific type of cognitive activity in the content of a particular investigative group as the basis for classification, all investigative actions are divided into four main groups – communicative, exploratory, experimental, and research.

Keywords: search and cognitive activity, search activity, criminalistic tactics, practical investigative science

For citation: Akhmedshin, R.L. & Vedernikov, N.T. (2025) Search and cognitive activity and search activity: the tactical and criminalistic aspect of the correlation of concepts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 57. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/57/1

Деятельностный подход при изучении криминалистически значимых явлений давно стал объектом пристального внимания исследователей-криминалистов, среди которых, без сомнения, общепризнанной выступает точка зрения таких ученых, как В.Д. Корма и В.А. Образцов. Названные исследователи полагают, что в рамках деятельностного подхода при изучении криминалистических феноменов целесообразно использовать категорию «поисково-познавательная деятельность», которую они определяют как: деятельность, направленную на «на мысленное реконструирование (воссоздание) юридически значимых обстоятельств и участников подготавливаемого,

совершаемого или совершенного деяния с признаками преступления путем обнаружения, фиксации и исследования материальных носителей уголовно-релевантной информации, получения, анализа, проверки, оценки данной информации, преобразования ее в доказательства и использования их в целях установления истины и принятия законных, обоснованных, справедливых правовых и организационно-тактических решений в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования» [1. С. 65].

Не желая погружаться в тонкости конкретных философских школ, будем ориентироваться на распространенное в научной среде определение познания как совокупности процессов, процедур и методов приобретения знаний об явлениях и закономерностях действительности или, еще проще, приобретение знаний о действительности. Введение нового понятия, вероятно, по логике производного от основного (поисково-познавательная деятельность – это частный случай познавательной деятельности) целесообразно, если существуют и выделяются иные формы общего понятия. То есть кроме поисково-познавательной деятельности в криминалистике должна быть еще какая-то разновидность познавательной деятельности. Однако это разновидность в исследованиях не прослеживается, а мнение о том, что поисково-познавательная деятельность безальтернативно затрагивает все процессы расследования, можно считать доминирующим. Приведем некоторые высказывания, свидетельствующие об этом:

– «уголовное судопроизводство (в том числе и предварительное расследование) представляет собой поисково-познавательную деятельность субъекта расследования» [2. С. 6];

– только посредством поисково-познавательной деятельности возможно выявление фактических данных, приобретающих в процессе расследования не просто важное, а доказательственное значение [3. С. 53];

– признак «поисково-познавательной деятельности» заключается в том, что в следственных действиях эта самая поисково-познавательная деятельность заключается в совокупности непосредственно осуществляемых следователем (дознанием) поисковых, познавательных и удостоверительных операций [4. С. 263];

– «Криминалистика изучает и обеспечивает своими разработками поисково-познавательную деятельность в уголовном судопроизводстве» [5. С. 8];

– «Поисково-познавательная деятельность дает целостное системное представление об объекте криминалистического изучения» [6. С. 56];

– признаками поисково-познавательной деятельности выступают её ретроспективная направленность и реализуемость в ситуации противодействия [7. С. 92].

Криминалистика знает и примеры несведения или условного сведения всего понятийного криминалистического пространства к феномену поисково-познавательной деятельности. Так, к предмету криминалистического изучения применительно к деятельности по раскрытию и расследованию преступлений относят не только поисково-познавательные, но и организа-

ционно-управленческие процессы в ходе такой деятельности [8. С. 25]. Однако, как видно, речь идет об организационно-управленческих ПРОЦЕССАХ, и не говорится, что они формируют вид деятельности помимо поисково-познавательной.

Известна попытка разделить познавательную деятельность на поисково-познавательную, осуществляемую следователем, и поисково-исследовательскую, осуществляемую специалистом-криминалистом [9. С. 15]. Однако оспоримость используемой терминологии (разве исследование не включает поиск?), вероятно, будет устранена дальнейшими исследованиями.

На чем же основывались в свое время криминалисты, когда формулировали понятие «поисково-познавательная деятельность»? Конечно, целесообразно согласиться с тем, что только в комплексе поисковая и познавательная деятельность направлена на решение криминалистических задач. Однако этот аргумент недостаточен для объяснения целесообразности включения в одно понятие части явления (поиск) и явления целиком (познание). Действительно, ведь поиск – это всегда структурный элемент системы познания.

Как вариант, один из смыслов слова «поиск» – это бытовое определение познания. «ПОИСК, -а, м. 1. мн. Действия ищущего, розыски кого-чего-н. Поиски редкой книги. 2. чаще мн. Разведочные работы по обнаружению чего-н. П. полезных ископаемых. 3. *Исследование, направленное на получение новых научных результатов.* Научный п. 4. Способ разведки (во 2 знач.) – скрытный подход к противнику и внезапное нападение на его объекты (спец.). Поиски разведчиков. Ночной п. П прил. поисковый, -ая, -ое (ко 2,3 и 4 знач.) и поисковый, -ая, -ое (ко 2 и 4 знач.). Поисковое судно. Поисковая группа.» (курсив наш. – Р.А.) [10].

Нет сомнения, что решение проблемы, казалось бы, нерационального использования рассматриваемого понятия «поисково-познавательная деятельность» имеет свой подтекст. В одной из работ присутствует интересный фрагмент: «...объектом криминалистического изучения и обеспечения является поисково-познавательная деятельность (практическое следоведение) должностных лиц органов, профессионально ведущих борьбу с преступностью уголовно-правовыми средствами, а также специалистов экспертно-криминалистических подразделений и судебных работников, осуществляющих правосудие по уголовным делам» [11. С. 26]. Как видно, поисково-познавательная деятельность выступает как синоним термина «практическое следоведение». И пусть мы вступаем на хрупкий путь догадок, но анализ используемых понятий выводит нас на существование НЕпрактического следоведения (если существует практическое следоведение), которое не охватывается поисково-познавательной деятельностью. Предположим, что деятельность, соответствующая НЕпрактическому следоведению, является не поисково-познавательной, а констатационно-познавательной (академической, талмудистской, лишь формально научной). Поиск здесь выступает антагонистической категорией описательной констатации. Становится понятным, что: во-первых, поисково-познавательная деятельность в кримина-

листике содержательно соответствует поисковой криминалистической деятельности; во-вторых, отличается от последней практико-ориентированной природой. Иных аргументов для понимания включения в одно понятие части явления (поиск) и явления целиком (познание) мы не видим.

Понять назначение такой терминологической конструкции, как «поисково-познавательная деятельность», возможно только через круг задач, решаемых с помощью данного понятия. Оговоримся сразу: предположение о том, что понятие может быть направлено на решение исключительно теоретических задач, мы отклоняем.

С учетом сказанного полагаем целесообразным понимание поисково-познавательной деятельности как методологического понятия и как понятия практико-ориентированного. Поисково-познавательная деятельность как методологическое понятие это и есть «практическое следоведение». В системе «поисково-познавательная» деятельность как в начале методологическом основной акцент – на составляющей «познавательная».

Криминалистика, конечно, не прикладная область знаний (если использование термина «прикладная» наука вообще целесообразно), которая не нуждается в собственной теории, но это не изменяет её практико-ориентированной природы. В науке о расследовании все понятия напрямую или через круг иных понятий должны выводить на практику расследования преступлений. Криминалистика как чистая наука – это нонсенс, ну или как максимум локальный исследовательский эксперимент.

В любом случае понимание в рамках деятельностного подхода целесообразности акцента на такой категории, как «познание» способствовало переходу криминалистических исследований на качественно новый уровень. Был ознаменован переход с таких, без сомнения, важных реперных точек в познании, как природа, сущность и задачи, а следовательно, использования идеографических методов (характеризующихся склонностью к уточнению) на категорию «деятельность», а следовательно, использования номотетических методов (характеризующихся тенденцией к обобщению).

Раскроем теперь поисково-познавательную деятельность как понятие практико-ориентированное. Здесь все просто: в системе «поисково-познавательная» деятельность как в начале практико-ориентированном основной акцент – на составляющей «поисково». Если рассматривать тактико-криминалистический аспект познавательной деятельности, то сразу становится понятной, что основное исследовательское пространство названного раздела криминалистики определяется спектром следственных действий. Одной, а может быть основной из числа до сих пор не решенных задач криминалистической тактики является классификация следственных действий, причем носящая выраженную практико-ориентированную природу. Так как основной инструментарий криминалистической тактики есть тактический прием, классификация следственных действий должна в первую очередь быть ориентирована на группировку и ранжирование тактических приемов.

Принимая деятельностную природу криминалистической тактики как раздела, приоритетно аккумулирующего информацию о следственных действиях, классификацию следственных действий целесообразно произвести, исходя из содержательного аспекта приоритетной деятельности при их совершении.

Являясь научным методом, классифицирование, как и любой другой научный метод, призвано отыскивать с позиции криминалистики структурированные определенным образом свойства того или иного понятия или явления, его сущностные проявления, не подменяя их построениями, основывающимися на некотором внешнем совпадении отдельных признаков составляющих его элементов [12. С. 3–4]. Является ли содержание приоритетной деятельности при производстве следственного действия таким основанием? Вопрос спорный и может решаться только представлением альтернативных классификаций, не сводимых к примитивности дихотомической и парадихотомической классификации [13]. В противном случае рассуждения о внешней природе совпадений будут лишь отвлеченными суждениями.

Криминалистами давно отмечена структурная природа деятельности, включающая ряд операций, таких как поисковые, познавательные и удостоверительные [14. С. 8], хотя правильнее назвать их относительно самостоятельными видами деятельности: поисковой, фиксационно-удостоверительной, исследовательской и конструктивной [15. С. 60–69]. В свое время у нас не получилось в рамках вышепредложенной структуры поисково-познавательной деятельности эффективно систематизировать тактико-криминалистический инструментарий применительно к системе следственных действий.

Однако если в рамках криминалистической познавательной деятельности выделять такие её вариации, как поисковая, коммуникативная, исследовательская и экспериментальная познавательная деятельность, то система следственных действий вырисовывается достаточно четко.

Конечно, мы не игнорируем мнение о том, что «эти операции не представляют собой нечто изолированное друг от друга, предполагающее их отдельное выполнение в обособленном пространственно-временном континууме, и лишь затем отыскание возможностей их “объединения” в контексте криминалистических целей и задач следственного действия» [16. С. 8], тем более что это мнение не единственное. Так, например, по рассматриваемому вопросу было сказано, что «выделение в практическом следоведении его функциональных аспектов, рассмотрение каждого вида деятельности по реализации той или иной функции в качестве относительно самостоятельных систем носит в известной мере условный характер» [15. С. 70]. «И тем не менее раздельный анализ основных направлений ППД (поисково-познавательной деятельности. – *Авт.*) необходим из учебно-методических и некоторых других соображений: такой подход, в частности, позволяет глубже, полнее и всесторонне разобраться в содержании деятельности, именуемой практическим следоведением» [15. С. 71].

Поисково-познавательная деятельность как понятие практико-ориентированное должно быть использовано применительно к тактике следственных действий, содержательно и преимущественно сводимых к поиску – следственному осмотру, освидетельствованию, обыску и выемке. В целях экономии и для предотвращения разночтений возможно, рациональнее заменить понятие «поисково-познавательная деятельность» как понятие практикоориентированное понятием «поисковая деятельность».

Подводя итог сказанному, сформулируем ряд выводов:

- поисково-познавательная деятельность в криминалистике содержательно идентична познавательной деятельности, а в плане целеполагания ориентирует нас на решение задач практического следоведения;

- переход в криминалистике с таких, без сомнения, важных реперных точек в познании, как природа, сущность и задачи, а следовательно, использования идеографических методов (характеризующихся склонностью к уточнению) на категорию «деятельность», а следовательно, использования номотетических методов (характеризующихся тенденцией к обобщению), есть следствие эволюционного развития криминалистического знания;

- сказанное делает оптимальным использование термина «поисково-познавательная деятельность» при решении теоретических проблем и термина «поисковая» (с последующей детализацией) – для решения конкретных прикладных проблем;

- раздельный анализ основных направлений поисково-познавательной деятельности необходим;

- используя основание классификации доминирование в содержании конкретной следственной группы конкретной разновидности познавательной деятельности, все следственные действия делятся на четыре основные группы: коммуникативные, поисковые, экспериментальные, исследовательские.

Список источников

1. Корма В.Д., Образцов В.А. К вопросу о структуре и особенностях криминалистической теории следственного познания // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития : сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2019. С. 60–66.

2. Швец С.В. Организационно-тактические особенности следственных действий с участием переводчика. М. : Триумф, 2013. 142 с.

3. Красненко Ю.В. Поисково-познавательная деятельность на первоначальном этапе расследования // Вестник Белгородского юридического института МВД России. Трибуна молодого ученого. № 3. 2019. С. 52–57.

4. Грудинин И.А. К вопросу о понятии и видах следственных действий // Актуальные проблемы российского права. Проблемы уголовного процесса. 2011. № 2. С. 261–271.

5. Ипатова И.А. Криминалистика : учеб.-метод. комплекс. М. : Изд. центр ЕАОИ, 2008. 558 с.

6. Кряжев В.С. Поисково-познавательная деятельность в процессе раскрытия и расследования преступлений: из прошлого в настоящее // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 2 (28). С. 55–64.

7. Степаненко Д.А. К вопросу о поисково-познавательном «инструментарии» следователя // Российское правосудие. 2012. № 7 (75). С. 92–99.
8. Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа и система. М. : Юрист, 2005. 173 с.
9. Гусев А.В. Концепция формирования специального криминалистического познания и механизма его реализации в уголовном судопроизводстве вне судебно-экспертной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2015. 46 с.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. М. : Азъ, 1994. 907 с.
11. Криминалистика : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В.А. Образцова. М. : Юрист, 2002. 733 с.
12. Головин А.Ю. Криминалистические системы и классификации: вопросы практического использования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 1-2. С. 3–12.
13. Ахмедшин Р.Л. О дихотомических и парадихотомических классификациях следственных действий // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы двадцать третьей Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2025. С. 73–76.
14. Бочинин С.А. Следственные действия как способы собирания доказательств в досудебном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 27 с.
15. Криминалистика : учебник / под ред. В.А. Образцова. М. : Юрист, 1997. 756 с.
16. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М. : Юрид. лит., 1969. 216 с.

References

1. Korma, V.D. & Obratsov, V.A. (2019) K voprosu o strukture i osobennostyakh kriminalisticheskoy teorii sledstvennogo poznaniya [On the Structure and Features of the Forensic Theory of Investigative Cognition]. In: *Sovremennye problemy otechestvennoy kriminalistiki i perspektivy ee razvitiya* Modern Problems of Russian Forensics and Prospects for Its Development]. Krasnodar: I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University. pp. 60–66.
2. Shvets, S.V. (2013) *Organizatsionno-takticheskie osobennosti sledstvennykh deystviy s uchastiem perevodchika* [Organizational and Tactical Features of Investigative Actions Involving an Interpreter]. Moscow: Triumph.
3. Krasnenko, Yu.V. (2019) Poiskovo-poznavatel'naya deyatel'nost' na pervonachal'nom etape rassledovaniya [Search and Cognitive Activity at the Initial Stage of Investigation]. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. Tribuna molodogo uchenogo*. 3. pp. 52–57.
4. Grudinin, I.A. (2011) K voprosu o ponyatii i vidakh sledstvennykh deystviy // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava [On the Concept and Types of Investigative Actions]. *Problemy ugovolnogo protsesssa*. 2. pp. 261–271.
5. Ipatova, I.A. (2008) *Kriminalistika* [Forensics]. Moscow: EAOI Publishing Center.
6. Kryazhev, V.S. (2020) Poiskovo-poznavatel'naya deyatel'nost' v protsesse raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy: iz proshlogo v nastoyashchee [Search and Cognitive Activity in the Process of Solving and Investigating Crimes: From the Past to the Present]. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya*. 2(28). pp. 55–64.
7. Stepanenko, D.A. (2012) K voprosu o poiskovo-poznavatel'nom “instrumentarii” sledovatelya [On the Search and Cognitive 'Toolkit' of an Investigator]. *Rossiyskoe pravosudie*. 7(75). pp. 92–99.
8. Yablokov, N.P. & Golovin, A.Yu. (2005) *Kriminalistika: priroda i sistema* [Forensics: Nature and System]. Moscow: Yurist'.
9. Gusev, A.V. (2015) *Kontseptsiya formirovaniya spetsial'nogo kriminalisticheskogo poznaniya i mekhanizma ego realizatsii v ugovolnom sudoproizvodstve vne sudebno-ekspertnoy*

deyatel'nosti [The Concept of Forming Special Forensic Knowledge and the Mechanism of Its Implementation in Criminal Proceedings Outside of Forensic Expert Activity]. Abstract of Law Dr. Diss. Krasnodar.

10. Ozhegov, S.I. (1994) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Moscow: Az".

11. Obraztsov, V.A. (ed.) (2002) *Kriminalistika* [Forensics]. 2nd ed. Moscow: Yurist'.

12. Golovin, A.Yu. (2013) *Kriminalisticheskie sistemy i klassifikatsii: voprosy prakticheskogo ispol'zovaniya* [Forensic Systems and Classifications: Issues of Practical Use]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 1-2. pp. 3–12.

13. Akhmedshin, R.L. (2025) *O dikhotomicheskikh i paradikhotomicheskikh klassifikatsiyakh sledstvennykh deystviy* [On Dichotomous and Paradichotomous Classifications of Investigative Actions]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami* [Topical Problems of Combating Crimes and Other Offenses]. : Proc. of the Twenty-Third International Conference. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs. pp. 73–76.

14. Bochinin, S.A. (2014) *Sledstvennye deystviya kak sposoby sobiraniya dokazatel'stv v dosudebnom proizvodstve* [Investigative Actions as Methods of Collecting Evidence in Pre-Trial Proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

15. Obraztsov, V.A. (ed.) (1997) *Kriminalistika* [Forensics]. Moscow: Yurist'.

16. Belkin, R.S. & Vinberg, A.I. (1969) *Kriminalistika i dokazyvanie (metodologicheskie problemy)* [Forensics and Proof (Methodological Problems)]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

Информация об авторах:

Ахмедшин Р.Л. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ramil_ahmedshin@mail.ru

Ведерников Н.Т. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tsu-crime@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Akhmedshin R.L., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ramil_ahmedshin@mail.ru

Vedernikov N.T., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tsu-crime@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.06.2025,
одобрена после рецензирования 06.08.2025; принята к публикации 10.10.2025.*

*The article was submitted 24.06.2025;
approved after reviewing 06.08.2025; accepted for publication 10.10.2025.*

Научная статья

УДК 342.9

doi: 10.17223/22253513/57/2

Законодательство зарубежных стран о специальных правовых режимах: история и современность

**Марина Александровна Бучакова¹, Олег Александрович Дизер²,
Ольга Александровна Дизер³**

^{1, 3} Омская академия МВД России, Омск, Россия

² Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
Белгород, Россия

¹ mb290163@mail.ru

² dizer77@mail.ru

³ oadizer-24@mail.ru

Аннотация. Анализируется законодательство ряда государств, США, государств – СНГ по применению специальных правовых режимов, а также их исторический опыт в данной сфере. Отмечается, что принятие нормативных актов в условиях экстраординарных событий позволяет минимизировать возможные риски и ущерб. Делается вывод о необходимости совершенствования законодательного регулирования в исследуемой сфере посредством конкретизации оснований введения данных режимов и детализации прав, подлежащих ограничению.

Ключевые слова: чрезвычайные ситуации, специальные правовые режимы, противодействие, ограничения, права и свободы

Для цитирования: Бучакова М.А., Дизер О.А., Дизер О.А. Законодательство зарубежных стран о специальных правовых режимах: история и современность // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 57. С. 14–27. doi: 10.17223/22253513/57/2

Original article

doi: 10.17223/22253513/57/2

Legislation of foreign countries on special legal regimes: history and modernity

Marina A. Buchakova¹, Oleg A. Dizer², Olga A. Dizer³

^{1, 3} Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation

² Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after I.D. Putilin, Belgorod, Russian Federation

¹ mb290163@mail.ru

² dizer77@mail.ru

³ oadizer-24@mail.ru

Abstract. In modern conditions, one of the main tasks of the state is to ensure its internal and external security, which allows it to maintain the conditions of its normal

existence at the proper level. It is especially relevant at the present time, due to the proliferation of threats of a multidirectional nature.

Over the centuries, many difficult trials have fallen to the lot of any state, but the main task has always been to ensure its protection. In the context of the constant challenges faced by society and the State, increased attention is being paid to law enforcement issues.

In the light of recent events related to the introduction of special legal regimes, both practitioners and theorists regularly face questions about the application of domestic legislation in crisis situations.

In the current difficult situation, external security and internal stability are the most important conditions for the progressive economic and social development of the State. And in order to put up a truly solid barrier to existing and potential challenges of a natural, social and man-made nature, each individual state must have a set of legal means aimed at neutralizing and eliminating threats emanating from these factors.

However, the establishment of emergency regimes restricts the rights and freedoms of citizens, which is a justified measure in emergency situations and in extraordinary situations. A comparative legal analysis of the legislation of a number of States in the field under study indicates their differences in approaches to regulating these situations through the establishment of special legal regimes.

An important condition for a civilized solution to these issues is the existence of legal norms on various extraordinary situations that meet modern requirements and are aimed at ensuring a balance between the observance and protection of citizens' rights and freedoms, on the one hand, and maintaining the functioning of state authorities at an appropriate level, on the other.

The paper examines the specifics of the functioning of the public authority system in extraordinary situations in foreign countries (using the example of overcoming the consequences of coronavirus infection (covid-2019)). The legal regulation of the activities of public authorities in the context of special constitutional and legal regimes and, above all, an extraordinary situation needs serious analysis and discussion.

The purpose of the research is to gain new knowledge as a result of analyzing the norms of foreign legislation on the legal regulation of various extraordinary regimes. Such knowledge is necessary, first of all, for their critical study for possible use in domestic legislation.

Keywords: emergency situations, special legal regimes, counteraction, restrictions, rights and freedoms

For citation Buchakova, M.A., Dizer, O.A. & Dizer, O.A. (2025) Legislation of foreign countries on special legal regimes: history and modernity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 57. pp. 14–27. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/57/2

На современном этапе жизнедеятельности общества особое значение приобретает безопасность человека, государства и общества. Технологический и инновационный прогресс кардинально изменил все аспекты жизнедеятельности общества. Во многом цифровизация способствовала улучшению качества жизни человека, совершенствованию организационных и управленческих процессов, а также в целом оказала позитивное влияние на выстраивание публично-правовых отношений [1. С. 3]. Вместе с тем обострились, а также возникли новые проблемы, несущие риски и угрозы различного характера – от природных и техногенных катастроф до вооруженных конфликтов. Вследствие пагубного влияния человека на окружающую среду

появились ранее неизвестные виды опасных инфекционных заболеваний, увеличилось число вооруженных конфликтов, несанкционированных испытаний новых видов вооружения и др.

Ситуации экстраординарного характера требуют минимизации причиненного вреда и ущерба посредством адекватного правового регулирования с помощью введения специального правового режима на соответствующей территории [2. С. 185]. Такой режим характеризуется особым порядком управления с учетом сложившейся на местности обстановки. Как правило, результатом являются различные ограничения прав и запреты для граждан, в зависимости от вида специального правового режима и установленных государством законов.

Поиск баланса между свободой и императивом действий по обеспечению состояния защищенности человека, государства и общества с введением ограничений прав и свобод всегда вызывал множество споров и противоречивых суждений в контексте доктринального исследования данной проблематики. В этом контексте французский философ XVIII в. Ш.Л. Монтескье писал: «Опыт народов, самых свободных, какие когда-либо существовали на Земле, заставляет меня признать, что бывают случаи, когда нужно на некоторое время набросить на свободу покрывало, как некогда прикрывали статуи богов» [3. С. 81].

Действительно, история свидетельствует о множестве фактов установления особых режимов управления в условиях военных и иных угроз, в результате чего сохранялась жизнеспособность государства. Так, в Древней Греции, Римской империи, Египте неоднократно устанавливались особые режимы функционирования органов публичной власти, на всей территории государства или на его отдельных территориях. Специальные правовые режимы вводились и во времена Средневековья. В частности, в истории европейских государств были случаи введения осадного, военного или чрезвычайного положения, однако в законодательных актах на протяжении длительного времени эти специальные режимы не находили законодательного закрепления. Впервые процедура введения специального правового режима в виде осадного положения была осуществлена во Франции с принятием нормативного правового акта от 21 октября 1789 г. Пруссия в 1851 г. стала еще одним первооткрывателем данного правового феномена, изложив в нормативном правовом акте нормы поведения населения и солдат в период введения военного положения. Характерно, что в государстве была закреплена ответственность за нарушение установленного порядка управления в виде смертной казни. При этом установлена исключительная мера наказания не только за нарушение предписанных правил в период военного положения, но также в мирное время «на случай восстания при крайней опасности, угрожающей общественному спокойствию» [4].

Л.Л. Грищенко в рамках исследования по историческому опыту введения специальных правовых режимов в различных государствах отмечал, что законодательство о военном положении на рубеже XIX–XX вв. позволяет выявить общие черты представленных режимов, главным из которых является

установление повышенных мер ответственности за нарушение предписанных правил («по законам военного времени»). Второй особенностью является установление различного рода обязанностей для населения и военных, а также создание специализированных судов (в некоторых государствах они назывались военными трибуналами), которые в короткие сроки в упрощенном режиме осуществляли судопроизводство в отношении нарушителей [5. С. 68].

В современных реалиях особые правовые режимы стали вводиться значительно чаще, об этом свидетельствуют, например, опыт распространения COVID-19 в мировом масштабе, охвативший все современные государства, и практика применения ими схожих ограничительных мер по противодействию его распространения. Однако в связи с тем, что в зарубежных государствах в силу политических, правовых, географических, социально-экономических различий возникают чрезвычайные ситуации разнообразного характера, представляет интерес опыт регулирования кризисных ситуаций отдельно взятых государств. Так, в Соединенных Штатах Америки с 1976 г. действует Закон о национальных чрезвычайных ситуациях (National Emergencies Act), предусматривающий особенности деятельности основных публичных органов власти в случае возникновения кризисной ситуации. В частности, данный нормативный акт устанавливает наделение чрезвычайными полномочиями президента США, который обладает полномочиями по введению режима чрезвычайного положения сроком до одного года с возможностью последующего продления. По истечении одного года (в случае отсутствия решения президента США о его продлении) действие специального правового режима автоматически прекращается. При этом для законодательства США характерно отсутствие установленных оснований для введения чрезвычайных режимов, право их введения является прерогативой главы государства [6. С. 55].

Министерство внутренней безопасности, которому подчиняется Федеральное агентство управления в чрезвычайных ситуациях (FEMA), и Министерство обороны реализуют функции по противодействию различным чрезвычайным ситуациям. Публикация указа президента США о введении специального правового режима осуществляется в правительственном издании *Federal Register*, после чего федеральные органы исполнительной власти наделяются так называемыми чрезвычайными полномочиями. Одним из таких органов власти является агентство FEMA – подразделение, насчитывающее 22 991 работника и имеющее бюджет 29,5 млрд долл., – осуществляет задачи по прогнозированию и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций национального масштаба [7. С. 580].

Примером действия специального правового режима в стране является введение общенационального режима чрезвычайного положения в марте 2020 г. в период борьбы с новой коронавирусной инфекцией. Характерной его чертой стало ограничение прав и свободы граждан, правомочий юридических лиц в зависимости от распространения болезни в определенном штате. Так, в штате Нью-Йорк для граждан вводился запрет на выход из

дома без необходимости, разрешение на выход из жилого помещения допускался лишь в случае посещения лечебных и фармацевтических учреждений, продуктовых магазинов, а также в случае выгула домашних животных с сохранением дистанции между людьми до 6 футов (2 м). В США в тот период были приняты жесткие меры ответственности за нарушение установленных правил. В частности, в штате Нью-Джерси за халатное отношение к запретам и ограничениям физическим лицам грозил штраф в размере 1 000 долл. или 364 дня лишения свободы. Западное побережье США также ограничило права и свободы граждан страны с установлением мер административной и уголовной ответственности за нарушение установленных правил [8. С. 74].

Для обеспечения режима чрезвычайного положения в стране функционировали подразделения Национальной гвардии с введением комендантского часа с 20.00 до 05.00 [8. С. 75].

Во Франции режим чрезвычайного положения вводится, как правило, вследствие террористических актов и массовых беспорядков граждан, а сам термин «кризисные ситуации» на нормативном уровне появился после конституционной реформы в 2008 г. Однако само понятие не раскрывалось в документах и использовалось вскользь в рамках исследования «проектов, касающихся кризисных ситуаций». Несмотря на данное обстоятельство, в Конституции Франции и федеральных нормативных правовых актах предусмотрены два конституционных правовых режима, которые функционируют в кризисных ситуациях, а именно: прямое президентское правление (ст. 16) и осадное положение (ст. 36). В ситуации введения режима, предусмотренного ст. 16, основные функции по урегулированию и организации ликвидации серьезной внутренней и внешней угрозы осуществляет президент. Осадное положение определяет регулирование ситуации в стране парламентом, однако особенности введения и деятельности парламента до сегодняшнего времени не определяются; во время террористических актов данный режим также не был введен [8].

Чрезвычайное положение – еще один особый режим, предусмотренный Законом Франции от 3 апреля 1955 г. и являющийся исключительной мерой, допускающей ограничение прав и свобод граждан: запрет передвижения, систематическое введение комендантского часа, административные обыски без санкции судах. Представленный режим вводится правительственным декретом «в случае неминуемой угрозы в результате серьезных нарушений общественного порядка» [9].

Кроме того, согласно Кодексу обороны Франции, при возникновении серьезной кризисной ситуации, которая ставит под угрозу безопасность государства, населения или нации, правительством Франции организуется привлечение национального резерва, т.е. мобилизация граждан, которые могут быть полезны при разрешении данных ситуаций в силу своих профессиональных и психофизиологических особенностей [10. С. 431]. Примечательно, что закон Франции устанавливает особый режим пенитенциарных учреждений в случае возникновения угрозы их функционированию во

время экстраординарных ситуаций. В частности, условия дестабилизации в стране могут нарушить условия пребывания осужденных в данных учреждениях, поставить под угрозу режим его функционирования, в связи с чем допускаются следующие права осужденных: отказ в праве на свидание с родственниками, на использование телефонов, запрет на свободу убеждений и вероисповедания и т.д. [10. С. 433]. Примерами крупных чрезвычайных ситуаций в стране являются: террористические акты, совершённые 5 января и 13 ноября 2015 г. в Париже, а также 14 июля 2016 г. в Ницце [11]; массовые беспорядки и столкновения с полицией, ставшие самыми масштабными в стране за десятилетия в 2023 г. как реакция на убийство подростка арабского происхождения [12]; демонстрация против ультраправой партии «Национальное объединение» в 2024 г., в рамках которой тысячи граждан Франции по политическим мотивам устроили массовые беспорядки [13].

В Испании на законодательном уровне действуют два специальных административно-правовых режима: режим чрезвычайной ситуации и режим чрезвычайного положения, при этом последний представляет собой исключительный режим, задачей которого является защита государства от внутренней и внешней угрозы, предполагающий введение определенных ограничений и запретов для граждан страны. Режим чрезвычайного положения вводится на территории Испании в подавляющем количестве кризисных ситуаций, ставящих под угрозу безопасность страны или значительной ее территории. Данный режим считается официально действующим на территории Испании после одобрения решения правительства Конгрессом депутатов и публикации решения о его введении в Официальном Государственном Бюллетене. Следует уточнить, что правительство вправе ввести данный специальный правовой режим на 15 дней без одобрения парламента. Соответственно, продление чрезвычайного положения допускается исключительно с одобрения правительства Испании.

В Китайской Народной Республике основным нормативным правовым актом, регламентирующим основы обеспечения национальной безопасности страны, является Закон КНР «О национальной безопасности» [14]. Для противодействия кризисным ситуациям в стране характерно отсутствие специализированного органа, осуществляющего ликвидацию неблагоприятных явлений. С 2018 г. в Китае функционируют федеральные органы, осуществляющие функции по организации противодействия чрезвычайным ситуациям внутри государства, а также посягающие на внешнюю безопасность государства: Министерство по управлению в чрезвычайных ситуациях КНР и Министерство обороны КНР.

Кроме того, с 2015 г., после подписания Уфимской декларации главами членов Шанхайской организации сотрудничества, регламентированы совместные обязательства в направлении сотрудничества Российской Федерации и КНР в области безопасности. В частности, данный документ содержит положения по формированию совместных усилий по предотвращению милитаризации космоса, нераспространению ядерного оружия, «противодействию традиционным и нетрадиционным вызовам», всеобъемлющей поддержке усилий государств по созданию мира при военных столкновениях и

иных конфликтах, а также иные мероприятия по формированию стабильности и процветания стран, противодействию терроризму и иным чрезвычайным ситуациям [15].

Отдельное внимание по регулированию специальных правовых режимов следует уделить Японии, в которой достаточно часто возникают чрезвычайные ситуации природного характера: наводнения, землетрясения, цунами, извержения вулканов и т.п. В Японии насчитывается около 160 спящих вулканов и 48 действующих, которые вызывают 68% всех землетрясений в мире [16. С. 287]. Последние события, приведшие к введению режима чрезвычайного положения, связаны со стихийными природными катаклизмами в январе, сентябре 2024 г. [17].

В связи с негативным опытом в государстве выработана трехуровневая система действий органов публичной власти по обеспечению режима чрезвычайных ситуаций. В частности, на первом национальном уровне функционирует Министерство по чрезвычайным вопросам, которое осуществляет деятельность по предотвращению стихийных бедствий, представляющих угрозу для государства или значительной по масштабам территории. Второй уровень представлен администрациями японских префектур, в которых функции по обеспечению правового режима чрезвычайной ситуации по устранению стихийных бедствий осуществляет губернатор лично, а при координации действий с соседними странами и разработке оперативного плана борьбы с экстраординарной ситуацией – через премьер-министра. Наконец, третий уровень обеспечивается главами муниципальных образований, которые на территориальном уровне осуществляют устранение последствий чрезвычайных ситуаций, а также обеспечивают нормальные условия жизнедеятельности граждан в соответствующих условиях. Следует подчеркнуть, что органы публичной власти второго и третьего уровней функционируют и обеспечивают правовые режимы в тандеме с силами самообороны и сотрудниками правоохранительных органов [19. С. 28].

Исследование нормативных правовых актов государств СНГ, регламентирующих порядок и особенности введения специальных правовых режимов, свидетельствует, что основания введения специальных правовых режимов можно разделить на три группы: вооруженные конфликты, иные столкновения на национальной, расовой, религиозной почве, создающие угрозу для внешней безопасности государства; природные и техногенные явления, в результате которых существует необходимость введения специальных правовых режимов; кризисная ситуация, которая привела или может привести к необходимости восстановления правопорядка и деятельности органов публичной власти.

Тем не менее в нормативных правовых актах отдельных государств СНГ выделяют специфические признаки, служащие основанием для введения особого правового режима. К примеру, чрезвычайное законодательство Кыргызской Республики систематизирует экстраординарные ситуации по следующим группам: биологические причины (эпидемии, эпизоотии, эпифитотии), социальные (массовые беспорядки, межрелигиозные конфликты

и т.д.) и природно-техногенные (стихийные бедствия, разрушения и т.д.) [19. С. 22].

Ряд государств не устанавливает оснований введения специальных правовых режимов. В частности, в Республике Таджикистан нормативно не устанавливаются особенности и основания введения режима чрезвычайной ситуации; в Азербайджане, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане – режимов контртеррористической операции и противодействия экстремизму [20. С. 16].

Законодательство об экстраординарных ситуациях СНГ имеет сходже с западными зарубежными государствами черты по регулированию прав и свобод граждан в экстраординарных условиях. Как правило, действуют четыре направления ограничения данных прав: ограничение свободы передвижения на территории введения специального правового режима; ограничение или запрет проведения массовых мероприятий, а также установление особенностей работы СМИ; ограничение некоторых видов финансово-хозяйственной деятельности; установление отдельного порядка реализации некоторых объектов: продуктов питания, лекарственных средств, а также объектов, ограниченных в обороте (оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и т.п.).

Далее интересным является вопрос деятельности публичных органов власти, которые осуществляют управление отдельными полномочиями в экстраординарных условиях. В частности, в странах СНГ новые органы власти создаются при обеспечении правового режима военного положения: военная комендатура в Азербайджане, органы исполнительной власти в Республиках Казахстан и Таджикистан, военное командование в Кыргызской Республике и Туркменистане. Отличительной чертой Республики Узбекистан при обеспечении специального правового режима в военное положение является то, что специфическими функциями наделяются граждане, предприятия, организации и учреждения.

Что касается органов власти, осуществляющих функции по обеспечению режима чрезвычайных ситуаций в государствах СНГ, то в Узбекистане данный режим обеспечивает специализированная Государственная комиссия по обеспечению режима чрезвычайного положения, в Азербайджане и Туркменистане – комендант, в Беларуси – Вооруженные силы, в Кыргызской Республике – военные комиссариаты.

Кроме того, в нормах ряда стран СНГ (Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Туркменистана, Республики Узбекистан) регламентировано положение об ответственности за нарушение специальных правовых режимов, которому посвящены отдельные главы в нормативных правовых актах.

В африканских государствах необходимость в ведении особых правовых режимах велика в силу неблагоприятной статистики по количеству стихийных бедствий (приходится до 20% всех стихийных бедствий, происходящих в мире, при этом 60% всех смертей от последствий чрезвычайных ситуаций также случается на континенте), а также количеству военных столкновений.

Такие факторы как быстрый рост населения, риск распространения болезней, вынужденное перемещение, ухудшение экологических условий, дефицит продовольственных и водных ресурсов, бедность населения, усугубляют чрезвычайные ситуации на континенте и способствуют тому, что даже незначительная опасность может стать гуманитарной катастрофой [21].

В большинстве случаев в Африке происходят бедствия, влекущие наиболее масштабные последствия: эпидемии, засуха, наводнения, лесные пожары, опасные насекомые и сельскохозяйственные вредители. Вместе с природными бедствиями странам Африки угрожают антропогенные опасности, к которым относятся вооруженные конфликты, а также авиационные, автомобильные и железнодорожные происшествя.

Тем не менее вопросы организации введения специальных правовых режимов и деятельности государственных органов в государствах Африки не проработаны, так как в большинстве из них не существует профильных министерств и отдельных органов власти (к примеру, МЧС). В Бенине, Республике Конго, Нигерии, Танзании на сегодняшний день не предусмотрено создание специальной службы для противодействия природным и антропогенным чрезвычайным ситуациям – данные функции находятся в ведении Министерства внутренних дел.

В связи с данным пробелом основная часть обязанностей по урегулированию и ликвидации последствий той или иной чрезвычайной ситуации ложится на развитые государства, которые в оперативном порядке выделяют силы спецслужб для оказания помощи пострадавшему населению. В частности, вопросы противодействия чрезвычайных ситуаций в рамках международного сотрудничества на сегодняшний день осуществляют следующие организации: Международная организация гражданской обороны (МОГО), Международный Комитет Красного Креста и Красного Полумесяца (МКККиКП), Международная Федерация Красного Креста и Красного Полумесяца (МФККиКП).

Российская Федерация также является государством, реализующим многолетнюю всестороннюю поддержку странам Африки в области оказания помощи населению страны в период чрезвычайных ситуаций посредством задействования МЧС России при взаимодействии с Министерством иностранных дел, Министерством внутренних дел и иными заинтересованными ведомствами. В рамках данного направления деятельности министерства и отдельные специальные службы России реализуют следующие функции: осуществление чрезвычайного гуманитарного реагирования на бедствия и катастрофы; унификация наиболее позитивного передового опыта в направлении совершенствования деятельности национальных спасательных служб; организация и участие в международных рабочих встречах в целях формирования правового механизма сотрудничества во время противодействия чрезвычайным ситуациям.

К примеру, в рамках взаимодействия и сотрудничества со странами Африки в данном направлении, в 2023 г. дипломаты Российской Федерации совместно с главами 33 стран Африки обсудили вопросы взаимодействия по

защите граждан стран и территорий от природных и антропогенных бедствий и катастроф. Кроме того, состоялся второй саммит экономического и гуманитарного форума Россия – Африка под лозунгом «За мир, безопасность и развитие», в рамках которого были обсуждены основные моменты всестороннего взаимодействия. Согласно статистическим данным, с 2017 г. по настоящее время в Африку при участии МЧС России поставлено более 16 тыс. т продовольствия, проведены 24 гуманитарные операции, помощь оказана 17 странам. «Мы высоко оцениваем итоги нашей совместной работы на саммите. Уверен, что достигнутые результаты формируют хорошую основу для дальнейшего углубления российско-африканского партнерства в интересах процветания и благополучия наших народов», – заключил Президент Российской Федерации В.В. Путин по результатам проведенной встречи [22].

На основании исследования зарубежного опыта целесообразно прийти к выводу о том, что перечень специальных правовых режимов, оснований их введения, уполномоченных органов, запретов и ограничений для граждан и физических лиц, мер ответственности за халатное отношение к запретам у государств отличается [23. С. 410]. Тем не менее исследование нормативных правовых актов и практики действия специальных правовых режимов свидетельствуют, что в различных странах вопрос процедуры и оснований их введения остается в полной мере непроработанным [24]. Вместе с тем только конкретизация действий органов публичной власти в экстраординарных условиях, основанная на соблюдении законодательных предписаний, позволяет не только обеспечить баланс между осуществлением государством чрезвычайных мер и соблюдением прав и свобод человека и гражданина, но и эффективно решать поставленные государством задачи по их противодействию.

Список источников

1. Мушаков В.Е. Права человека в условиях цифровизации общества: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2024. 26 с.
2. Дизер О.А. О совершенствовании чрезвычайного законодательства, регламентирующего защиту государства от внешней агрессии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 5 (117). С. 183–191.
3. Новая философская энциклопедия : В 4 т. / пред. науч.-ред. совета В.С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010. 734 с.
4. Возникновение и развитие института особых конституционно-правовых режимов. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 02.02.2025).
5. Грищенко Л.Л., Синодов И.А. Исторический мировой и отечественный опыт использования особых административно-правовых режимов // Алтайский юридический вестник. 2024. № 2 (46). С. 68–73.
6. Нормы международного права и законодательство иностранных государств в области регулирования отношений, связанных с чрезвычайными ситуациями // Становление и развитие законодательства в области регулирования отношений, связанных с чрезвычайными ситуациями (исторические и сравнительные аспекты). Вып. 8. М., 2000. С. 42–89.

7. Портнова А.А. Международный опыт правового регулирования деятельности специализированных государственных органов по обеспечению общественной безопасности при чрезвычайных ситуациях // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение : сб. науч. тр. IX Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23 марта 2023 года / сост. Е.В. Воскресенская, М.В. Минаева. СПб. : Поволжская научная корпорация, 2023. С. 573–582.

8. Карпов О.В., Вьюгина А.А., Никулина Ю.А. Особенности функционирования специальных административно-правовых режимов в Российской Федерации и зарубежных странах // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 3-2. С. 73–78.

9. Юрист заявил, что закон о восстановлении Франции не связан с чрезвычайным положением. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18192143> (дата обращения: 28.01.2025).

10. Скиба А.П., Сирых А.Н. Некоторые аспекты исполнения уголовных наказаний в экстраординарных условиях во Франции и в Испании // Человек: Преступление и Наказание. 2018. С. 430–436.

11. Теракты в Париже 13 ноября 2015 года. URL: <https://ria.ru/20201113/terakty-1584070267.html> (дата обращения: 28.01.2025).

12. Антифашисты устроили массовые беспорядки во Франции из-за успеха Ле Пен. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/07/2024/66823c669a79473e32af0313> (дата обращения: 28.01.2025).

13. Большинство французов поддержали ведение режима чрезвычайного положения в стране. URL: <https://mir24.tv/news/16557648/bolshinstvo-francuzov-podderzhali-vedenie-rezhima-chrezvychainogo-polozheniya-v-strane> (дата обращения: 28.01.2025).

14. Закон Китайской Народной Республики «О национальной безопасности» (принят на 15-й сессии Постоянного комитета ВСНП КНР двенадцатого созыва 01.07.2015, обнародован указом Председателя Китайской Народной Республики № 29 от 01.07.2015). URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/national-security-law20150701/chn> (дата обращения: 28.01.2025).

15. Уфимская декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. URL: <https://rus.sectesco.org/20150710/49075.html> (дата обращения: 28.01.2025).

16. Барин Ю.В. Организация защиты в чрезвычайных ситуациях Японии // Инновации в природообустройстве и защите в чрезвычайных ситуациях : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 29–30 мая 2018 года. Саратов : Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова, 2018. С. 287–290.

17. В Японии в префектуре Исикава объявлен режим ЧС из-за проливных дождей. URL: <https://iz.ru/1762687/2024-09-21/v-iaponii-v-prefektуре-isikava-obiavlenn-rezhim-chs-iz-za-prolivnykh-dozhdei> (дата обращения: 03.02.2025).

18. Портнова А.А., Турова В.Е. Общественная безопасность как объект специальных административно-правовых режимов на современном этапе // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2022. № 4 (57). С. 26–33.

19. Барбин В.А. Особые правовые режимы: возникновение и закрепление в законодательстве различных государств мира // Человек: преступление и наказание. 2015. № 4 (91). С. 22–27.

20. Хазанов С.Д., Лифанов Д.М. Законодательство об экстраординарных (специальных) правовых режимах государств – участников Содружества Независимых Государств: сравнительно-правовой анализ (часть 1) // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 3 (59). С. 15–19.

21. Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/publicdiplomacycenter/chrezvychaynoe-sotrudnichestvo-vazhnyy-vektor-otnosheniy-rossiya-afrik/> (дата обращения: 07.02.2025).

22. Второй саммит экономический и гуманитарный форум Россия–Африка. URL: <https://summitafrica.ru/> (дата обращения: 07.02.2025).

23. Дизер О.А. Административная ответственность за правонарушения, предусмотренные статьей 20.5.1 КоАП РФ «Нарушение режима военного положения» // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2025. С. 409–413.

24. Ведяшкин С.В., Зайцев Д.И. Административное усмотрение в системе обеспечения государственного суверенитета: функциональный анализ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 22–34.

References

1. Mushakov, V.E. (2024) *Prava cheloveka v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva: konstitutsionno-pravovoe issledovanie* [Human Rights in the Context of Societal Digitalization: A Constitutional and Legal Study]. Abstract of Law Cand. Diss. Tyumen.

2. Dizer, O.A. (2024) O sovershenstvovanii chrezvychaynogo zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego zashchitu gosudarstva ot vneshney agressii [On Improving Emergency Legislation Regulating the Defense of the State from External Aggression]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 5(117). pp. 183–191.

3. Stepin, V.S. (ed.) (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. 2nd ed. Moscow: Mysl'.

4. UNO. (n.d.) *Vozniknovenie i razvitie instituta osobykh konstitutsionno-pravovykh rezhimov* [The Emergence and Development of the Institute of Special Constitutional-Legal Regimes]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (Accessed: 2nd February 2025).

5. Grishchenko, L.L. & Sinodov, I.A. (2024) Istoricheskiy mirovoy i otechestvennyy opyt ispol'zovaniya osobykh administrativno-pravovykh rezhimov [Historical World and Domestic Experience in the Use of Special Administrative-Legal Regimes]. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik*. 2(46). pp. 68–73.

6. Anon. (2000) Normy mezhdunarodnogo prava i zakonodatel'stvo inostrannykh gosudarstv v oblasti regulirovaniya otnosheniy, svyazannykh s chrezvychaynymi situatsiyami [Norms of International Law and Legislation of Foreign States in the Regulation of Relations Related to Emergencies]. In: *Stanovlenie i razvitie zakonodatel'stva v oblasti regulirovaniya otnosheniy, svyazannykh s chrezvychaynymi situatsiyami (istoricheskie i sravnitel'nye aspekty)* [The Formation and Development of Legislation in the Field of Regulating Relations Related to Emergencies (Historical and Comparative Aspects)]. Vol. 8. Moscow: [s.n.]. pp. 42–89.

7. Portnova, A.A. (2023) Mezhdunarodnyy opyt pravovogo regulirovaniya deyatelnosti spetsializirovannykh gosudarstvennykh organov po obespecheniyu obshchestvennoy bezopasnosti pri chrezvychaynykh situatsiyakh [International Experience in the Legal Regulation of the Activities of Specialized State Bodies for Ensuring Public Safety during Emergencies]. In: Voskresenskaya, E.V. & Minaeva, M.V. (eds) *Pravozashchitnaya deyatelnost' v sovremennoy Rossii: problemy i ikh reshenie* [Human Rights Activities in Modern Russia: Problems and Solutions]. St. Petersburg: Povolzhskaya nauchnaya korporatsiya. pp. 573–582.

8. Karpov, O.V., Vyugina, A.A. & Nikulina, Yu.A. (2022) Osobennosti funktsionirovaniya spetsial'nykh administrativno-pravovykh rezhimov v Rossiyskoy Federatsii i zarubezhnykh stranakh [Features of the Functioning of Special Administrative-Legal Regimes in the Russian Federation and Foreign Countries]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo*. 3-2. pp. 73–78.

9. TASS. (2023) *Yurist zayavil, chto zakon o vosstanovlenii Frantsii ne svyazan s chrezvychaynym polozheniem* [Lawyer states that the law on the restoration of France is not

related to a state of emergency]. [Online] Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18192143> (Accessed: 28th January 2025).

10. Skiba, A.P. & Siryakov, A.N. (2018) Nekotorye aspekty ispolneniya ugovolnykh nakazaniy v ekstremal'nykh usloviyakh vo Frantsii i v Ispanii [Some aspects of the execution of criminal punishments in extreme conditions in France and Spain]. *Chelovek: Prestuplenie i Nakazanie*. 26(1/4). pp. 430–436.

11. RIA. (2020) *Terakty v Parizhe 13 noyabrya 2015 goda* [Terrorist Attacks in Paris on November 13, 2015]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20201113/terakty-1584070267.html> (Accessed: 28th January 2025).

12. RBC. (2024) *Antifashisty ustroili massovye besporyadki vo Frantsii iz-za uspekha Le Pen* [Antifascists Instigated Mass Riots in France Due to Le Pen's Success]. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/01/07/2024/66823c669a79473e32af0313> (Accessed: 28th January 2025).

13. Mir24. (2023) *Bol'shinstvo frantsuzov podderzhali vedenie rezhima chrezvychaynogo polozheniya v strane* [The Majority of French People Supported the Implementation of a State of Emergency in the Country]. [Online] Available from: <https://mir24.tv/news/16557648/bolshinstvo-francuzov-podderzhali-vedenie-rezhima-chrezvychaynogo-polozheniya-v-strane> (Accessed: 28th January 2025).

14. The People's Republic of China. (n.d.) *Zakon Kitayskoy Narodnoy Respubliki "O natsional'noy bezopasnosti"* (prinyat na 15-y sessii Postoyannogo komiteta VSNP KNR dvenadsyatogo sozyva 01.07.2015, obnarodovan ukazom Predsedatelya Kitayskoy Narodnoy Respubliki № 29 ot 01.07.2015) [Law of the People's Republic of China on National Security" (Adopted at the 15th Session of the Standing Committee of the 12th National People's Congress of the PRC on July 1, 2015, promulgated by Decree No. 29 of the President of the People's Republic of China on July 1, 2015)]. [Online] Available from: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/national-security-law20150701/chn> (Accessed: 28th January 2025).

15. rus.sectsc.org. (2015) *Ufimskaya deklaratsiya glav gosudarstv-chlenov Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva* [The Ufa Declaration of the Heads of State of the Member States of the Shanghai Cooperation Organisation]. [Online] Available from: <https://rus.sectsc.org/20150710/49075.html> (Accessed: 28th January 2025).

16. Barinov, Yu.V. (2018) Organizatsiya zashchity v chrezvychaynykh situatsiyakh Yaponii [Organization of Protection in Emergencies in Japan]. *Innovatsii v prirodoobustroystve i zashchite v chrezvychaynykh situatsiyakh* [Innovations in Environmental Engineering and Protection in Emergencies]. Proc. of the IV International Conference. Saratov, May 29–30, 2018. Saratov: Saratov State Agrarian University. pp. 287–290.

17. Iz.ru. (2024) *V Yaponii v prefektуре Isikava ob"yavlen rezhim ChS iz-za prolivnykh dozhdey* [A State of Emergency Declared in Japan's Ishikawa Prefecture Due to Heavy Rains]. [Online] Available from: <https://iz.ru/1762687/2024-09-21/v-iaponii-v-prefektуре-isikava-obiavlenn-rezhim-chs-iz-za-prolivnykh-dozhdei> (Accessed: 3rd February 2025).

18. Portnova, A.A. & Turova, V.E. (2022) Obshchestvennaya bezopasnost' kak ob"ekt spetsial'nykh administrativno-pravovykh rezhimov na sovremennom etape [Public Safety as an Object of Special Administrative-Legal Regimes at the Present Stage]. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychaynye situatsii*. 4(57). pp. 26–33.

19. Barbin, V.A. (2015) Osobyie pravovye rezhimy: vzniknovenie i zakreplenie v zakonodatel'stve razlichnykh gosudarstv mira [Special Legal Regimes: Emergence and Consolidation in the Legislation of Various States of the World]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 4(91). pp. 22–27.

20. Khazanov, S.D. & Lifanov, D.M. (2023) Zakonodatel'stvo ob ekstraordinarnykh (spetsial'nykh) pravovykh rezhimakh gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv: sravnitel'no-pravovoy analiz (chast' 1) [Legislation on Extraordinary (Special) Legal Regimes of the Member States of the Commonwealth of Independent States: A Comparative Legal Analysis (Part 1)]. *Biznes, menedzhment i pravo*. 3(59). pp. 15–19.

21. Russian Federation. (n.d.) *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam* [Russian International Affairs Council]. [Online] Available from: <https://russiancouncil.ru/blogs/publicdiplomacycenter/chrezvychnoye-sotrudnichestvo-vazhnyy-vektor-otnosheniyy-rossiya-afrika/> (Accessed: 7th February 2025).

22. Russian Federation. (n.d.) *Vtoroy sammit ekonomicheskoy i gumanitarnyy forum Rossiya-Afrika* [Second Russia-Africa Summit and Economic and Humanitarian Forum]. [Online] Available from: <https://summitafrica.ru/> (Accessed: 7th February 2025).

23. Dizer, O.A. (2025) *Administrativnaya otvetstvennost' za pravonarusheniya, predusmotrennye stat'ey 20.5.1 KoAP RF "Narushenie rezhima voennogo polozheniya"* [Administrative Liability for Offenses under Article 20.5.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation 'Violation of the Martial Law Regime']. In: *Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya)* [Current Problems of Administrative and Administrative-Procedural Law (Sorokin Readings)]. St. Petersburg: [s.n.], pp. 409–413.

24. Vedyashkin, S.V. & Zaytsev, D.I. (2024) *Administrativnoye usmotreniye v sisteme obespecheniya gosudarstvennogo suvereniteta: funktsional'nyy analiz* [Administrative Discretion in the System of Ensuring State Sovereignty: A Functional Analysis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 53. pp. 22–34.

Информация об авторах:

Бучакова М.А. – профессор, доктор юридических наук, начальник кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России (Омск, Россия). E-mail: mb290163@mail.ru

Дизер О.А. – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина по научной работе (Белгород, Россия). E-mail: dizer77@mail.ru

Дизер О.А. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России (Омск, Россия). E-mail: oadizer-24@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Buchakova M.A., Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Omsk, Russian Federation). E-mail: mb290163@mail.ru

Dizer O.A., Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin (Belgorod, Russian Federation). E-mail: dizer77@mail.ru

Dizer O.A., Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Omsk, Russian Federation). E-mail: oadizer-24@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.02.2025;
одобрена после рецензирования 16.05.2025; принята к публикации 10.10.2025.*

*The article was submitted 09.02.2025;
approved after reviewing 16.05.2025; accepted for publication 10.10.2025.*

Научная статья
УДК 343.851
doi: 10.17223/22253513/57/3

Особенности правового статуса клиентов исполнительной пробации

Александра Викторовна Васеловская¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, vaselovskaya.a@mail.ru*

Аннотация. Раскрываются отдельные аспекты правового статуса клиентов исполнительской пробации. Рассматриваются вопросы об определении и использовании понятия «клиент пробации» в отечественной практике, о категориях лиц, которые могут быть отнесены к клиентам исполнительской пробации. Анализируются понятия трудной жизненной ситуации и индивидуальной нуждемости. На основе проведенного исследования вносятся предложения о необходимости совершенствования действующего законодательства в указанной сфере.

Ключевые слова: пробация, исполнительная пробация, клиент пробации, трудная жизненная ситуация, индивидуальная нуждемость

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043/>.

Для цитирования: Васеловская А.В. Особенности правового статуса клиентов исполнительской пробации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 57. С. 28–43. doi: 10.17223/22253513/57/3

Original article
doi: 10.17223/22253513/57/3

Features of the legal status of executive probation clients

Alexandra V. Vaselovskaya¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
vaselovskaya.a@mail.ru*

Abstract. The subject of this article is the specifics of the legal status of executive probation clients in the context of the implementation of the provisions of Federal Law No. 10-FZ dated 02/06/2023 "On Probation in the Russian Federation".

The study showed that the current legislation of the Russian Federation does not contain the category of "probation client". The author substantiates the position on the expediency of introducing such a category and supplementing article 5 of the law with an appropriate definition in this regard. The use of the term "probation client" in relation to convicts and former prisoners involved in legal relations on the use of probation will contribute to the destigmatization of this category of persons and seems more correct from the point of view of the legal technique of presenting the document.

The categories of persons in respect of whom enforcement probation may be applied are considered. It is proved that conditional early release, by its social and legal nature, is the basis for the use of post-penitentiary probation, since a person is released from punishment in the form of forced labor or imprisonment, that is, from a penitentiary institution. In this regard, it is pointed out that it is necessary to classify convicts released on parole from serving sentences of imprisonment or forced labor as clients of post-penitentiary probation rather than executive probation (as it is now).

It is noted that the executive probation client must meet the criteria of being in a difficult life situation and the established criteria of individual need. At the same time, a difficult life situation and individual neediness should be associated with (conditioned by) criminal behavior of a person, and overcoming them should lead to stimulating law-abiding behavior of the executive probation client in the future.

Based on the conducted research, the author suggests considering a number of amendments to the current legislation of the Russian Federation on probation. It seems that the consistent implementation of these proposals can have a positive effect and give a positive impetus to the implementation of executive probation in Russia.

Keywords: probation, executive probation, probation client, difficult life situation, individual neediness

Funding: the study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043/>.

For citation: Vaselovskaya A.V. (2025) Features of the legal status of executive probation clients. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 57. pp. 28–43. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/57/3

Введение

6 февраля 2023 г. был принят Федеральный закон № 10-ФЗ «О probationии в Российской Федерации» (далее – Закон о probationии), ознаменовавший собой новый этап в изучении теоретико-прикладных аспектов развития института социальной адаптации и ресоциализации осужденных и лиц, отбывших наказание.

Проблема социальной адаптации и ресоциализации указанной категории лиц не является новой для отечественной уголовно-исполнительной практики. До принятия Закона о probationии такая работа проводилась в основном в рамках подготовки исправительными учреждениями лиц, отбывающих наказание, связанное с изоляцией от общества, к освобождению. Отношения, связанные с ресоциализацией и социальной адаптацией бывших заключенных, а также лиц, отбывающих наказание, не связанной с изоляцией от общества, фактически оставались не урегулированными [1. С. 78], вплоть до вступления в силу в 2024 г. Закона о probationии.

Принятие указанного закона свидетельствует о стремлении государства более системно управлять процессами ресоциализации и социальной адаптации осужденных и бывших заключенных [2. С. 185], охватить необходимыми мерами более широкий круг нуждающихся в них лиц, что в конечном итоге должно иметь положительный эффект в виде улучшения условий жизнедеятельности указанной категории лиц и снижения уровня рецидивной преступности.

Следует отметить, что в целом проблема социальной адаптации и ресоциализации осужденных была предметом обсуждения в научных кругах и до принятия Закона о пробации. С принятием указанного закона научные дискуссии по обозначенной теме актуализировались с новой силой. Существенный вклад в исследование проблем социальной адаптации и ресоциализации осужденных и бывших заключенных на современном этапе внесли такие ученые, как В.А. Уткин [1, 3, 4], А.П. Скиба [5–7], М.Р. Гета [8; 9; 10. С. 51–54], А.И. Абатуров [11; 12. С. 3–11] и другие.

При этом многие из исследований, в том числе основанные на принятом в 2023 г. Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации», освещают в основном либо зарубежный опыт пробации, либо становление и перспективы развития института пробации в России в целом. Исследования, посвященные анализу правового статуса лиц, в отношении которых применяется исполнительная пробация, немногочисленны и носят лишь фрагментарный характер.

Итак, предметом настоящего исследования является правовой статус лиц, в отношении которых применяется исполнительная пробация, в контексте отдельных аспектов его законодательного регулирования и практики применения указанного вида пробации в течение первого года с начала действия соответствующих законодательных положений.

Работа основана на результатах исследований других ученых в указанной области, отечественном и зарубежном законодательстве о пробации, а также собранном эмпирическом материале. В качестве эмпирической основы использованы результаты изучения 31 уникального пробационного дела в отношении лиц, к которым применялась исполнительная пробация, на территории нескольких субъектов Российской Федерации. Изучение личных дел осужденных и бывших заключенных по применению к ним исполнительной пробации осуществлялось в рамках выполнения проекта № 24-78-10043 «Эффективная пробация – безопасное общество», поддержанного Российским научным фондом.

Таким образом, в рамках настоящей статьи будет исследована научная и практическая проблема определения особенностей правового статуса лиц, в отношении которых применяется исполнительная пробация, в аспекте его нормативного правового регулирования и первых результатов правоприменительной практики по прошествии одного года с момента вступления в силу законодательных положений о данном виде пробации. Изучение правового статуса будет осуществлено через призму анализа понятия «клиент пробации», исследования социально-демографических и уголовно-правовых характеристик лиц, в отношении которых была применена исполнительная пробация, анализа категорий трудной жизненной ситуации и индивидуальной нуждаемости лица как необходимых условий применения исполнительной пробации. Исследование выполнено по актуальной и социально значимой проблематике и отражает современное состояние развития рассматриваемого института.

1. Понятие «клиент исполнительной пробации»

Термин «клиент пробации» не характерен для отечественного законодательства. Для обозначения «клиентов пробации» в Законе о пробации используется следующая формулировка – «лица, в отношении которых применяется пробация». Кроме того, в разных статьях указанного закона применяются и другие обозначения: «лица, отбывшие уголовные наказания», «осужденные к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, и (или) которым были назначены иные меры уголовно-правового характера» (ст. 5, ст. 10), «лица, находящиеся в трудной жизненной ситуации» (ст. 11), «осужденные, отбывающие наказания» (ст. 15) и др.

Отсутствие в законе единой терминологии и использование разнообразных формулировок не позволяют в ряде случаев однозначно определить, распространяется ли та или иная правовая норма на всех клиентов пробации либо же только на какую-то определенную категорию лиц.

Несмотря на отсутствие практики использования термина «клиент пробации» в отечественном законодательстве, отметим, что данная категория получила достаточно широкое распространение в законодательстве ряда зарубежных стран, где институт пробации имеет более глубокие исторические корни и является неотъемлемой частью реализации мер по социальной адаптации и ресоциализации осужденных и бывших заключенных уже не одно десятилетие [16. С. 12]. Например, использование данного термина распространено в законодательстве и практике Соединенных Штатов Америки [14].

Среди государств ближнего зарубежья также встречается практика законодательного применения термина «клиент пробации». Так, например, в соответствии с Законом Кыргызской Республики от 24.02.2017 № 34 «О пробации» клиентами пробации являются: 1) лица: которым приговором суда назначено наказание без изоляции от общества и принудительные меры уголовно-правового воздействия; освобожденные условно-досрочно от отбывания наказания в виде лишения свободы и подлежащие надзору; к которым решением суда применены взыскания и дополнительные правовые последствия за правонарушения; 2) лица, в отношении которых осуществляется социальное исследование: обвиняемые, в отношении которых судом назначена подготовка пробационного доклада; осужденные, подлежащие условно-досрочному освобождению от отбывания наказания в виде лишения свободы [15].

Таким образом, в законодательстве Кыргызской Республики под клиентами пробации понимаются лица, в отношении которых принято решение о применении какого-либо из видов пробации (досудебной, исполнительной, пенитенциарной, постпенитенциарной).

Не вдаваясь в научные дискуссии относительно истории происхождения термина «клиент пробации», что является темой для самостоятельного исследования, отметим, что автор настоящей статьи разделяет позицию тех ученых, которые считают необходимым введение указанного термина в отечественное законодательство о пробации [13]. Представляется, что для отечественной практики применение категории «клиент пробации» могло бы

иметь положительный эффект, который, на наш взгляд, мог бы проявляться в следующем:

1) с точки зрения юридической техники изложения документа определение на уровне закона родового понятия «клиент пробации» позволило бы более емко и точно очертить тот круг лиц, который далее упоминается в различных статьях закона, а также сделать правовые нормы более лаконичными в изложении и избежать случаев неоднозначного их толкования;

2) использование термина «клиент пробации» имеет более социально нейтральный характер и способствует уменьшению проявлений стигматизации в отношении осужденных и бывших заключенных.

Таким образом, представляется целесообразным введение в законодательство Российской Федерации о пробации категории «клиент пробации». Под клиентом пробации следует понимать лицо, в отношении которого применяется пробация. При этом применительно к каждому виду пробации в законе следует конкретизировать категории лиц, которые будут относиться к клиентам исполнительной, пенитенциарной и постпенитенциарной пробации в силу специфики субъектного состава каждого из указанных видов пробации.

Исходя из указанного подхода под клиентом исполнительной пробации предлагается понимать лицо, находящееся в трудной жизненной ситуации и относящееся к категориям, указанным в ч. 1 ст. 11 Закона о пробации, в отношении которого установлены критерии индивидуальной нуждаемости и принято решение о целесообразности оказания содействия в ресоциализации и социальной адаптации.

2. Категории клиентов исполнительной пробации

В соответствии с ч. 1 ст. 11 Закона о пробации лица, в отношении которых может применяться исполнительная пробация, условно могут быть поделены на две категории:

1) осужденные к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества (за исключением осужденных к штрафу, назначенному в качестве основного наказания, и принудительным работам);

2) лица, в отношении которых применены иные меры уголовно-правового характера.

Применительно ко второй категории лиц необходимо отметить, что термин «иные меры уголовно-правового характера», употребляемый в Законе о пробации и Уголовном кодексе Российской Федерации, имеет различное содержание.

По Уголовному кодексу РФ к иным мерам уголовно-правового характера при буквальном толковании отнесены те меры, которые входят в раздел VI, а именно: принудительные меры медицинского характера (гл. 15), конфискация имущества (гл. 15.1) и судебный штраф (гл. 15.2).

Исходя из содержания положений ст. 5 и 11 Закона о пробации к иным мерам уголовно-правового характера в понимании данного закона отнесены

условное осуждение, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания и ряд других.

Некоторые учёные предлагают рассматривать категорию «уголовно-правовые меры» в узком и широком смысле. Так, например, по мнению В.А. Уткина, в широком смысле слова всякая мера, закрепленная в уголовном законодательстве, является уголовно-правовой по своему местоположению. К уголовно-правовым мерам в узком смысле относятся только те, которые по своей юридической природе органически связаны с методом уголовного права [16. С. 95; 17. С. 188–189].

При таком подходе любая мера, закрепленная в уголовном законе, может быть названа уголовно-правовой мерой в силу своего закрепления в уголовном законе [18. С. 70]. В этом контексте указанные в Законе о пробации лица, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, – это лица, которым назначены иные (помимо наказания) меры, предусмотренные уголовным законом (условное осуждение, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания и др.). Однако и при таком подходе, определяя категории лиц, в отношении которых может применяться исполнительная пробация, необходимо руководствоваться конкретным перечнем, установленным в ч. 1 ст. 11 Закона о пробации, который является закрытым и не предполагает расширительного толкования.

Однако сам перечень, изложенный в ч. 1 ст. 11 Закона о пробации, нуждается, на наш взгляд, в некоторых уточнениях. Во-первых, в части применения первого основания (наказания, не связанные с изоляцией от общества) при изучении пробационных дел были отмечены случаи, когда к лицу применялась исполнительная пробация по данному основанию при назначении наказания, не связанного с изоляцией от общества, в качестве дополнительного. Представляется, что по смыслу, придаваемому законодателем правовой нормой ч. 1 ст. 11 Закона о пробации, а также исходя из сущности самой исполнительной пробации, осуждение лица к наказанию, не связанному с изоляцией от общества, может выступать основанием для применения исполнительной пробации только в том случае, если данные наказания назначены в качестве основных. Во-вторых, обращает на себя внимание второе из указанных в ч. 1 ст. 11 Закона о пробации оснований – условно-досрочное освобождение от отбывания наказаний в виде лишения свободы или принудительных работ. На наш взгляд, условно-досрочное освобождение по своей социальной и правовой природе является скорее основанием для применения постпенитенциарной пробации, поскольку лицо освобождается от наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, т.е. из пенитенциарного учреждения. Наличие данного основания именно в разряде оснований для воздействия на лиц, которые не были изолированы от общества, не позволяет в полной мере определить специфику необходимых мер по ресоциализации указанной категории лиц. В этой связи полагаем, что данное основание для применения пробации (условно-досрочное освобождение от отбывания наказаний в виде лишения свободы или принудительных работ)

должно быть исключено из перечня ч. 1 ст. 11 Закона о пробации и отнесено к основаниям для применения постпенитенциарной пробации.

3. Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика клиентов исполнительной пробации

Среди клиентов исполнительной пробации по изученному нами 31 пробационному делу преобладают мужчины (около 80% от общего количества изученных случаев). Средний возраст лиц, в отношении которых применялась исполнительная пробация, – около 37 лет. Чаще всего исполнительная пробация применялась в отношении лиц в возрастной группе 36–55 лет (43%). При этом среди клиентов исполнительной пробации практически полностью отсутствовали несовершеннолетние (менее 1% от числа обратившихся). По уровню образования 51% лиц по изученным пробационным делам имеют основное и среднее общее образование (9–11 классов), среднее профессиональное образование – у 31% лиц, высшее образование имеют 3% лиц; 8% клиентов исполнительной пробации не имеют образования либо имеют начальное образование (4 класса). В отношении остальных информацию об уровне образования из документов пробационного дела установить не удалось.

По трудоустройству картина выглядит следующим образом. Преобладают безработные лица – почти 55%. У 21% клиентов исполнительной пробации имеются неофициальные источники дохода, 14% официально трудоустроены и работают по трудовому договору.

68% лиц по изученным нами пробационным делам являются холостыми, 9% состоят в фактических брачных отношениях, 20% – женаты (замужем).

Относительно уголовно-правовой характеристики клиентов исполнительной пробации следует отметить, что чаще всего лицам, в отношении которых применялась исполнительная пробация, в качестве наказания было назначено лишение свободы (около 70%). Дополнительные наказания были назначены менее 10% лиц. Самым распространенным дополнительным видом наказания было лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Наиболее часто исполнительная пробация назначалась условно осужденным (53%), в 21% случаев клиенты пробации относились к категории осужденных, которым было назначено наказание без изоляции от общества. Преобладающими составами преступлений, за совершение которых были осуждены клиенты исполнительной пробации, явились составы, предусмотренные ст. 157, 158, 228 Уголовного кодекса РФ.

Исходя из указанных данных, можно отметить, что портрет среднестатистического клиента исполнительной пробации по изученным нами делам выглядит следующим образом: это мужчина около 37 лет, холостой либо состоящий в фактических брачных отношениях, чаще всего безработный, имеющий основное или среднее общее образование, совершивший общеуголовное корыстное преступление либо преступление в сфере незаконного

оборота наркотических средств и психотропных веществ, осужденный к лишению свободы условно, реже – к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества.

Представленные наиболее типичные (часто встречающиеся) характеристики клиента исполнительной пробации позволяют произвести прогноз относительно наиболее востребованных мероприятий в рамках исполнительной пробации. Так, например, высокий процент безработных среди лиц, к которым применяется исполнительная пробация, может указывать на высокую потребность в оказании содействия в трудоустройстве. При этом большой процент лиц с основным и средним общим образованием, а также средним профессиональным образованием позволяет спрогнозировать возможные сферы деятельности (отрасли производства), потребность в трудоустройстве в которых будет особенно востребована у клиентов пробации. Отсюда можно предположить, что одним из направлений взаимодействия субъектов исполнительной пробации, которому следует уделить особое первоочередное внимание, является сфера оказания содействия в трудоустройстве.

Еще один важный показатель, который был установлен в процессе проведения настоящего исследования и который представляется важным в аспекте изучения эффективности института исполнительной пробации в целом, а также определения особенностей правового статуса клиентов исполнительной пробации в частности, – это процентное соотношение между общим числом лиц, состоящих на учетах в уголовно-исполнительных инспекциях и имеющих право на обращение за исполнительной пробацией, и числом лиц, фактически обратившихся за применением исполнительной пробации. На сегодняшний день этот процент, как правило, составляет не более 3–5% в разных регионах страны. Как видим, указанный показатель совсем небольшой, и исполнительной пробацией в перспективе может быть охвачено гораздо большее число лиц в сравнении с текущими показателями. С учетом анализа изученных анкет, находящихся в пробационных делах и заполняемых самими клиентами исполнительной пробации, а также практики общения с сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций и «потенциальными» клиентами исполнительной пробации, т.е. лицами, имеющими право на применение в отношении них данного вида пробации, можно предположить, что небольшой процент обратившихся за исполнительной пробацией в сравнении с общим числом лиц, имеющих право на применение данного вида пробации, в течение первого года реализации исполнительной пробации обусловлен следующими причинами: новизна института пробации (для большинства потенциальных клиентов исполнительной пробации даже сам термин «пробация» является абсолютно новым и незнакомым, а потому вызывает определенную психологическую настороженность); отсутствие отлаженных механизмов взаимодействия субъектов пробации, что усложняет осуществление пробационных мер; отсутствие веры у потенциальных клиентов исполнительной пробации в её действенность и эффективность; необходимость дополнительного взаимодействия с уголовно-исполнительными инспекциями; восприятие пробационных мероприятий не как

мер, направленных на помощь клиентам пробации, а как элемент дополнительного контроля за ними и др. Вопрос о «популярности» исполнительской пробации среди осужденных и частоте обращаемости за применением данного вида пробации, безусловно, важен для прогнозирования эффективности пробации в будущем, а потому требует отдельного комплексного изучения, выходящего за предмет настоящего исследования. В данной статье нами отмечен лишь возможный вектор такого исследования.

4. Трудная жизненная ситуация и индивидуальная нуждаемость клиента исполнительской пробации

Согласно ст. 5, 11 Закона о пробации, клиенты исполнительской пробации должны дополнительно, помимо указанных ранее критериев исполнения в отношении них наказания без изоляции от общества или иных мер уголовно-правового характера, также отвечать следующим критериям:

- 1) наличие трудной жизненной ситуации;
- 2) установленная индивидуальная нуждаемость лица.

Закон о пробации определяет трудную жизненную ситуацию как обстоятельство или обстоятельства, которые ухудшают условия жизнедеятельности лиц, в отношении которых применяется пробация и последствия которых они не могут преодолеть самостоятельно (п. 9 ч. 1 ст. 5 закона).

Отечественный законодатель определил трудную жизненную ситуацию клиента пробации как любое обстоятельство или обстоятельства, которые ухудшают условия его жизнедеятельности. Из законодательного определения трудной жизненной ситуации следует, что такие обстоятельства могут быть никак не связаны с предшествующим криминальным поведением лица, что представляется не совсем логичным и необоснованно расширяет содержание субъективного права потенциального клиента пробации попытаться решить за счет данного института практически любую свою проблему. Отметим, что в ряде зарубежных государств трудная жизненная ситуация применительно к клиентам пробации сформулирована иначе. Например, в законодательстве о пробации Кыргызской Республики трудная жизненная ситуация определяется как совокупность объективных и личных обстоятельств, являющихся причинами и условиями совершения лицом правонарушений, последствия которых он не может преодолеть самостоятельно [18]. Подобный подход представляется оправданным, поскольку пробация должна быть нацелена не на решение любых жизненных трудностей осужденного или бывшего заключенного, а именно на преодоление того, что стало причиной или условием совершения им преступления.

Индивидуальная нуждаемость определяется законодателем как потребность лиц, в отношении которых применяется пробация, в поддержке, необходимой для преодоления трудной жизненной ситуации (п. 10 ч. 1 ст. 5 закона). Индивидуальная нуждаемость устанавливается в соответствии с Критериями и методикой оценки индивидуальной нуждемости в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, установленными приложением № 4 к приказу Минюста России от 29.11.2023 № 350 [19].

Методика оценки трудной жизненной ситуации, в отличие от методики оценки индивидуальной нуждаемости, ни в законе, ни в подзаконных нормативных правовых актах не установлена. На практике, как правило, оценке подвергается только индивидуальная нуждаемость, а наличие трудной жизненной ситуации у лица, обратившегося за оказанием ему содействия в социальной адаптации и ресоциализации, как правило, оценивается формально, презюмируется либо вовсе не оценивается. Данным подход представляется не совсем верным и может привести к увеличению нагрузки на уголовно-исполнительные инспекции, поскольку за пробацией могут обращаться и те лица, у которых фактически будет отсутствовать трудная жизненная ситуация. Так, например, лицо может иметь потребность в восстановлении ему документа (СНИЛС, ИНН либо любого другого), вместе тем какие-либо обстоятельства, затрудняющие сделать это самостоятельно (обстоятельства трудной жизненной ситуации), могут отсутствовать, следовательно, в подобной ситуации объективных оснований для применения пробации не будет.

Таким образом, поскольку фактор трудной жизненной ситуации наряду с необходимостью установления индивидуальной нуждаемости предусмотрен законом, что, на наш взгляд, является обоснованным, представляется целесообразным дополнить Критерии и методику, установленные приложением № 4 к приказу Минюста России от 29.11.2023 № 350, также положениями о необходимости оценки трудной жизненной ситуации лица и возможными критериями, относящимися к такой ситуации.

Что касается индивидуальной нуждаемости клиентов исполнительной пробации, то на практике по изученным нами пробационным делам чаще всего у лиц была установлена нуждаемость в содействии в получении документов, необходимых для реализации своих прав (36%), необходимость консультирования по социальным и правовым вопросам (21%), а также необходимость содействия в трудоустройстве (11%). Сообразно указанным установленным у лиц критериям индивидуальной нуждаемости наибольшей востребованностью пользовались мероприятия по восстановлению документов (чаще всего паспорта, ИНН, СНИЛС, полиса ОМС), мероприятия по консультированию и оказанию содействия в трудоустройстве.

Изучение личных пробационных дел показало, что нередко в отношении одного лица может быть подтверждена его индивидуальная нуждаемость сразу по нескольким критериям. В этом случае возникает вопрос, необходимо ли по каждому из установленных критериев индивидуальной нуждаемости принимать самостоятельное решение о целесообразности (нецелесообразности) применения пробации и разрабатывать отдельную индивидуальную программу с заведением отдельного пробационного дела? Иными словами, может ли в отношении одного и того же лица одновременно находиться на исполнении сразу несколько дел о применении к нему исполнительной пробации? На практике такие случаи имели место быть. Полагаем, что на этапе работы по заявлению лица об оказании ему содействия должна быть проведена комплексная оценка его жизненной ситуации, установлены

(насколько это возможно) все критерии индивидуальной нуждаемости и на основании этого принято решение о целесообразности (нецелесообразности) оказания содействия (с оценкой всех выявленных критериев индивидуальной нуждаемости), составлением единой индивидуальной программы и ведением одного дела. В случае выявления в процессе применения исполнительской пробации дополнительных критериев нуждаемости и (или) деактуализации какой-либо потребности, соответствующие изменения должны вноситься в действующую индивидуальную программу клиента исполнительской пробации. Выделение нескольких дел в отношении одного и того же лица по каждому из установленных критериев нуждаемости представляется нецелесообразным и может приводить к искажению показателей по количеству лиц, которым оказано содействие и помощь в рамках пробации.

Еще один вопрос, возникающий на практике при принятии решений о применении либо отказе в применении к лицу исполнительской пробации, — это вопрос о том, возможно ли повторное применение пробации в отношении одного и того же лица.

Так, ч. 3 ст. 21 Закона о пробации устанавливает запрет на повторное применение постпенитенциарной пробации. В отношении исполнительской пробации прямого указания в законе о невозможности применения данного вида пробации повторно не содержится [23. С. 683]. Вместе с тем ч. 3 ст. 11 закона устанавливает правило о том, что меры исполнительской пробации осуществляются в порядке, установленном гл. 5 указанного федерального закона, в которой и содержится ст. 21, предусматривающая запрет на повторное применение постпенитенциарной пробации. Из указанного можно сделать вывод, что и на исполнительскую пробацию распространяется правило о невозможности её повторного применения.

Данный вывод подтверждается положениями подзаконных нормативных правовых актов. В частности, аналогичные нормы присутствуют в Порядке исполнения обязанностей и осуществления прав учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных мер или лишения свободы, и уголовно-исполнительных инспекций в сфере пробации, закреплённом в приложении № 1 к приказу Минюста России от 29.11.2023 № 350. Согласно п. 56 указанного Порядка, исполнительская пробация повторно не применяется.

С.М. Кривенцева, рассуждая о запрете повторного применения исполнительской пробации, приводит следующий пример: «Петрову, осужденному к исправительным работам сроком на 2 года, в течение 2024 года оказывались социальные услуги в рамках исполнительской пробации. В 2025 году Петров совершает повторное преступление, за которое по приговору суда ему назначено условное осуждение с испытательным сроком на три года, а оставшийся срок исправительных работ судом оставлен к самостоятельному исполнению» [20. С. 684]. Возможно ли в данном случае повторное применение исполнительской пробации по приговору с условным осуждением? Исходя из буквального толкования законодательных положений, следует, что повторное применение пробации невозможно.

Вместе с тем всё многообразие обстоятельств реальной жизни, в том числе не исключающих повторное осуждение лица либо возникновение каких-либо новых потребностей в оказании ему содействия, при наличии и объективном установлении у лица трудной жизненной ситуации, не должно лишать его права на применение исполнительной пробации повторно. В этой связи следует согласиться с позицией С.М. Кривенцевой о нецелесообразности категоричного закрепления в правовых нормах запрета на повторное применение исполнительной пробации [20. С. 684].

Таким образом, считаем целесообразным внесение в Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» и, соответственно, в приказ Минюста России от 29.11.2023 № 350 изменений, исключающих запрет повторного применения исполнительной пробации.

Однако, устраняя запрет на повторное применение исполнительной пробации, важно понимать, что при оценке трудной жизненной ситуации лица, последняя должна быть установлена не само по себе, как любые обстоятельства, ухудшающие условия жизнедеятельности осужденного или бывшего заключенного, а лишь как такая совокупность объективных и личных обстоятельств, которые явились и (или) могут явиться причинами и условиями совершения лицом преступления, последствия которых он не может преодолеть самостоятельно. Преодоление индивидуальной нуждаемости, в свою очередь, должно улучшать условия жизнедеятельности клиента пробации (с учетом его трудной жизненной ситуации) и стимулировать его к правопослушному поведению в будущем. Полагаем, что при таком подходе устранение запрета на повторное применение исполнительной пробации, при правильной и взвешенной оценке трудной жизненной ситуации лица и его индивидуальной нуждаемости и установлении их взаимосвязи с криминальным поведением лица с целью минимизации риска повторения такого поведения в будущем, не приведет к значительному увеличению нагрузки на субъектов пробации, но может сделать пробацию более эффективной в тех случаях, когда пробационные меры действительно необходимо лицу, в том числе повторно.

Выводы

По результатам проведенного исследования могут быть сделаны следующие выводы.

1. Представляется целесообразным введение в законодательство Российской Федерации о пробации категории «клиент пробации» и дополнение в связи с этим ст. 5 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» соответствующим определением. Применительно к каждому виду пробации предлагается конкретизировать категории лиц, которые будут относиться к клиентам исполнительной, пенитенциарной и постпенитенциарной пробации.

Под клиентом исполнительной пробации предлагается понимать лицо, находящееся в трудной жизненной ситуации и относящееся к категориям, указанным в ч. 1 ст. 11 Закона о пробации, в отношении которого установлены критерии индивидуальной нуждаемости и принято решение о целесообразности оказания содействия в ресоциализации и социальной адаптации.

2. Введение в законодательство категории «клиент пробации», по мнению автора, будет способствовать уменьшению проявлений стигматизации в отношении осужденных и бывших заключенных, поскольку данный термин является более социально нейтральным, без отсылки к криминальному прошлому лица.

3. Из ч. 1 ст. 11 Закона о пробации предлагается исключить пп. 2: освобожденных условно-досрочно от отбывания наказаний в виде лишения свободы или принудительных работ представляется целесообразным отнести к клиентам постпенитенциарной пробации.

4. При выявлении у клиента исполнительной пробации нескольких критериев нуждаемости в отношении него должно вестись одно пробационное дело (без выделения самостоятельных дел по каждому установленному критерию нуждаемости) с составлением единой индивидуальной программы.

5. Индивидуальная нуждаемость клиента исполнительной пробации должна устанавливаться и оцениваться в совокупности с его трудной жизненной ситуацией. При этом индивидуальная нуждаемость и трудная жизненная ситуация клиента исполнительной пробации должны быть связаны с (обусловлены) преступным поведением лица, а их преодоление должно вести к стимулированию правопослушного поведения клиента исполнительной пробации в будущем.

В завершение отметим, что в настоящей статье представлены лишь некоторые выводы и предложения, касающиеся проблемных вопросов определения правового статуса клиента исполнительной пробации. Надеемся, что данные результаты будут полезными для будущих исследований и смогут стать отправной точкой в изучении иных аспектов пробации.

Список источников

1. Уткин В.А. Ресоциализация освобожденных от наказания: история и современность // Уголовная юстиция. 2014. № 1 (3). С. 75–80.

2. Громов В.Г. Пробация и проблемы её реализации в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 184–191.

3. Уткин В.А. О перспективах участия граждан в пробации // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии : материалы XIV Российского конгресса уголовного права, Москва, 30–31 мая 2024 года. М. : Юрлитинформ, 2024. С. 538–544.

4. Уткин В.А. О перспективах пробации в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 5–8.

5. Скиба А.П. Принятие Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»: некоторые направления развития законодательства о противодействии преступности // Вестник Кузбасского института. 2024. № 2(59). С. 65–79. doi: 10.53993/2078-3914/2024/2(59)/65-79

6. Скиба А.П., Малолеткина Н.С. Закон «О пробации в Российской Федерации» как предпосылка дальнейшего развития уголовно-исполнительного права // Вестник Кузбасского института. 2023. № 1 (54). С. 80–90. doi: 10.53993/2078-3914/2023/1(54)/80-90

7. Скиба А.П. Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации»: направления развития уголовного права // Союз криминалистов и кримиологов. 2024. № 1. С. 19–25.

8. Гета М.Р. Пробация в уголовном праве зарубежных стран : учеб. пособие. Усть-Каменогорск : Издательство ВКГУ им. С. Аманжолова, 2004. 92 с.
9. Гета М.Р. Пробация в современной России: «подводные рифы» ее правового регулирования // Петербургские пенитенциарные конференции : сб. материалов комплекса междунар. науч.-практ. конф. : В 2 т. Санкт-Петербург, Пушкин, 16–17 мая 2024 года. СПб. : Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 52–55.
10. Гета М.Р. Пробация в России: первые шаги от научной идеи к практическому воплощению // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Самара, 01–02 июня 2023 года. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2023. С. 51–54.
11. Абатуров А.И., Коровин А.А. Служба пробации: зарубежный опыт / под общ. ред. Н.Б. Хуторской. Киров : Спектр-Принт, 2013. 174 с.
12. Абатуров А.И. Пробация как элемент постпенитенциарной безопасности // Юридическая наука и практика : альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2024. — 3–11.
13. Агабекян А.Л. К вопросу о гарантиях защиты частных интересов «клиента» пробации в новом Федеральном законе № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Вестник Кузбасского института. 2023. № 4 (57). С. 9–15. doi: 10.53993/2078-3914/2023/4(57)/9-15
14. Служба пробации Великобритании и США : учеб. пособие / сост. Н.Н. Ивашко, К.А. Кунаш, В.Е. Луценко, А.Л. Морозова. Новокузнецк : ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2023. 49 с.
15. Закон Кыргызской Республики от 24.02.2017 № 34 «О пробации». URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-2335/edition/1103351/ru?ysclid=m9up6zv43q978859352> (дата обращения: 21.04.2025).
16. Уткин В.А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 189 с.
17. Уткин В.А. О правовой природе воспитательных мер, применяемых к осужденным за преступления // Актуальные проблемы государства и права в современный период : сб. ст. Томск, 1981. С. 188–189.
18. Васеловская А.В. Принудительное лечение в психиатрическом стационаре по Уголовному кодексу Российской Федерации. М. : Юрлитинформ, 2023. 184 с.
19. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463279/?ysclid=m5tixdume1873532317 (дата обращения: 15.04.2025).
20. Кривенцева С.М. Исполнительная и постпенитенциарная пробация // Флагман науки. 2024. № 6 (17). С. 683–684.

References

1. Utkin, V.A. (2014) Resotsializatsiya osvobozhdennykh ot nakazaniya: istoriya i sovremennost' [Resocialization of Persons Released from Punishment: History and Modernity]. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1(3). pp. 75–80.
2. Gromov, V.G. (2024) Probatsiya i problemy ee realizatsii v Rossiyskoy Federatsii [Probation and Problems of Its Implementation in the Russian Federation]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*. 24(2). pp. 184–191.
3. Utkin, V.A. (2024) O perspektivakh uchastiya grazhdan v probatsii [On the Prospects for Citizen Participation in Probation]. *Obshchestvennaya opasnost' v уголовном, уголовно-исполнител'ном праве i kriminologii* [Public Danger in Criminal, Penal Law, and Criminology].

Proc. of the 14th Russian Congress of Criminal Law, Moscow, May 30–31, 2024. Moscow: Yurlitinform. pp. 538–544.

4. Utkin, V.A. (2016) O perspektivakh probatsii v Rossii [On the Prospects for Probation in Russia]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*. 4. pp. 5–8.

5. Skiba, A.P. (2024) Prinyatie Federal'nogo zakona “O probatsii v Rossiyskoy Federatsii”: nekotorye napravleniya razvitiya zakonodatel'stva o protivodeystvii prestupnosti [The Adoption of the Federal Law 'On Probation in the Russian Federation': Some Directions for the Development of Legislation on Combating Crime]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 2(59). pp. 65–79. DOI: 10.53993/2078-3914/2024/2(59)/65-79

6. Skiba, A.P. & Maloletkina, N.S. (2023) Zakon “O probatsii v Rossiyskoy Federatsii” kak predposylka dal'neyshego razvitiya ugolovno-ispolnitel'nogo prava [The Law 'On Probation in the Russian Federation' as a Prerequisite for the Further Development of Penal Law]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 1(54). pp. 80–90. DOI: 10.53993/2078-3914/2023/1(54)/80-90

7. Skiba, A.P. (2024) Federal'nyy zakon “o probatsii v Rossiyskoy Federatsii”: napravleniya razvitiya ugolovnogo prava [Federal Law 'On Probation in the Russian Federation': Directions for the Development of Criminal Law]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov*. 1. pp. 19–25.

8. Geta, M.R. (2004a) *Probatsiya v ugolovnom prave zarubezhnykh stran* [Probation in the Criminal Law of Foreign Countries]. Ust-Kamenogorsk: S. Amanzholov VKSU.

9. Geta, M.R. (2024b) Probatsiya v sovremennoy Rossii: “podvodnye rify” ee pravovogo regulirovaniya [Probation in Modern Russia: The 'Pitfalls' of Its Legal Regulation]. In: *Peterburgskie penitentsiarnye konferentsii: sbornik materialov kompleksa mezhdunarodnykh nauchno-prakticheskikh konferentsiy: v 2 t.* [Petersburg Penitentiary Conferences: Collection of Materials from a Series of International Conferences: in 2 vols]. St. Petersburg, Pushkin, May 16–17, 2024. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 52–55.

10. Geta, M.R. (2023) Probatsiya v Rossii: pervye shagi ot nauchnoy idei k prakticheskomu voploshcheniyu [Probation in Russia: First Steps from a Scientific Idea to Practical Implementation]. *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyy opyt* [Penitentiary Security: National Traditions and Foreign Experience]. Proc. of the All-Russian Conference with International Participation, Samara, June 1–2, 2023. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 51–54.

11. Abaturov, A.I. & Korovin, A.A. (2013) *Sluzhba probatsii: zarubezhnyy opyt* [Probation Service: Foreign Experience]. Kirov: Spektr-Print.

12. Abaturov, A.I. (2024) Probatsiya kak element postpenitentsiarnoy bezopasnosti [Probation as an Element of Post-Penitentiary Security]. In: *Yuridicheskaya nauka i praktika* [Legal Science and Practice]. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 3–11.

13. Agabekyan, A.L. (2023) K voprosu o garantiyakh zashchity chastnykh interesov “klienta” probatsii v novom Federal'nom zakone № 10-FZ “O probatsii v Rossiyskoy Federatsii” [On the Guarantees for Protecting the Private Interests of the Probation 'Client' in the New Federal Law No. 10-FZ 'On Probation in the Russian Federation']. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 4(57). pp. 9–15. DOI: 10.53993/2078-3914/2023/4(57)/9-15

14. Ivashko, N.N., Kunash, K.A., Lutsenko, V.E. & Morozova, A.L. (2023) *Sluzhba probatsii Velikobritanii i SShA* [Probation Service of the United Kingdom and the USA]. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

15. The Kyrgyz Republic. (2017) *Zakon Kyrgyzskoy Respubliki ot 24.02.2017 № 34 “O probatsii”* [Law of the Kyrgyz Republic No. 34 of February 24, 2017, “On Probation”]. [Online] Available from: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-2335/edition/1103351/ru?ysclid=m9up6zv43q978859352> (Accessed: 21st April 2025).

16. Utkin, V.A. (1984) *Nakazanie i ispravitel'no-trudovoe vozdeystvie* [Punishment and Corrective Labor Influence]. Tomsk: Tomsk State University.

17. Utkin, V.A. (1981) O pravovoy prirode vospitatel'nykh mer, primenyaemykh k osuzhdennym za prestupleniya [On the Legal Nature of Educational Measures Applied to Persons Convicted of Crimes]. In: *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava v sovremennyi period* [Current Problems of State and Law in the Modern Period]. Tomsk: [s.n.]. pp. 188–189.

18. Vaselovskaya, A.V. (2023) *Prinuditel'noe lechenie v psikhiatricheskom statsionare po Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Compulsory Treatment in a Psychiatric Hospital under the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Yurлитinform.

19. Russian Federation. (2023) *Prikaz Ministerstva yustitsii Rossiyskoy Federatsii ot 29.11.2023 № 350 O resotsializatsii, sotsial'noy adaptatsii i sotsial'noy reabilitatsii lits, v otnoshenii kotorykh primenyaetsya probatsiya v sootvetstvii s Federal'nym zakonom ot 06.02.2023 № 10-FZ "O probatsii v Rossiyskoy Federatsii"* [Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 350 of November 29, 2023, On the Resocialization, Social Adaptation and Social Rehabilitation of Persons Subject to Probation in Accordance with Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023, On Probation in the Russian Federation]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463279/?ysclid=m5tixdume1873532317 (Accessed: 15th April 2025).

20. Kriventseva, S.M. (2024) Ispolnitel'naya i postpenitentsiarnaya probatsiya [Executive and Post-Penitentiary Probation]. *Flagman nauki*. 6(17). pp. 683–684.

Информация об авторе:

Васеловская А.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vaselovskaya.a@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vaselovskaya A.V., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vaselovskaya.a@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.04.2025;
одобрена после рецензирования 26.06.2025; принята к публикации 10.10.2025.*

*The article was submitted 25.04.2025;
approved after reviewing 26.06.2025; accepted for publication 10.10.2025.*

Научная статья
УДК 343.98
doi: 10.17223/22253513/57/4

Особенности использования искусственного интеллекта в криминалистической деятельности: некоторые актуальные вопросы

Гайса Мосович Меретуков¹, Анатолий Сергеевич Усенко²

^{1, 2} *Кубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия*

¹ *mosovich@bk.ru*

² *ceo@epomen.ru*

Аннотация. Рассматривается роль нейронных сетей, включая рекуррентные и сверточные нейронные сети, в обеспечении эффективной обработки данных и принятия решений в криминалистических задачах. Выводы подчеркивают значительный потенциал искусственного интеллекта (ИИ) для оптимизации криминалистических исследований. Разработка и внедрение эффективных технологических решений в сочетании с правовыми механизмами способны оптимизировать раскрытие и расследование преступлений, а также проведение экспертных исследований.

Ключевые слова: криминалистика, искусственный интеллект, криминалистическая техника

Для цитирования: Меретуков Г.М., Усенко А.С. Особенности использования искусственного интеллекта в криминалистической деятельности: некоторые актуальные вопросы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 57. С. 44–58. doi: 10.17223/22253513/57/4

Original article
doi: 10.17223/22253513/57/4

Features of the use of artificial intelligence in forensic activities: some relevant questions

Gaysa M. Meretukov¹, Anatoliy S. Usenko²

^{1, 2} *Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russian Federation*

¹ *mosovich@bk.ru*

² *ceo@epomen.ru*

Abstract. The article examines the role of neural networks, including recurrent and convolutional neural networks, in ensuring efficient data processing and decision-making in forensic tasks. The findings highlight the significant potential of artificial intelligence for optimizing forensic research. The development and implementation of effective technological solutions combined with legal mechanisms can optimize the detection and investigation of crimes, as well as the conduct of expert research.

In the context of the rapid development of technological progress, innovative technologies permeate all spheres of human activity. Forensic science, being an integral part of the law enforcement system, does not remain aloof from these trends.

Law enforcement agencies face a critically important task: to research and implement the latest technological solutions that contribute to improving the effectiveness of forensic activities. Such solutions open up a wide range of opportunities for improving crime detection and investigation methods, improving the quality of expert research, and improving the justice system as a whole.

A neural network is a computing device consisting of interconnected nodes organized into multi-layered structures capable of learning from large amounts of data. Optimization of the learning process is achieved through the use of complex algorithms that ensure the effective operation of this network in various tasks. Neural networks are classified according to different architectures, but recurrent neural networks (hereinafter referred to as RNNs) have demonstrated optimal efficiency in tasks related to optimizing the detection and investigation of crimes.

RNNs are a type of neural networks that are used in various tasks, including speech and voice recognition, time series prediction, and natural language processing. RNNs were created to overcome the limitations of classical feed-forward neural networks, which could not efficiently process sequential data. Unlike traditional neural networks, RNNs have recurrent connections that allow them to store information about previous inputs and take it into account when processing the current input. RNNs are distinguished by their ability to process data sequentially, storing information about previous elements in their internal memory. This property makes RNNs suitable for processing tasks involving time dependence, such as natural language processing and speech recognition.

In conclusion, it should be concluded that it is necessary to take into account the fact of continuous improvement and methods of committing crimes, including through the use of artificial intelligence systems by criminals, as well as making mistakes by the platform (identifying a legitimate transaction as suspicious, which, in turn, may lead to a violation of the rights of consumers of banking services). Therefore, it is necessary to continuously optimize the platform for monitoring transfers of Russian citizens to identify suspicious transactions. The issue of legal protection of personal data also requires a legal rethink.

Keywords: criminalistics, artificial intelligence, forensic technology

For citation: Meretukov, G.M. & Usenko, A.S. (2025) Features of the use of artificial intelligence in criminalistic activities: some topical issues. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 57. pp. 44–58. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/57/4

Возможность использования в криминалистической деятельности, в частности в судебно-экспертной деятельности, специализированных электронно-вычислительных программ, позволяющих формировать искусственный интеллект (ИИ), в юридической литературе появилась в середине прошлого века. Например, Г.М. Собко предложил разработать специальную методику по описанию идентификационного исследования почерка, которую нужно «ввести в программу ЭВМ и снабдить ее программой распознавания тех признаков, которые содержатся в каталогах <...> можно достичь автоматизации идентификационной процедуры» [1. С. 112]. Р.М. Ланцман в своей докторской диссертации и других монографических работах отмечал следующее: «...полученные результаты с несомненностью свидетельствуют

о том, что машина проводит дифференциацию близких почерковых структур значительно лучше экспертов» [2. С. 25, 65–66; 3. С. 68; 4]. Развивая идею автоматизации некоторых направлений криминалистики, В.М. Глушков пишет, что «в чисто техническом аспекте возможность для машины превзойти своего создателя сегодня не вызывает сомнений. Более того, принципиально ясна техническая возможность построения системы машин, которые могли бы не только решать отдельные интеллектуальные задачи, но и осуществлять комплексную автоматизацию таких высокоинтеллектуальных процессов, как развитие науки и техники» [5. С. 20]. В контексте этого Э. Попов и Д. Поспелов пишут, что «разрабатываемые ЭВМ нового поколения предполагают устранение посредника – программиста между пользователем, не умеющим программировать, и самой ЭВМ. Пользователь общается с ЭВМ с помощью комплекса средств, получившего название “интеллектуального интерфейса”, позволяющего общаться с ЭВМ на естественном языке» [6. С. 7]. По этой проблематике в этот период времени появились научные и прикладные работы, развивающие взгляды на создание и совершенствование новых цифровых технологий. Это работы Л.Е. Ароцкера [7. С. 189], А.Ф. Аубакирова и В.Г. Полуянова [8. С. 138], Г.Л. Грановского [9. С. 7], Н.С. Полевого [10. С. 179–198] и др.

Говоря современным научно-техническим языком, середина прошлого столетия является началом создания и использования искусственного интеллекта, прочно вошедшего в начале XXI в. в жизнь человечества. Вопросы разработки и использования цифровых технологий и искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве уже рассматривались авторами этой статьи ранее [10–17].

Кроме того, интерес для научного исследования представляет работа С.И. Грицаева [18], в которой проанализированы особенности использования информационных технологий для выявления преступлений, а также С.В. Швеца [19], в которой рассмотрены особенности реализации оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации» в рамках преодоления средств компьютерной защиты и др. Полностью или косвенно затрагивались вопросы оптимизации расследования посредством внедрения средств искусственного интеллекта в работах [20–23].

На сегодняшний день наблюдается возрастающая заинтересованность в интеграции ИИ в многочисленные сферы, включая юридическую. Эти системы, обладающие передовыми возможностями анализа данных, автоматизации процессов и предсказания тенденций, обладают значительным потенциалом для оптимизации правовой практики. Применение ИИ приводит к автономизации рутинных операций, обработке и интерпретации обширных наборов данных, повышению эффективности рабочих процессов, оптимизации принятия решений и разработке новаторских продуктов и услуг.

Прогрессивное развитие технологий, значительно превосходящее темпы законодательной регламентации, актуализирует потребность в надлежащем нормативном регулировании всех аспектов применения ИИ. Наличие правового вакуума в области применения искусственного интеллекта приводит

к двусмысленности и порождает вопросы о применимости и эффективности действующих правовых норм для регулирования данного технологического прогресса. Необходимость установления законодательного регулирования в этой сфере диктуется насущной потребностью обеспечения безопасности, прозрачности и соблюдения этических принципов в процессе использования искусственного интеллекта.

ИИ представляет собой автономное программное обеспечение, созданное с использованием переплетенных технологий. Структура ИИ отличается от линейной, а его функциональность базируется на алгоритмах обучения и адаптации. Система ИИ демонстрирует ограниченную способность к пониманию причинно-следственных отношений и решению интеллектуальных и эвристических задач. Обладая адаптивными механизмами, она способна корректировать и уточнять принимаемые решения на основе прошедшего опыта.

В рамках реализации п. 5 Указа Президента РФ № 490 от 10 октября 2019 г. «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» ИИ определяется как комплекс технологических решений, обеспечивающих имитацию когнитивных функций человека. Технологии ИИ подразумевают самообучение и способность находить решения без использования заранее заданного алгоритма. При этом результаты выполнения конкретных задач должны быть сравнимы с результатами интеллектуальной деятельности человека.

В условиях стремительного развития технологического прогресса инновационные технологии пронизывают все сферы человеческой деятельности. Криминалистическая наука, являясь неотъемлемой частью правоохранительной системы, не остается в стороне от этих тенденций.

Перед органами внутренних дел стоит критически важная задача: исследовать и внедрять новейшие технологические решения, которые способствуют повышению эффективности криминалистической деятельности. Такие решения открывают широкий спектр возможностей для совершенствования методов раскрытия и расследования преступлений, улучшения качества экспертных исследований и совершенствования системы правосудия в целом. В рамках Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. Данная стратегия идентифицирует приоритетные научно-исследовательские задачи в области ИИ. Представленные нормативные акты подчеркивают важность технологий искусственного интеллекта в современном российском контексте.

Нейронная сеть – это вычислительное устройство, состоящее из взаимосвязанных узлов, организованных в многослойные структуры, способная обучаться на больших объемах данных. Оптимизация процесса обучения достигается посредством применения сложных алгоритмов, обеспечивающих эффективную работу данной сети в различных задачах.

Нейронные сети классифицируются по различным архитектурам, но рекуррентные нейронные сети (далее – RNN) продемонстрировали оптимальную эффективность в задачах, связанных с оптимизацией выявления и расследования преступлений.

RNN представляют собой тип нейронных сетей, которые применяются в различных задачах, включая распознавание речи и голоса, прогнозирование временных рядов и обработку естественного языка. RNN были созданы для преодоления ограничений классических нейронных сетей с прямой связью, которые не могли эффективно обрабатывать последовательные данные. В отличие от традиционных нейронных сетей, RNN имеют рекуррентные соединения, которые позволяют им сохранять информацию о предыдущих входах и учитывать ее при обработке текущего ввода. Эта архитектура дает возможность RNN моделировать временные зависимости в данных и делать прогнозы или генерировать выходные данные на основании исторического контекста.

RNN отличаются способностью последовательно обрабатывать данные, сохраняя информацию о предыдущих элементах в своей внутренней памяти. Это свойство делает RNN пригодными для обработки задач, включающих временную зависимость, таких как обработка естественного языка и распознавание речи. Для эффективного обучения RNN необходимо создание репрезентативного датасета. Датасет представляет собой коллекцию обучающих примеров, которые охватывают диапазон рассматриваемого класса объектов. При составлении датасета важно обеспечить его целостность и отсутствие противоречивых элементов. Это гарантирует, что модель получает точные и достоверные данные для обучения.

Процесс разработки алгоритма обучения для искусственной нейронной сети включает определение нескольких критических компонентов.

Во-первых, устанавливаются условия завершения обучения. Они определяют, когда алгоритм должен прекратить обновлять параметры сети. Это может быть достигнуто, например, посредством достижения установленного порога погрешности или после предопределенного количества итераций.

Во-вторых, устанавливается порядок представления примеров обучающего набора. Это определяет последовательность подачи данных в сеть для обучения. Различные стратегии представления, такие как случайное перемешивание или построение в очередь, могут влиять на эффективность обучения.

В-третьих, определяются коэффициенты погрешностей. Они представляют собой веса, присвоенные различным типам ошибок, и влияют на направление корректировки параметров сети во время обучения.

Наконец, определяется количество допустимых ошибок до корректировки параметров. Это необходимо для контроля частоты обновления параметров сети. Чем выше количество допустимых ошибок, тем меньше частота обновления, что может привести к более гладкому процессу обучения.

Для семантического согласования процесса генерализации или специализации элементов набора данных необходимо установить соответствующие правила. Кроме того, следует рассмотреть возможность адаптации нейронной сети для либо периодического обновления обучающих алгоритмов, либо автономного обучения на основе предварительно заданных параметров, что позволит реализовать эволюционный процесс в сети.

Между ИИ и нейробиологией датасеты могут рассматриваться как хранилище приобретенных знаний и опыта, аналогично воспоминаниям и нейронным связям в человеческом мозге. Алгоритмы обучения, подобно когнитивным способностям, обеспечивают интерпретацию этих данных, извлекая закономерности и делая прогнозы.

Учитывая критическую роль алгоритмов обучения в определении эффективности искусственного интеллекта, они часто являются предметом коммерческой тайны. В отличие от этого, датасеты обычно публикуются для поддержки прогресса в технологии и научных исследованиях, поскольку доступ к данным способствует обучению и валидации алгоритмов.

На последующем этапе конволюционные нейронные сети (далее – CNN) подвергаются контролируемому обучению на аннотированных наборах данных. Этот процесс позволяет системе запоминать характерные особенности классов целевых объектов, что необходимо для будущих задач классификации.

Важно отметить, что алгоритмы искусственного интеллекта воспринимают сенсорные данные отличным от человеческого образом. Например, при обработке изображений CNN преобразуют их в математические функции, выявляя высокоуровневые абстракции. Аналогично при анализе текста нейронные сети могут сосредотачиваться на тонких лингвистических особенностях, таких как частота символов или семантическое расстояние между фрагментами текста, которые нередко незаметны для человека.

Процесс прохождения представляет собой полное итеративное прохождение выбранного набора данных в процессе обучения нейронной сети. Данный процесс позволяет улучшать параметры сети, многократно обрабатывая данные, вплоть до достижения предварительно определенных показателей эффективности. Количество проходов через набор данных в рамках эпохи может варьироваться в зависимости от сложности задачи обучения и выбранной гиперпараметризации модели.

На стадии оценки эффективности искусственной нейронной сети ей предлагается решить набор задач, аналогичных тем, на которых проводилось обучение. Тем не менее правильные ответы в данной ситуации не предоставляются. Точность полученных результатов оценивается на примерах, не входящих в обучающий набор данных. Такой подход обеспечивает максимальную приближенность к реальным условиям эксплуатации нейронной сети, позволяя объективно оценить ее производительность в «полевых» условиях.

Эффективность образовательного процесса оценивается по различным показателям. Ключевыми среди них являются точность (precision) и правильность (accuracy). Точность в машинном обучении характеризует степень воспроизводимости результатов. Сеть с высокой точностью последовательно решает задачи, получая сопоставимые или идентичные выводы. Правильность, напротив, отражает соответствие результатов поставленным перед сетью целям, определенным ее разработчиком. Сеть демонстрирует

корректность, если ее выводы согласуются с желаемыми результатами валидации.

В целях оптимизации производительности нейронной сети может осуществляться итеративное обучение, в процессе которого синаптические веса искусственных нейронов, соответствующие неудовлетворительным или недостаточным выходным данным, подвергаются понижающей регуляции. Напротив, синаптические веса, способствующие достижению желаемых метрик, получают преимущественную регуляцию.

Рассмотрим особенности использования систем искусственного интеллекта на примере расследования преступлений в сфере экономики. В целях максимизации эффективности нейросетевой модели применяется итеративный процесс обучения, во время которого синаптические веса нейронов, не обеспечивающих желаемых результатов или демонстрирующих неадекватную производительность, корректируются в сторону уменьшения. Одновременно с этим синаптические веса нейронов, содействующих достижению целевых показателей, регулируются приоритетно, что приводит к повышению общей функциональности сети. Этот процесс итеративной адаптации позволяет оптимизировать производительность нейронной сети и повысить ее способность к решению поставленных задач.

Согласно исследованию, проведенному специалистами АО «Лаборатория Касперского», в текущей парадигме киберпреступность представляет собой одну из критических угроз национальной информационной безопасности и является принципиальной социально-экономической проблемой, требующей безотлагательного решения.

В результате проведенного анализа статистики преступлений по делам, предусмотренным гл. 28 УК РФ за 2019–2023 гг. и за январь–июль 2024 г., можно спрогнозировать рост количества совершаемых преступлений в 2025 г. в среднем на 44,17% по отношению к 2019 г. Так, за январь–июль 2024 г. было зарегистрировано 434 741 уголовное дело (+32,27%); в 2023 г. – 677 842 (+56,57%); в 2022 г. – 551 174 (+46,58%); в 2021 г. – 517 751 (+43,14%); в 2020 г. – 510 396 (+42,31%); 2019 г. – 294 409 уголовных дел.

Подчеркнем, что речь идет именно о зарегистрированных преступлениях, в то время как общая статистика ввиду латентного характера данных преступлений и фактов необращения граждан в правоохранительные органы будет существенно отличаться в сторону увеличения.

Эффективность мер по противодействию киберпреступности обуславливается соответствием превентивных стратегий специфическим характеристикам киберугроз. Тщательный анализ методов, инструментов и тактик, используемых киберпреступниками, необходим для разработки эффективных технологий и механизмов противодействия. Понимание этих элементов позволяет оптимизировать применяемые меры, обеспечивая действенное предотвращение и сдерживание киберпреступной деятельности.

Киберпреступность представляет собой принципиально иной феномен, нежели традиционные формы преступности в сфере физического простран-

ства, отличаясь повышенной сложностью в анализе и интерпретации. Данное различие обусловлено требованием высочайшей компетентности как со стороны преступников, так и со стороны правоохранительных органов в области современных информационных технологий.

Предлагаемая квалификация охватывает фундаментальное понимание основ программирования, принципов кибербезопасности и передовые навыки в области использования и противодействия вредоносному программному обеспечению и специализированным техническим средствам. Для достижения высокой эффективности в противодействии киберпреступности и расследовании инцидентов правоохранительные органы и исследователи требуют всестороннего овладения этими знаниями и компетенциями.

Применение систем ИИ в сфере противодействия мошенничеству и киберпреступности получило широкое распространение на международном уровне. Согласно исследованиям и отраслевым отчетам, ИИ-технологии активно используются в правоохранительных органах, финансовых организациях и частном секторе во многих странах мира.

В США и ЕС ИИ успешно применяется для обнаружения и предотвращения мошенничества в сфере здравоохранения, страхования, банковского дела и пр. Так, в США используются технологии ИИ, внедренные в платежные системы Stripe и PayPal для обнаружения подозрительных транзакций в целях их дальнейшей блокировки.

Кроме того, ИИ используется в Китайской Народной Республике в качестве меры криминалистической профилактики как со стороны государственных структур, так и коммерческих организаций. Так, например, компания «Alibaba» активно использует алгоритмы искусственного интеллекта для предотвращения мошенничества в сфере электронной торговли посредством изучения поведения продавцов и покупателей. Так, данные алгоритмы ориентированы, прежде всего, на выявление расхождения в платежной документации, установлении факта аффилированности организаций, а также несоразмерных объемов поставляемой продукции и договорной цены (в случае явного занижения рыночной стоимости).

Что касается практики использования ИИ в качестве профилактической меры совершения преступлений в РФ, в качестве позитивного примера следует привести использование банками и иными кредитными организациями ИИ-технологий для оптимизации банковских операций и выявлению подозрительных подозрительных транзакций. Так, например, в 2023 г. ПАО «Сбербанк» был разработан сервис на основе ИИ «GigaChat», позволяющий производить анализ направляемой текстовой, аудио-, визуальной информации.

Кроме того, со стороны ЦБ РФ осуществляется разработка платформы по контролю за переводами граждан РФ по выявлению подозрительных транзакций. Полагаем, что внедрение данной системы в банковскую сферу способствует снижению количества преступлений. В то же время считаем необходимым также ориентировать данную систему на выявление и предотвращение типичных способов совершения мошенничества (ст. 159, 159.1–

159.3, 159.5, 159.6 УК РФ), незаконного получения и разглашения банковской тайны (ст. 183 УК РФ), совершения валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ на счета нерезидентов с использованием подложных документов (ст. 193.1 УК РФ), легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного другими лицами преступным путем (ст. 174, 174.1 УК РФ), и иных преступлений в сфере экономики.

Следует отметить, что для внедрения технологий ИИ в криминалистическую деятельность также необходимо проводить работу по совершенствованию инструментария криминалистической техники. Так, авторами настоящего исследования проводится работа по разработке очков виртуальной реальности для криминалистического исследования (рис. 1), относящейся к технической области виртуальной реальности, а также криминалистической техники.

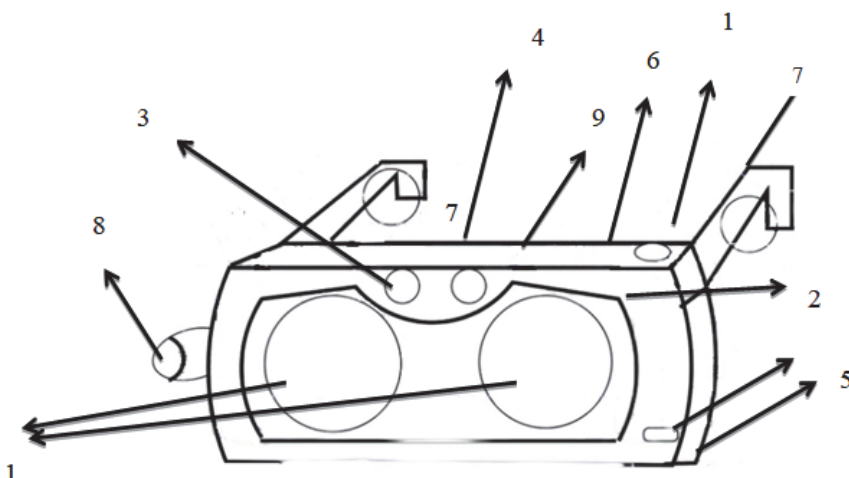


Рис. 1. Очки виртуальной реальности для криминалистического исследования

Технический результат предлагаемого изобретения – упрощение процесса проведения осмотра места происшествия, включая осмотр трупа. Устройство включает комплект светодиодных источников экспертного света (УФ-фонарь, фонарь белого и синего цвета с измененным фокусом); мини-камеру с зум-объективом; микрофон, ВР и электронное устройство (квадрокоптер, планшет, смартфон и т.п.). Два OLED-экрана высокого разрешения 4K 1 расположены перед глазами пользователя. Экраны имеют широкое поле зрения 120° для погружения в виртуальную среду. OLED-экраны соединены с мультикамерами (2), лазерными датчиками (3), ИК-камерами (4) и процессором искусственного интеллекта 6. OLED-экраны отображают информацию в режиме реального времени (3D-модели места преступления, результаты анализа улик, подсказки от системы искусственного интеллекта) и получают данные от всех сенсоров и камер для визуализации.

Научная новизна заключается в создании комплексного решения, объединяющего технологии виртуальной реальности, искусственного интеллекта, лазерной флуоресценции и 3D-моделирования для автоматизации и повышения эффективности работы криминалистов на месте преступления. Предложено использование очков виртуальной реальности для создания точной трехмерной модели места преступления, что позволяет не только документировать сцену происшествия, но и анализировать ее в режиме реального времени.

Изобретение работает следующим образом: устройство включается через сенсорный пульт управления (8) или голосовую команду, передаваемую через микрофон (5). Блок питания (9) обеспечивает питание всех компонентов устройства, включая два OLED-экрана (1), мультикамеру (2), лазерный датчик (3), ИК-камеру (4), процессор искусственного интеллекта (6) и антенну (10).

Мультикамера для 3D-сканирования (2) расположена в верхнем левом углу. Она начинает сканировать пространство и создает трехмерную модель места происшествия (преступления), фиксируя все объекты и их расположение. Данные от мультикамеры передаются в процессор искусственного интеллекта (6) для анализа и на два OLED-экрана (1) для отображения в режиме реального времени. Лазерный датчик (3), расположенный сверху корпуса, активируется для обнаружения таких органических материалов, как кровь, пот, слюна, через лазерную флуоресценцию. Данные о найденных следах передаются в процессор искусственного интеллекта (6) для анализа и на два OLED-экрана (1) для визуализации. ИК-камера (4), встроенная в верхнюю часть корпуса, анализирует текстуры поверхностей и выявляет микроскопические следы (частицы пороха, волокна ткани и пр.). Данные от ИК-камеры передаются в процессор искусственного интеллекта (6) для распознавания и маркировки потенциальных улик.

Процессор искусственного интеллекта (6) анализирует данные от мультикамеры (2), лазерного датчика (3), ИК-камеры (4) и микрофона (5) и распознает объекты, маркирует потенциальные улики и передает результаты на два OLED-экрана (1) для отображения.

Два OLED-экрана (1) высокого разрешения 4K (1), расположенные перед глазами пользователя, отображают информацию в режиме реального времени: 3D-модель места преступления, результаты анализа улик, органические материалы, микроскопические следы, подсказки от системы искусственного интеллекта.

Пользователь управляет устройством через сенсорный пульт управления (8), расположенный на правой дужке оправы, или с помощью голосовых команд, передаваемых через микрофон (5). Сенсорный пульт позволяет запускать и останавливать сканирование, переключать режимы работы (например, 3D-сканирование), производить анализ органических материалов, ИК-анализ и управлять передачей данных на внешние устройства.

Антенна (10) для Wi-Fi и Bluetooth, интегрированная в верхнюю часть оправы, обеспечивает беспроводную связь с внешними устройствами –

планшетами, смартфонами, компьютерами. Данные, собранные и проанализированные устройством, передаются на внешние устройства для дальнейшего анализа и документирования.

Динамики 7, встроенные в подушечки, которые прилегают к ушам, обеспечивают качественный звук без необходимости использования наушников. Динамики воспроизводят звуковые подсказки, уведомления и результаты анализа. Устройство работает автономно благодаря блоку питания 9, который обеспечивает до 8 часов работы. Для зарядки используется USB-C разъем, расположенный на корпусе устройства.

Авторами настоящего исследования также ведется работа по разработке специальной программы для ЭВМ, позволяющей функционировать данному устройству. Одна из задач данной программы – выдвижение следственных версий по результатам проведенного осмотра места происшествия. В то же время техническая сложность заключается в необходимости исследования тысяч уголовных дел и вычленении наиболее типичных следов. Полагаем, что достигнуть данной задачи также позволит изучение монографических исследований, включая кандидатские и докторские диссертации на соискание ученой степени кандидата или доктора юридических наук за последние 5–10 лет, в которых уже были выдвинуты наиболее типичные следственные ситуации и следы, позволяющие озвучить ту или иную версию.

В заключение следует сделать вывод о необходимости учета факта постоянного совершенствования и способов совершения преступлений, в том числе посредством использования преступниками систем ИИ, а также допущения платформой ошибок (определении законной транзакции в качестве подозрительной, что, в свою очередь, может привести к нарушению прав потребителей банковских услуг). Ввиду чего видна необходимость в проведении постоянной оптимизации платформы по контролю за переводами граждан РФ по выявлению подозрительных транзакций. Также требует правового переосмысления вопрос правовой защиты персональных данных.

Список источников

1. Собко Г.М. Некоторые возможности математической формализации идентификационного судебно-почерковедческого исследования // Применение математических методов и вычислительной техники в праве, криминалистике и судебной экспертизе : материалы симп. М., 1970. С. 109–112.
2. Ланцман Р.М. Использование возможностей кибернетики в криминалистической экспертизе и некоторые проблемы уголовно-судебного доказывания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 1970. 30 с.
3. Ланцман Р.М. Некоторые стороны оценки вывода эксперта-криминалиста, использующего результаты работы электронно-вычислительных машин // Криминалистика на службе следствия. Вильнюс, 1967. 112 с.
4. Ланцман Р.М. Кибернетика и криминалистическая экспертиза почерка. М., 1968. 95 с.
5. Глушков В.М. Мышление и кибернетика. М., 1966. 32 с.
6. Попов Э., Поспелов Д. Интеллектуальные системы : производство и рынок // НТР. Проблемы и решения. М., 1986. № 23 (38). 16 с.

7. Ароцкер Л.Е. Организационные и процессуальные вопросы использования электронно-вычислительных машин в экспертной практике // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1969. Вып. 6. С. 182–190.
8. Аубакиров А.Ф., Полуянов В.Г. Автоматизация процесса исследования машинописных текстов // Актуальные проблемы теории и практики применения математических методов и ЭВМ в деятельности органов юстиции. М., 1975. Вып. 4. С. 136–138.
9. Грановский Г.Л. Теоретические вопросы программирования трассологической экспертизы // Программирование и ситуалогические методики трассологических исследований. М., 1979. 15 с.
10. Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика. М., 1982. 208 с.
11. Меретуков Г.М. Классификация инновационных технологий в уголовном судопроизводстве // Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием посвященный «30 лет юридической науки КубГАУ». Краснодар, 2021. С. 410–413.
12. Меретуков Г.М. Цифровая криминалистика : модное слово или реальность // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Вып. 10 (22). С. 51–61.
13. Меретуков Г.М., Грицаев С.И. Актуальные вопросы цифровизации уголовного судопроизводства : взгляд в будущее // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 3. С. 172–185.
14. Shvets S.V., Meretukov G.M., Gritsaev S.I., Stepanenko S.G. Digital identification methods for combating crimes against sexual integrity and sexual freedom of minors // Юридическая наука. 2023. № 10. Р. 132–136.
15. Meretukov G.M., Tushev A.A., Kudin F.M., Rudenko A.V. Determining the elements of crime of illegal receipt of credit by fraud // Espacios. 2018. Vol. 39, № 44.
16. Меретуков Г.М. Криминалистические информационные технологии: постановка вопроса // Общество и право. 2023. № 4 (86). С. 82–87.
17. Меретуков Г.М. Проблемы правовой охраны авторских и смежных прав в телекоммуникационной сети «ИНТЕРНЕТ» // Ежегодная 79-я научно-практическая конференция студентов по итогам НИР за 2023 г. Краснодар : КубГАУ, 2024. С. 156–159.
18. Грицаев С.И. Использование информационных технологий для выявления преступлений // Теоретические и практические проблемы уголовного судопроизводства и криминалистики на современном этапе их развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Краснодар, 24 апреля 2024 г. Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2024. С. 33–37.
19. Швец С.В. Преодоление средств компьютерной защиты как необходимый способ реализации оперативно-разыскного мероприятия «получение компьютерной информации» // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 6 (59). С. 79–83.
20. Комаров И.М. Проблемы расследования мошенничества в сфере компьютерной информации (правовые и криминалистические проблемы) // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью : сб. науч. тр. по материалам V Всерос. науч.-практ. конф. (симп.), Краснодар, 15 ноября 2019 г. Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2021. С. 182–185.
21. Лозовский Д.Н. Особенности расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных организованными преступными группами с использованием информационных технологий // Общество и право. 2022. № 4 (82). С. 74–78.
22. Фролов В.В. К вопросу об элементах автоматизированной методики расследования дорожно-транспортных преступлений // Современные векторы развития науки : сб. ст. по материалам ежегодной науч.-практ. конф. преподавателей по итогам НИР за 2023 год, Краснодар, 06 февраля 2024 г. Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2024. С. 796–797.
23. Каунов А.М. К вопросу об использовании нейросетей при расследовании экономических преступлений // Эпомен. 2023. № 76. С. 35–41.

References

1. Sobko, G.M. (1970) Nekotorye vozmozhnosti matematicheskoy formalizatsii identifikatsionnogo sudebno-pocherkovedcheskogo issledovaniya [Some Possibilities of Mathematical Formalization in Identification Forensic Handwriting Examination]. In: *Primenenie matematicheskikh metodov i vychislitel'noy tekhniki v prave, kriminalistike i sudebnoy ekspertize* [Application of Mathematical Methods and Computer Technology in Law, Criminology, and Forensic Expertise]. Moscow: [s.n.]. pp. 109–112.
2. Lantsman, R.M. (1970) *Ispol'zovanie vozmozhnostey kibernetiki v kriminalisticheskoy ekspertize i nekotorye problemy ugolovno-sudebnogo dokazyvaniya* [The Use of Cybernetics in Forensic Examination and Some Problems of Criminal Judicial Proof]. Abstract of Law Dr. Diss.
3. Lantsman, R.M. (1967) Nekotorye storony otsenki vyvoda eksperta-kriminalista, ispol'zuyushchego rezul'taty raboty elektronno-vychislitel'nykh mashin [Some Aspects of Evaluating the Conclusion of a Forensic Expert Using the Results of Electronic Computer Operations]. In: *Kriminalistika na sluzhbe sledstviya* [Forensics in the Service of Investigation]. Vilnius: [s.n.].
4. Lantsman, R.M. (1966) *Kibernetika i kriminalisticheskaya ekspertiza pocherka* [Cybernetics and Forensic Handwriting Examination]. Moscow: [s.n.].
5. Glushkov, V.M. (1966) *Myshlenie i kibernetika* [Thinking and Cybernetics]. Moscow: [s.n.].
6. Popov, E. & Pospelov, D. (1986) Intellektual'nye sistemy: proizvodstvo i rynek [Intelligent Systems: Production and Market]. *NTR. Problemy i resheniya*. 23(38).
7. Arotsker, L.E. (1969) Organizatsionnye i protsessual'nye voprosy ispol'zovaniya elektronno-vychislitel'nykh mashin v ekspertnoy praktike [Organizational and Procedural Issues of Using Electronic Computers in Expert Practice]. *Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza*. 6. pp. 182–190.
8. Aubakirov, A.F. & Poluyanov, V.G. (1975) Avtomatizatsiya protsessa issledovaniya mashi-nopisnykh tekstov [Automation of the Process of Investigating Typewritten Texts]. In: *Aktual'nye problemy teorii i praktiki primeneniya matematicheskikh metodov i EVM v deyatelnosti organov yustitsii* [Current Problems of the Theory and Practice of Applying Mathematical Methods and Computers in the Activities of Justice Bodies]. Vol. 4. Moscow: [s.n.]. pp. 136–138.
9. Granovsky, G.L. (1979) Teoreticheskie voprosy programirovaniya trassologicheskoy ekspertizy [Theoretical Issues of Programming Traceological Expertise]. In: *Programirovanie i situologicheskie metodiki trasologicheskikh issledovaniy* [Programming and Situational Methods of Traceological Research]. Moscow: [s.n.].
10. Polevoy, N.S. (1982) *Kriminalisticheskaya kibernetika* [Forensic Cybernetics]. Moscow: [s.n.].
11. Meretukov, G.M. (2021) Klassifikatsiya innovatsionnykh tekhnologiy v ugolovnom sudoproizvodstve [Classification of Innovative Technologies in Criminal Proceedings]. *30 let – yuridicheskoy nauki KubGAU* [30 Years of Legal Science at KubSAU]. Proc. of the Conference with International Participation. December 10, 2021. Krasnodar. pp. 410–413.
12. Meretukov, G.M. (2022) Tsifrovaya kriminalistika: modnoe slovo ili real'nost' [Digital Forensics: A Buzzword or Reality?]. *Teoriya prava i mezhdgosudarstvennykh otnosheniy*. 10(22). pp. 51–61.
13. Meretukov, G.M. & Gritsaev, S.I. (2022) Aktual'nye voprosy tsifrovizatsii ugolovnogo sudoproizvodstva: vzglyad v budushchee [Current Issues of Digitalization of Criminal Proceedings: A Look into the Future]. *Pravoprimenenie*. 6(3). pp. 172–185.
14. Shvets, S.V., Meretukov, G.M., Gritsaev, S.I. & Stepanenko, S.G. (2023) Digital identification methods for combating crimes against sexual integrity and sexual freedom of minors. *Yuridicheskaya nauka*. 10. pp. 132–136.
15. Meretukov, G.M., Tushev, A.A., Kudin, F.M. & Rudenko, A.V. (2018) Determining the elements of crime of illegal receipt of credit by fraud. *Espacios*. 39(44).

16. Meretukov, G.M. (2023) Kriminalisticheskie informatsionnye tekhnologii: postanovka voprosa [Forensic Information Technologies: Posing the Question]. *Obshchestvo i pravo*. 4(86). pp. 82–87.

17. Meretukov, G.M. (2024) Problemy pravovoy okhrany avtorskikh i smezhnykh prav v te-lekommunikatsionnoy seti “INTERNET” [Problems of Legal Protection of Copyright and Related Rights in the 'INTERNET' Telecommunication Network]. In: *Ezhegodnaya 79 nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov po itogam NIR za 2023 g.* [Annual 79th Scientific-Practical Conference of Students on the Results of Research Work for 2023]. Krasnodar: KubGAU, 2024. S. 156–159.

18. Gritsaev, S.I. (2024) Ispol'zovanie informatsionnykh tekhnologiy dlya vyyavleniya prestupleniy [The Use of Information Technologies for Crime Detection]. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy ugovolnogo sudoproizvodstva i kriminalistiki na sovremennom etape ikh razvitiya* [Theoretical and Practical Problems of Criminal Procedure and Criminology at the Present Stage of Their Development]. Proc. of the All-Russian Conference, Krasnodar, April 24, 2024. Krasnodar: Izdatel'sky Dom – Yug. pp. 33–37.

19. Shvets, S.V. (2018) Preodolenie sredstv komp'yuternoy zashchity kak neobkhodimyy sposob realizatsii operativno-razysknogo meropriyatiya “poluchenie komp'yuternoy informatsii” [Bypassing Computer Protection Means as a Necessary Method for Implementing the Operational-Search Measure 'Obtaining Computer Information']. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 6(59). pp. 79–83.

20. Komarov, I.M. (2021) Problemy rassledovaniya moshennichestva v sfere komp'yuternoy informatsii (pravovyye i kriminalisticheskie problemy) [Problems of Investigating Fraud in the Sphere of Computer Information (Legal and Forensic Problems)]. *Ugolovno-pravovyye, ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie voprosy bor'by s prestupnost'yu* [Criminal Law, Criminal Procedure and Forensic Issues of Combating Crime]. Proc. of the 5th All-Russian Conference (Symposium), Krasnodar, November 15, 2019. Krasnodar: I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University. pp. 182–185.

21. Lozovsky, D.N. (2022) Osobennosti rassledovaniya prestupleniy v sfere nezakonnogo oborota narkotikov, sovershennykh organizovannymi prestupnymi gruppami s ispol'zovaniem informatsionnykh tekhnologiy [Investigating Crimes in the Sphere of Illicit Drug Trafficking Committed by Organized Criminal Groups Using Information Technologies]. *Obshchestvo i pravo*. 4(82). pp. 74–78.

22. Frolov, V.V. (2024) K voprosu ob elementakh avtomatizirovannoy metodiki rassledovaniya dorozhno-transportnykh prestupleniy [On the Elements of an Automated Methodology for Investigating Road Traffic Crimes]. *Sovremennyye vektory razvitiya nauki* [Modern Vectors of Science Development]. Proc. of the Annual Conference of Teachers on the Results of Research Work for 2023, Krasnodar, February 6, 2024. Krasnodar: I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University. pp. 796–797.

23. Kaunov, A.M. (2023) K voprosu ob ispol'zovanii neyrosetey pri rassledovanii ekonomicheskikh prestupleniy [On the Use of Neural Networks in the Investigation of Economic Crimes]. *Epomen*. 76. pp. 35–41.

Информация об авторах:

Меретуков Г.М. – профессор, доктор юридических наук, заведующий кафедрой криминалистики Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Краснодар, Россия). E-mail: mosovich@bk.ru

Усенко А.С. – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Краснодар, Россия). E-mail: seo@epomen.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Meretukov G.M., Professor, Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of the Department of Criminalistics, Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: mosovich@bk.ru

Usenko A.S., Candidate of Law, Senior lecturer of the Department of Criminology Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: ceo@epomen.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.02.2025;
одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 10.10.2025.*

*The article was submitted 12.02.2025;
approved after reviewing 23.05.2025; accepted for publication 10.10.2025.*

Научная статья
УДК 343.615
doi: 10.17223/22253513/57/5

Уголовная ответственность за побои: проблемы регулирования и реализации

Нина Юрьевна Скрипченко¹

¹ *Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Архангельск, Россия, n.scripchenko@narfu.ru*

Аннотация. Определив тенденции реформирования норм, предусматривающих ответственность за побои, автор отмечает отсутствие единства в реализации норм, охраняющих физическую неприкосновенность, и в части квалификации, и в части судебной пенализации. Уделяется внимание вопросам, которые могут возникнуть у правоприменителя в связи с криминализацией побоев, сопряженных с публичной демонстрацией процесса насилия. Обоснованы авторские предложения толкования объективных признаков составов ст. 116 и ч. 2 ст. 116¹ УК РФ; возможного учета рецидива преступлений при назначении наказания за побои лицам, имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия.

Ключевые слова: побои, насилие, декриминализация, преюдиция, рецидив, назначение наказания, пенализация

Для цитирования: Скрипченко Н.Ю. Уголовная ответственность за побои: проблемы регулирования и реализации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 57. С. 59–78. doi: 10.17223/22253513/57/5

Original article
doi: 10.17223/22253513/57/5

Criminal liability for battery: problems of regulation and implementation

Nina Yu. Skripchenko¹

¹ *Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russian Federation, n.scripchenko@narfu.ru*

Abstract. The partial decriminalization of beatings in 2016 eliminated the stability and universality of courts' assessment of the minimum number of blows that constitute "beatings." The author attributes the revealed decrease in demands for the number of strokes to a reduction in private principles in the content of the object of criminal law protection under Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation. An extended interpretation of "beatings" entails "devaluation" of the danger of the corresponding type of violence, which is punishable more severely than minor harm to health, and coincides in terms of punishability with the sanction for minor harm to health caused under qualifying circumstances similar to those stipulated in Article 116

of the Criminal Code of the Russian Federation. The provisions of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation make it possible to terminate proceedings on a crime under Articles 116, Part 1 or 2 of Article 1161 of the Criminal Code in cases where beatings resulted in single blows.

Being distinguished by the legal ambiguity of crimes for which a criminal record gives a subject a special status, the composition of Part 2 of Article 1161 of the Criminal Code of the Russian Federation in practice is attributed to persons whose criminal experience in sentences is described by stating violent and (or) mercenary-violent crimes.

Having criminalized beatings involving public demonstrations of violence in 2024, the legislator raised the issue of the permissibility of imputing Article 116 of the Criminal Code to a person posting destructive content after a criminal assault. Linking the criminal nature of the act with the availability of violence provided by the perpetrator shifts the moment of the end of the crime to the publication of the unlawful encroachment. The desire to withstand the implementation of the ban within the framework of the provisions of the law on the stages of a crime will determine a restrictive interpretation of the "new" objective sign, aimed at imputing art. 116 of the Criminal Code to persons broadcasting live violence. The narrowing of the scope of the specified norm "devalues" the danger of criminal attacks with delayed demonstration on social networks, which reduces the significance of the changes made to the criminal law.

A wide range of normative accounting of violence in the construction of trains determine the need to study the materials of a criminal case on a crime for which a person has a criminal record in order to identify the fact of "use of violence" that is significant for the qualification of beatings under Part 2 of Article 1161 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The high level of criminal activity of convicts under Part 2 of Article 1161 of the Criminal Code of the Russian Federation actualizes in practice the issues of taking into account the criminal experience of the offender when sentencing. The implementation of the law in this part is not stable and universal. In some cases, courts consider recidivism as an aggravating circumstance (paragraph "a" of Part 1 of Article 63 of the Criminal Code), without applying Article 68 of the Criminal Code, in others they see grounds for applying both paragraphs "a" of Part 1 of Article 63 and Part 2 of Article 68 of the Criminal Code. A significant part of the indictments are decisions in which recidivism is not taken into account as an aggravating circumstance, but the court appoints punishment taking into account the restrictions established by Part 2 of Article 68 of the Criminal Code of the Russian Federation.

By establishing a criminal law mechanism for increasing punishment in case of recidivism, which limits the discretion of the court in determining the type and amount of punishment, Part 2 of Article 68 of the Criminal Code of the Russian Federation may be applied only if recidivism is established as an aggravating circumstance. The refusal to take into account paragraph "a" of Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation negates the importance of this type of plurality in judicial penalization.

Keywords: beatings, violence, decriminalization, prejudice, recidivism, sentencing, penalization

For citation: Skripchenko, N.Yu. (2025) Criminal liability for battery: problems of regulation and implementation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 57. pp. 59–78. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/57/5

Охрана физической неприкосновенности личности по праву может быть отнесена к числу динамичных и противоречивых сфер регулирования, находящихся в фокусе внимания общественности, обеспокоенной сокращением резервов уголовного закона по противодействию насилию [1–3].

Принятое в 2016 г. решение законодателя о межотраслевой регламентации ответственности за побои [4] утроило число охранительных норм. Перевод «простых» побоев в административное правонарушение (ст. 6.1.1 КоАП РФ) потребовал запрета насильственных действий, адресованного лицам, не исключившим агрессивного поведения после применения административных санкций (ст. 116¹ УК РФ). Квалифицирующие признаки побоев (хулиганские или экстремистские побуждения) заняли место криминообразующих (ст. 116 УК РФ), число которых пополнил признак, удерживающий внутрисемейное насилие в сфере уголовно-правового регулирования, – «близкие лица».

Заставив работать новый межотраслевой охранительный механизм, практическая востребованность норм, устанавливающих ответственность за побои, объективизировала дефекты регулирования, потребовавшие корректировки закона. Оперативно реагируя на негативные коллизии практики применения ст. 116 УК РФ, обусловленные вариативностью толкования дефиниции «близкие лица», законодатель исключил в 2017 г. потерпевшего из обязательных признаков состава побоев, декриминализовав внутрисемейное насилие [5]. Столь либеральный подход публичной власти к оценке действий лиц, жертвами которых являются преимущественно женщины и дети, редко обращающиеся за защитой своих нарушенных прав, послужил очередным поводом для критики законодателя, упрекаемого в ослаблении охраны интересов социально уязвимых граждан и игнорировании высокого криминогенного потенциала безнаказанности домашних тиранов [6–9]. Превалируя, негативный отклик имел и оппонентов среди представителей юридической общественности, обращающих внимание на обеспеченную новыми правилами оперативность государственного реагирования на случаи семейно-бытового насилия, значимую и для снижения латентности противоправных посягательств, и для эффективности принудительных мер. Применение же к домашнему боксеру административных санкций исключит негативные последствия судимости, обременяющие всех членов семьи нарушителя [10–12].

Верификация в 2021 г. Конституционным Судом РФ нормативных изъятий, исключающих уголовное преследование за побои лиц, судимых за криминальное насилие, но допускающих осуждение лиц, наказанных за аналогичные действия в административном порядке с отступлением от Основного закона [13]¹, влекущим неоправданное различие между пострадавшими от объективно схожих посягательств, определила установление в

¹ Поводом для проверки ст.116¹ УК РФ на соответствие Конституции РФ послужила жалоба Людмилы Саковой. Женщина регулярно страдала от побоев брата. Мужчина с интервалом менее года дважды привлекался к юридической ответственности (к административной по ст. 6.1.1 КоАП РФ и к уголовной по ст. 115, 116¹, 116¹ УК РФ), что не повлияло на его поведение. Очередной насильственный инцидент со стороны брата послужил поводом для привлечения его к административной, а не к уголовной ответственности несмотря на наличие судимости за насилие, причиненное неоднократно. Пройдя две судебные инстанции, Л. Сакова подала жалобу в Конституционный Суд РФ, оспаривая

2022 г. запрета, адресованного лицам, «имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия» [14].

Использование отдельными лицами агрессивного поведения и жестокости, оскорблений и издевательств в качестве предмета контента, транслируемого в информационном пространстве, объективизировало недостаточность правового механизма противодействия соответствующему деструктивному поведению. Предусматривая наказание за преступление, входящее в десятку наиболее часто встречающихся в практике треш-стримеров, ст. 116 УК РФ в 2024 г. [15] была дополнена новым криминообразующим признаком, возводящим в ранг преступных побоев, сопряженные с публичной демонстрацией процесса насилия, и дополнительным видом наказания, позволяющим ограничить треш-стримерам доступ к онлайн-аудитории.

Не вдаваясь в полемику относительно социальной обоснованности и целесообразности описанных выше нормативных изменений, следует отметить, что частичная декриминализация побоев обернулась увеличением уголовного-правовых норм, охраняющих физическую неприкосновенность. Фактически дублируя суть криминальных действий, ст. 116, ч. 1 и 2 ст. 116¹ УК РФ устанавливают запреты, реализация которых объективизирует отсутствие единства судебной практики, актуализируя потребность анализа нормативных положений через призму правоприменения.

Абстрактное описание объективных признаков состава ст. 116 УК РФ обременяет правоприменителя выработкой критериев интенсивности применяемого насилия, позволяющих признать рукоприкладство преступным.

Конкретизировав в одном из определений, вынесенных коллегией по уголовным делам в 1997 г. [16. С. 5], количество ударов – «три и более», квалифицированных по ст. 116 УК РФ, Верховный Суд РФ задал ориентиры, обеспечившие универсальное и стабильное применение закона, чему в немалой степени способствовало и дублирование судебного толкования «побоев» в многочисленных комментариях Уголовного кодекса РФ [17. С. 267; 18. С. 292; 19. С. 358].

Частичная декриминализация побоев «покачнула» практику в оценке минимального количества ударов, образующих «побои». Одни суды не отказались от ограничительного толкования рассматриваемого объективного признака, усматривая побои только при условии нанесения потерпевшему не менее трех ударов [20–23], другие криминалом признают нанесение и одного удара, мотивировочная часть таких решений разнообразна. В ряде актов один удар оценивается как «иные насильственные действия», предусмотренные в ст. 116 УК РФ в качестве альтернативы «побоям», при этом суды ссылаются на то, что «иные насильственные действия, причинившие

соответствие ст. 116¹ УК РФ и ст. 6.1.1 КоАП РФ Основному закону. В обосновании своих доводов заявительница указала, что «оспариваемые нормы нарушают право потерпевшей на государственную защиту ее прав, не позволяют в должной мере учесть систематический характер насилия в семье и искусственно снижают общественную опасность таких повторяющихся деяний» [12].

физическую боль, могут выражаться и в однократном воздействии на организм человека» [24, 25]. Немало приговоров, в которых суд акцентирует внимание на последствиях, выступающих обязательным признаком объективной стороны состава ст. 116 УК РФ, указывая «физическая боль потерпевшему может быть доставлена и одним ударом» [26, 27]. В отдельных решениях органы уголовной юстиции апеллируют к грамматическим особенностям существительного «побои», для которого категория числа является постоянным морфологическим признаком¹ [28, 29].

Выявленное снижение требовательности к количеству ударов является, на наш взгляд, следствием сокращения частных начал в содержании объекта уголовно-правовой охраны состава ст. 116 УК РФ, детерминированного сужением сферы действия указанной нормы, посредством отнесения субъективных признаков, ориентирующих криминальное деяние на причинение вреда публичным интересам, к криминообразующим.

Изменения в содержании непосредственного объекта определили перенос правоприменителем центра тяжести общественной опасности побоев с объективных признаков (интенсивность физической боли) на субъективные (хулиганские побуждения или экстремистский мотив), установление которых исключает преследование за побои в административном порядке. Означенные же выше разночтения в толковании судами объективного признака «побои» не только обнаруживают отсутствие единства в реализации ст. 116 УК РФ, но и актуализируют вопрос допустимости признания «побоями» нанесения одного удара потерпевшему, для целей реализации ч. 1 и 2 ст. 116¹ УК РФ, а также ст. 6.1.1 КоАП РФ, охраняющих исключительно частный интерес.

Логический закон тождества и принцип системности права исключают различия в содержательном наполнении понятия, задействованного при описании, по сути, одного и того же противоправного деяния. Безусловно, и единичный удар может отличаться травмирующим воздействием, интенсивность которого позволит оценить его как уголовно наказуемое деяние, равно как и множественные удары могут повлечь физическую боль, не достигающую до уровня общественно опасных последствий, что не позволяет абсолютизировать количественный признак в качестве критерия оценки социального вреда, но из всех возможных только данный признак

¹ Мотивировочная часть определений Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2021 по делу № 77–1915/2021 и от 03.06.2021 по делу № 77–1548/2021 содержит схожие аргументы: «...по смыслу закона под побоями понимается нанесение ударов или толчков, при которых их количество не имеет уголовно-правового значения, поскольку слово “побои” не может употребляться в единственном числе, поэтому нанесение одного удара можно признать как побои. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, предусматривает совершение действий, повлекших физическую боль, причиной которой могут как однократные, так и многократные действия, поэтому многократность нанесения ударов и толчков, точно так же, как и иных насильственных действий, не является обязательным признаком рассматриваемого состава преступления...» [28, 29].

является и индикатором интенсивности применяемого насилия, и указывает на осознанный характер действий. Не случайно и высший судебный орган страны задействовал его, увязав в ранее указанном акте 1997 г. побои с «избиением» [16. С. 5]. Выделяет Верховный Суд РФ единичные удары наравне с побоями и иными насильственными действиями, образующими «насилие», при определении указанного объективного признака, данного в 2024 г. [30] в п. 1(1) Постановления, разъясняющего нормы о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений [31].

Выявленная тенденция признания побоями единых ударов влечёт, на наш взгляд, «обесценивание» опасности соответствующего вида насилия, санкция за которое строже санкции за «простое» умышленное причинение легкого вреда здоровью, и совпадает по объёму наказуемости с санкцией за легкий вред здоровью, причиненный при квалифицирующих обстоятельствах, аналогичных тем, что предусмотрены ст. 116 УК РФ в качестве конститутивных. Резервы ч. 2 ст. 14 УК РФ позволяют прекратить производство по делу о преступлении, предусмотренном ст. 116, ч. 1 или 2 ст. 116¹ УК РФ, в случаях, когда побои выразились в нанесении единичных ударов (менее трех), а также единичных и (или) отличающихся непродолжительностью травмирующего воздействия на организм человека «иных насильственных действий» (выкручивание рук, сдавливание частей тела, щипание и т.п.).

Наметившееся в последние годы расширительное толкование «побоев» не исключило отрицательную динамику осужденных по ст. 116 УК РФ, количество которых сократилось с 823 в 2018 г. до 430 в 2023 г. [32]. Синхронные сдвиги удельного веса осужденных за хулиганство и насильственные преступления, совершаемые из хулиганских побуждений¹, свидетельствуют о том, что сокращению объемов применения ст. 116 УК РФ способствовали изменения в уголовно-правовой оценке побоев, совершенных из хулиганских побуждений, детерминированные закреплением «насилия» в числе конструктивных признаков состава хулиганства (п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ) в 2020 г. [33].

Уступая в объеме наказуемости ч. 1 ст. 213 УК РФ, ст. 116 УК РФ перешла в категорию «норм-частей», устанавливая ответственность за одну из форм насилия, предусмотренного п. «а» ч. 1 статьи о хулиганстве. Исключает совокупность ст. 213 и 116 УК РФ в случаях нанесения побоев в процессе грубого нарушения общественного порядка и Пленум Верховного

¹ Системный анализ сводных отчетов формы № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» за 2020–2023 гг., свидетельствует о том, что последовательный рост на 55,78% удельного веса лиц, осужденных за хулиганство (ст. 213 УК РФ), сопровождается снижением на 50,16% количества лиц, преданных суду за насильственные действия из хулиганских побуждений. При этом число осужденных за побои сократилось на 22,66%, за умышленное причинение легкого вреда здоровью – на 22,66%, а за умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести – на 12,66% [32].

Суда РФ, относя деяния, описанные в ст. 116 УК РФ, к насилью, охватываемому п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ (п. 1(1) Постановления [30]).

В этой части следует обратить внимание на то, что, закрепив в 2003 г. [34] «хулиганские побуждения» в числе признаков состава ст. 116 УК РФ (а также ст. 112 и 115 УК РФ), законодатель «компенсировал» частичную декриминализацию хулиганства посредством исключения «насилия» из диспозиции ч. 1 ст. 213 УК РФ. Реверсия же уголовно-правового регулирования хулиганства в 2020 г. при неизменности законодательного решения о дифференцирующем значении хулиганских побуждений в нормах гл. 16 УК РФ свидетельствует об отсутствии системного подхода к реформированию закона, влекущем дублирование запретов, актуализируя вопрос необходимости криминализации побоев, совершенных из хулиганских побуждений.

Побои, обусловленные экстремистскими побуждениями, по объективной стороне совпадают с насильем, применяемым для возбуждения ненависти либо вражды. Требуемая же законодателем публичность действий, направленных на возбуждение ненависти или вражды, выступает ориентиром для разграничения составов ст. 116 и п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ. Имея в арсенале не только критерии, предложенные высшим судебным органом в п. 9 профильного Постановления [35], для разграничения посягательств на личность из экстремистских побуждений и насилия, применяемого для возбуждения ненависти либо вражды, но и «фактические обстоятельства», установление которых свидетельствует о направленности умысла виновного, правоприменитель уверенно инкриминирует ст. 116 УК РФ лицам, проявляющим агрессию и ненависть в отношении конкретного потерпевшего, принадлежащего к той или иной социальной группе.

Использование отдельными лицами агрессивного поведения и издевательств в качестве предмета контента, транслируемого в информационном пространстве, определило потребность реформирования уголовного закона в целях установления правового механизма противодействия соответствующему деструктивному поведению. Криминализовав в 2024 г. побои, сопряженные с публичной демонстрацией процесса насилия, законодатель обеспечил неотвратимость ответственности лиц, использующих информационно-телекоммуникационные сети для прямой трансляции своих противоправных действий. Объединив же в рамках одного состава ст. 116 УК РФ и действия, посягающие на физическую неприкосновенность, и демонстрацию процесса совершения преступления, законодатель ставит вопрос допустимости вменения ст. 116 УК РФ лицу, размещающему деструктивный контент после криминального посягательства.

Толкуя анализируемый объективный признак для цели реализации составов, предусматривающих ответственность за оборот порнографических материалов, Пленум Верховного Суда РФ в абз. 3 п. 22 Постановления от 15 декабря 2022 г. № 37 [36] к «публичной демонстрации» относит «открытый показ (материалов)», «предоставление неограниченному числу лиц возможности просмотра, без возможности самостоятельного использования», «вещания в пря-

мом эфире» и «размещение на личных страницах и на страницах групп пользователей информации, запрещенной законом». Раскрывая содержание аналогичного признака, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ, представители правовой доктрины допускают его вменение лицам, размещающим в информационном пространстве заснятые материалы жестокого обращения с животными, приводя примеры резонансных случаев, послуживших поводом для закрепления соответствующего признака в числе квалифицирующих состава ст. 245 УК РФ в 2017 г. [37] Увязывание же криминального характера деяния с обеспеченной виновным доступностью применяемого насилия для внимания неограниченного круга лиц влечет трансформацию конструкции объективной стороны состава, перенося момент окончания преступления на обнаружение противоправного посягательства. Стремление выдержать реализацию анализируемого запрета в рамках положений закона о стадиях преступления определит, на наш взгляд, ограничительное толкование анализируемого объективного признака, ориентированное на вменение состава ст. 116 УК РФ лицам, ведущим прямую трансляцию применяемого насилия. Сужение же сферы действия указанной нормы «обесценивает» опасность криминальных посягательств с отложенной демонстрацией в социальных сетях, что снижает значимость изменений, внесенных в уголовный закон. Распространение виновным контента, отражающего совершаемое насилие, в момент проявления агрессии и после, повлечет разную правовую оценку действий нарушителя при схожем характере и противоправных действий, и негативном влиянии на общественную нравственность информационного контента.

Реализация ст. 116 УК РФ по признаку «публичной демонстрации» вызывает вопрос и в части оценки действий субъектов, выполняющих разные роли в криминальном посягательстве: один причиняет потерпевшему физическую боль, т.е. вред непосредственно объекту уголовно-правовой охраны, другой обеспечивает прямую трансляцию действий подельника в информационных сетях. Формально оба лица, выполняя объективную сторону состава, являются соисполнителями, но насколько обоснованно квалифицировать действия «транслятора» в качестве соисполнителя побоев, учитывая характер причиняемого им вреда?

Задействуя «новый» объективный признак и для дифференциации уголовной ответственности за умышленное причинение легкого вреда здоровью, законодатель увеличил диапазон содержательно схожих деяний (насилие, применяемое из хулиганских побуждений, продиктованное экстремистскими мотивами, сопровождаемое прямой трансляцией), влекущих разный по степени тяжести вред, но равных в объеме наказуемости, нивелируя значимость последствий в определении социальной опасности преступного деяния, что вряд ли согласуется с принципом справедливости.

Расширяя диапазон деяний, пенализация которых нарушает означенный принцип, ч. 1 ст. 115 УК РФ уступает в объеме наказуемости не только ст. 116 УК РФ, но и ч. 2 ст. 116¹ УК РФ. Разбалансировка закона в оценке

социальной вредности применяемого насилия исключает на практике пере- квалификацию действий нарушителя с ч. 1 ст. 115 на ч. 2 ст. 116¹ УК РФ в случаях, когда обвинение в причинении легкого вреда здоровью не нашло подтверждения в суде вышестоящей инстанции, но оправданный имеет судимость за ранее совершенное преступление с применением насилия [38]. Процессуальный запрет ухудшения положения обвиняемого ограничивает полномочия суда передачей соответствующих материалов для возобновле- ния производства по делу, что на практике приводит к увеличению сроков уголовного судопроизводства.

Ориентируясь наработанную за годы действия норм, содержащих в своей конструкции преюдиционный элемент, практику, подкрепленную официальным толкованием закона высшей судебной инстанции [39, 40], конкретизирующим фактические обстоятельства, подлежащих установле- нию при вменении состава с административной преюдицией, суды ста- бильно и унифицировано применяют ч. 1 ст. 116¹ УК РФ, прекращая в по- давляющем большинстве (более 70%) производство по уголовному делу в связи с примирением с потерпевшим¹. Столь активное применение ст. 76 УК РФ по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести, совершаемых преимущественно в семейно-бытовой сфере, закономерно, хотя и вызывает вопросы обоснованности применения менее строгих мер государственного реагирования за повторное правонарушение, ранее наказанное в админи- стративном порядке.

Отличаясь правовой неопределенностью преступлений, судимость за ко- торые наделяет субъекта специальным статусом, состав ч. 2 ст. 116¹ УК РФ на практике вменяется лицам, криминальный опыт которых в приговорах описывается посредством констатации вступивших в силу актов, которыми подсудимый осуждался за совершение насильственных и (или) корыстно- насильственных преступлений [41–44], либо содержат дополнительное ука- зание о том, что подсудимый заведомо знал об имеющейся судимости «за преступление, совершенное с применением насилия» [45, 46]. Обращает на себя внимание, что в числе преюдиционных в приговорах указываются со- ставы преступлений, объективная сторона которых включает не насилие, а угрозу применения насилия (например, состав ст. 119 УК РФ) [46], либо насилие выступает альтернативным признаком (например, составы ст. 131, 132, 162, 163 УК РФ), но в обвинительных актах отсутствуют данные о том, что в ранее совершенном криминальном деянии подсудимый задействовал именно насильственный способ, равно как не конкретизируются действия

¹ В соответствии с данными форм № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» и № 10.2 «Отчет об особенностях рас- смотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекра- щения уголовных дел» за 2023 г. из 1 612 осужденных по ч. 1 ст. 116¹ УК РФ 1 407 (87,8%) были освобождены по основаниям, предусмотренным ст. 76 УК РФ, в 2022 г. соответствующие показатели составляют 2 190 и 1 559 (72,1%), в 2021 г. – 1 809 и 1 496 (84,8%), в 2020 г. – 1 629 и 1 355 (87,6%) в 2019 г. – 1 386 и 142 (78,2%) [32].

подсудимого в преступлении, совершенном ранее в соучастии [41–44]. Выявленный формальный подход к определению субъекта состава ч. 2 ст. 116¹ УК РФ дублирует сложившуюся практику реализации норм, содержащих в своей конструкции преюдиционный элемент, отсылающий к конкретному деликту, совершенному виновным, «действующая» наказанность за который образует специального субъекта. Увязывая же преступный характер побоев с устойчивым агрессивным поведением лица, не поддающегося исправлению мерами государственного принуждения, законодатель обременил органы криминальной юстиции выявлением не только факта судимости за преступление, совершенное ранее, но и применения обвиняемым насилия.

Широкий спектр нормативного учета указанного способа в конструкции составов, а также возможность применения насилия при совершении преступления, законодательная констатация которого не включает означенного признака, определяют потребность изучения материалов уголовного дела о преступлении, за совершение которого лицо имеет судимость, с целью выявления значимого для квалификации побоев по ч. 2 ст. 116¹ УК РФ факта «применения насилия».

Выявление механизма преюдиционного криминального деяния посредством анализа материалов уголовного дела позволит не только избежать необоснованного привлечения к ответственности по ч. 2 ст. 116¹ УК РФ, но и решить с учетом правил квалификации вопрос о допустимости вменения указанного состава лицам, имеющим судимость за покушение на преступление, совершенное с применением насилия, либо преступление, совершенное в соучастии, но напрямую не применяющим насилия.

Изучение данных, отражающих качественные показатели «судимости» осужденных по ч. 2 ст. 116¹ УК РФ, свидетельствует о высоком уровне криминальной активности лиц, оказавшихся на скамье подсудимых за насильственные действия¹. Анализ же приговоров в части учета выявленного рецидива преступлений при назначении наказания свидетельствует о вариативности судебных решений. В отдельных актах учет рецидива ограничен признанием данного вида множественности обстоятельством,отягчающим наказание (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ) [45], в других содержится ссылка и на применение правил ч. 2 ст. 68 УК РФ [48]. Значительную часть составляют приговоры, в которых наказание назначается с учетом ограничений, предусмотренных ч. 2 ст. 68 УК РФ, со ссылкой на императивный характер действия указанной нормы, но без признания рецидива отягчающим обстоятельством, аргументированного запретом двойного учета указанных обстоятельств (ч. 2 ст. 63 УК РФ) [49]. Преобладая, означенный подход со всей

¹ В соответствии с данными формы № 11.2 «Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса РФ» за 2023 г. из 4 168 осужденных по ч. 2 ст. 116¹ УК РФ 51,12% составили лица, имеющие две и более судимости; судимость 14,25% обусловлена совершением особо тяжкого преступления, 21,42% – тяжкого, 10,50% – средней тяжести [32].

очевидностью имплементирован с практики назначения наказания осужденным по ст. 314¹ УК РФ. Диспозиция данной нормы напрямую не предусматривает судимость субъекта в качестве атрибутивного признака состава, но именно судимость является в силу ч. 2 ст. 3 Федерального закона РФ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [50] основанием для установления административного надзора, уклонение от которого и запрещается ст. 314¹ УК РФ.

Отличаясь до 2020 г. схожей неоднородностью толкования закона в оценке рецидива преступлений, практика назначения наказания осужденным за уклонение от административного надзора с указанного периода пошла по пути отказа признания означенного обстоятельства отягчающим, согласуясь с позицией Верховного Суда РФ¹, поддержавшего обвинительные акты нижестоящих судов, не учитывающих п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ при назначении наказания осужденному по ч. 2 ст. 314¹ УК РФ, мотивировав свое решение нормативным запретом двойного учета отягчающих обстоятельств [51].

Повсеместное внедрение в практику означенного подхода вызывает критические замечания ученых, оспаривающих обоснованность, как применение ч. 2 ст. 63 УК РФ, так и назначение наказания с учетом правил ч. 2 ст. 68 УК РФ вне связи с п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Акцентируя внимание на сохранении по делам о преступлениях, предусмотренных по ст. 313, 314 и 321 УК РФ, «классического» подхода, ориентированного на учет судами рецидива в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, несмотря на то, что судимость структурно входит в диспозицию указанных норм в качестве признака состава преступления, М.Ф. Мингалиева отмечает, что отказ признания рецидива обстоятельством, отягчающим наказание, влечет игнорирование значимости существенного возрастания общественной опасности личности виновного, заложенного в основу формализации влияния рецидива на строгость наказания. Непризнание рецидива отягчающим наказанием обстоятельством по делам о преступлениях, предусматривающих судимость субъекта в числе атрибутивных признаков, пишет криминалист, открывает для суда возможность применения к раскаявшимся «рецидивистам» льготных правил назначения наказания, предусмотренных ч. 1 ст. 62 УК РФ, по сути, заблокированных законодателем для данной категории лиц, условием отсутствия отягчающих обстоятельств [52. С. 38].

Усматривая необоснованно широкое толкование закона, в случаях назначения судами наказания по правилам ч. 2 ст. 68 УК РФ без применения

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 22 сентября 2020 г. по уголовному делу № 91-УДП20-3-К3 оставило в силе приговор Псковского городского суда Псковской области от 21 ноября 2019 г. по уголовному делу № 1–644/2019 и все последующие решения, не признающие рецидив преступлений в качестве обстоятельства, отягчающего наказание осужденному по ч. 2 ст. 314¹ УК РФ. Президиум Верховного Суда РФ решением от 11 декабря 2020 г. отказал в возбуждении надзорного производства, не усмотрев нарушений закона в кассационном определении, законность которого пыталась оспорить Генеральная прокуратура РФ [51].

п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ, О.М. Калина отмечает прямую зависимость действия специальных правил усиления наказания от признания рецидива обстоятельством, отягчающим наказание. Криминообразующее значение рецидива преступления для составов ст. 314¹ УК РФ исключает, по мнению ученого, применение и п. «а» ч. 1 ст. 63, и ч. 2 ст. 68 УК РФ, в противном случае возникает вопрос необходимости альтернативных санкций нормы, запрещающей уклонение от административного надзора, так как ч. 2 ст. 68 УК РФ ограничивает виды наказаний, назначаемых при рецидиве самым строгим видом [53. С. 28].

Следует отметить, что по содержанию состав ч. 2 ст. 116¹ УК РФ существенно отличается от составов, предусматривающих рецидив в качестве атрибутивного признака. Во-первых, ограничения, установленные ч. 4 ст. 18 УК РФ, исключают обязательную роль рецидива для данного состава. Во-вторых, рецидив могут образовывать судимости за преступления, которые не входят в число преюдиционных для данного состава. Учет указанных положений позволяет усиливать наказание лицам, имеющим судимость за преступления, наказанность за которое не образует состава ч. 2 ст. 116¹ УК РФ, применяя п. «а» ч. 1 ст. 63 и ч. 2 ст. 68 УК РФ.

Устанавливая уголовно-правовой механизм усиления наказания при рецидиве, ограничивающий усмотрение суда в определении вида и размера наказания, ч. 2 ст. 68 УК РФ может, на наш взгляд, применяться исключительно при условии констатации рецидива в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, отказ в учете п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ нивелирует значимость данного вида множественности в судебной пенализации.

В заключение отметим, что выявленное отсутствие единства в реализации норм, предусматривающих уголовную ответственность за побои, обусловлено не столько негативными коллизиями практики, сколько дефектным регулированием. Принимаемые без учета криминологических реалий и правил юридической техники решения законодателя о реформировании запретов посягательств на физическую неприкосновенность определили увеличение составов, нормативная констатация которых исключает стабильное и универсальное правоприменение.

Выявленная в ходе проведенного исследования тенденция расширительного толкования «побоев», обусловленная сокращением частных начал в содержании объекта уголовно-правовой охраны состава ст. 116 УК РФ, влечет «обесценивание» опасности соответствующего вида насилия.

Возведение в ранг преступных побоев, сопровождающихся публичной демонстрацией процесса насилия, не исключит отрицательной динамики применения ст. 116 УК РФ, обусловленной изменением «переводом» побоев, совершенных из хулиганских побуждений, в насильственное хулиганство, детерминированным закреплением «насилия» в числе конструктивных признаков состава хулиганства. Запаздывая, криминализация публичной демонстрации процесса насилия обеспечит реализацию общей превенции уголовного закона, не влияя на объемы применения ст. 116 УК РФ.

Высокий уровень специального рецидива определит практическую востребованность ч. 2 ст. 116¹ УК РФ, актуализируя потребность унификации судебной практики в определении субъекта и оценки криминального опыта нарушителя при назначении наказания.

Широкий спектр нормативного учета насилия в конструкции составов определит потребность изучения материалов уголовного дела о преступлении, за совершение которого лицо имеет судимость, с целью выявления значимого для квалификации побоев по ч. 2 ст. 116¹ УК РФ факта «применения насилия».

Криминообразующее значение судимости для состава ч. 2 ст. 116¹ УК РФ исключает назначение наказания с учетом правил ч. 2 ст. 68 УК РФ, реализуемой при условии констатации рецидива в качестве обстоятельства,отягчающего наказание. Складывающаяся практика отказа в учете п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ нивелирует значимость данного вида множественности в судебной пенализации.

Список источников

1. «Шлепки Мизулиной»: к чему приведет декриминализация насилия в семье // РБК. 25.01.2017. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/01/2017/588727459a7947bde03fca37> (дата обращения: 29.03.2025).
2. Семейное дело: как в России менялось наказание за домашнее насилие // РБК. 25.01.2017. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/01/2017/5880dcd09a79475193cd50a9> (дата обращения: 29.11.2024).
3. Побои приняли в семью // Коммерсантъ. 11.01.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3188730> (дата обращения: 29.03.2025).
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : Федеральный закон Российской Федерации от 03.07.2016 № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).
5. О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса РФ : Федеральный закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).
6. Скобликов П.А. Частичная декриминализация побоев и других насильственных действий как новый этап современной уголовной политики // Государство и право. 2019. № 10. 83–93. doi: 10.31857/S013207690007189-9
7. Щепельков В.Ф. Домашнее насилие в Российской Федерации (состояние, проблемы криминологической оценки) // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 3. С. 232–244. doi: 10.17150/2500-4255.2024.18(3).232-244
8. Шикун И.Р. Актуальные проблемы уголовно-правовой охраны прав и свобод потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии, от насилия в семейно-бытовой сфере // Российский следователь. 2020. № 3. С. 48–51.
9. Химиченко В. Побои в семье – анализ споров // Административное право. 2020. № 2. С. 101–106.
10. Артюшина О.В. Частичная декриминализация побоев как экономия мер уголовной репрессии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 43–46.
11. Крюков К.Г., Сабанин С.Н. Декриминализация побоев: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2. С. 160–166.

12. Эргашева З.Э. К вопросу о декриминализации побоев // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 3. С. 130–136.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса РФ в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

14. О внесении изменений в статью 116¹ Уголовного кодекса РФ и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса РФ : Федеральный закон от 28.06.2022 № 203-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

15. О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ : Федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

16. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.04.1997 г. по делу Маркина // Бюллетень Верховного Суда РФ 1998. № 1. С. 5.

17. Комментарий к Уголовному кодексу РФ: расширенный уголовно-правовой анализ с материалами судебно-следственной практики / под общ. ред. Н.А. Овчинникова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Экзамен, 2007. 975 с.

18. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / отв. ред. А.И. Рарог. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2011. 1336 с.

19. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. 3-е изд., исправ., доп. и перераб. М. : КОНТРАКТ, 2011. 1458 с.

20. Апелляционное постановление Севастопольского городского суда от 10.02.2015 по делу № 22–103/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

21. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.02.2022 по делу № 10–1253/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

22. Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.10.2023 по делу № 77–4494/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

23. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Коми от 27.02.2024 по делу № 22–428/2024 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

24. Апелляционное постановление Верховного суда Чувашской Республики от 09.02.2022 по делу № 22–178/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

25. Постановление Московского городского суда от 22.10.2018 по делу № 7–12348/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

26. Апелляционный приговор Московского городского суда от 03.08.2020 по делу № 10–9992/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

27. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.06.2021 по делу № 77–1925/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

28. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2021 по делу № 77–1915/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2025).

29. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 03.06.2021 по делу № 77–1548/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

30. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2024 № 36 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

31. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

32. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики // URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 09.05.2025).

33. О внесении изменений в статью 213 Уголовный кодекс РФ : Федеральный закон от 30.12.2020 № 543-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

34. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ : Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

35. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

36. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

37. Жевлаков Э.Н. Экологические и альтернативно-экологические преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных систем // Уголовное право. 2024. № 5. С. 32–36. doi: 10.52390/20715870_2024_5_32

38. Определение шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19.08.2021 по делу № 77–3516/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

39. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

40. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2022 № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

41. Приговор Зуевского районного суда Кировской области от 28.02.2024 по делу № 1-24/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.03.2025).

42. Приговор Пролетарского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 28.02.2024 по делу № 1-31/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.03.2025).

43. Приговор Красноборского районного суда Архангельской области от 19.01.2024 по делу № 1-112/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.03.2025).

44. Приговор Соломбальского районного суда г. Архангельска от 26.01.2024 по делу № 1-379/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.11.2024).

45. Приговор Северодвинского городского суда Архангельской области от 10.01.2024 по делу № 1-1013/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.03.2025).

46. Приговор Дульдургинского районного суда Забайкальского края от 27.02.2024 по делу № 1-15/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.03.2025).

47. Приговор Виноградовского районного суда Архангельской области от 28.02.2024 по уголовному делу № 1–33/2024 // URL: <https://vinogsud--arh.sudrf.ru/> (дата обращения: 29.03.2025).

48. Приговор Котласского городского суда Архангельской области от 30.08.2024 по уголовному делу № 1–299/2024 // URL: <https://kotlasgrsud--arh.sudrf.ru/> (дата обращения: 29.03.2026).

49. Приговор Виноградовского районного суда Архангельской области от 19.06.2024 по уголовному делу № 1–64/2024 // URL: <https://vinogsud--arh.sudrf.ru/> дата обращения: 29.03.2025).

50. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

51. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 22.09.2020 по делу № 91-УДП20-3-К3 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2025).

52. Мингалиева М.Ф. Новый подход к назначению наказания за преступление, предусмотренное ст. 314.1 УК РФ // Уголовное право. 2021. № 7. С. 34–41.

53. Калинина О.М. Проблемы назначения наказания по ст. 314.1 УК РФ // Уголовное право. 2024. № 3. С. 26–33. doi: 10.52390/20715870_2024_3_26

References

1. RBC. (2017) “*Shlepki Mizulinoy*”: k chemu privedet dekriminalizatsiya nasiliya v sem'e [Mizulina's Spanking Law': What the Decriminalization of Domestic Violence Will Lead To]. 25th January. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/25/01/2017/588727459a7947bde03fca37> (Accessed: 29th March 2025).

2. RBC. (2017) *Semeynoe delo: kak v Rossii menyalos' nakazanie za domashnee nasilie* [A Family Matter: How Punishment for Domestic Violence Has Changed in Russia]. 25th January. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/society/25/01/2017/5880dcd09a79475193cd50a9> (Accessed: 29th November 2024).

3. *Kommersant*". (2017) *Poboi prinyali v sem'yu* [Assault is Welcomed into the Family]. 11th January. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/3188730> (Accessed: 29th March 2025).

4. Russian Federation. (2016) *O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks RF i Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RF po voprosam sovershenstvovaniya osnovaniy i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti: Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 03.07.2016 № 323-FZ* [Federal Law No. 323-FZ of 03.07.2016, "On Amending the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation Regarding the Improvement of the Grounds and Procedure for Exemption from Criminal Liability]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).

5. Russian Federation. (2017) *O vnesenii izmeneniya v stat'yu 116 Ugolovnogo kodeksa RF: Federal'nyy zakon ot 07.02.2017 № 8-FZ* [Federal Law No. 8-FZ of 07.02.2017, On Amending Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).

6. Skoblikov, P.A. (2019) *Chastichnaya dekriminalizatsiya poboev i drugih nasil'stvennykh deystviy kak novyy etap sovremennoy ugolovnoy politiki* [Partial Decriminalization of Battery and Other Violent Acts as a New Stage of Modern Criminal Policy]. *Gosudarstvo i pravo*. 10. pp. 83–93. doi: 10.31857/S013207690007189-9

7. Shchepelkov, V.F. (2024) *Domashnee nasilie v Rossiyskoy Federatsii (sostoyanie, problemy kriminologicheskoy otsenki)* [Domestic Violence in the Russian Federation (State and Problems of Criminological Assessment)]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 18(3). pp. 232–244. doi: 10.17150/2500-4255.2024.18(3).232-244

8. Shikula, I.R. (2020) *Aktual'nye problemy ugolovno-pravovoy okhrany prav i svobod poterpevshego, nakhodyashchegosya v bespomoshchnom sostoyanii, ot nasiliya v semeyno-bytovoy sfere* [Current Problems of Criminal Law Protection of the Rights and Freedoms of a Victim in a Helpless State from Violence in the Domestic Sphere]. *Rossiyskiy sledovatel'*. 3. pp. 48–51.

9. Khimichenko, V. (2020) *Poboi v sem'e – analiz sporov* [Battery in the Family – An Analysis of Disputes]. *Administrativnoe pravo*. 2. pp. 101–106.

10. Artyushina, O.V. (2016) *Chastichnaya dekriminalizatsiya poboev kak ekonomiya mer ugolovnoy repressii* [Partial Decriminalization of Battery as a Saving of Measures of Criminal Repression]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 4. pp. 43–46.

11. Kryukov, K.G. & Sabanin, S.N. (2016) *Dekriminalizatsiya poboev: sravnitel'nyy analiz zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii i Soedinennykh Shtatov Ameriki* [Decriminalization of Battery: A Comparative Analysis of the Legislation of the Russian Federation and the United States of America]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. 2. pp. 160–166.

12. Ergasheva, Z.E. (2016) *K voprosu o dekriminalizatsii poboev* [On the Decriminalization of Battery]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 3. pp. 130–136.

13. Russian Federation. (2021) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 08.04.2021 № 11-P "Po delu o provere konstitutsionnosti stat'i 116.1 Ugolovno kodeksa RF v svyazi s zhaloboy grazhdanki L.F. Sakovoy"* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 11-P of 08.04.2021, in the Case on Review of the Constitutionality of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen L.F. Sakova]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).
14. Russian Federation. (2022) *O vnesenii izmeneniy v stat'yu 116.1 Ugolovno kodeksa RF i stat'yu 20 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa RF: Federal'nyy zakon ot 28.06.2022 № 203-FZ* [Federal Law No. 203-FZ of 28.06.2022, On Amending Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 20 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).
15. Russian Federation. (2024) *O vnesenii izmeneniy v Ugolovny kodeks RF: Federal'nyy zakon ot 08.08.2024 № 218-FZ* [Federal Law No. 218-FZ of 08.08.2024, On Amending the Criminal Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).
16. Russian Federation. (1998) *Opreделение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.04.1997 г. по делу Маркина* [Decision of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.04.1997 in the case of Markin]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 1. p. 5.
17. Ovchinnikov, N.A. (ed.) (2007) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu RF: rasshirennyy ugolovno-pravovoy analiz s materialami sudebno-sledstvennoy praktiki* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: Expanded Criminal Legal Analysis with Materials of Judicial and Investigative Practice]. 6th ed. Moscow: Ekzamen.
18. Rarog, A.I. (ed.) (2011) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu RF (postateynnyy)* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (Article-by-Article)]. 7th ed. Moscow: Prospekt.
19. Chuchayev, A.I. (ed.) (2011) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu RF (postateynnyy)* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (Article-by-Article)]. 3rd ed. Moscow: KONTRAKT.
20. Russian Federation. (2015) *Apellyatsionnoe postanovlenie Sevastopol'skogo gorodskogo suda ot 10.02.2015 po delu № 22–103/2015* [Appellate Decree of the Sevastopol City Court of 10.02.2015 in case No. 22-103/2015]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).
21. Russian Federation. (2012) *Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 16.02.2022 po delu № 10–1253/2022* [Appellate Ruling of the Moscow City Court of 16.02.2022 in case No. 10-1253/2022]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).
22. Russian Federation. (2023) *Postanovlenie Vos'mogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiksii ot 25.10.2023 po delu № 77–4494/2023* [Decree of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction of 25.10.2023 in Case No. 77-4494/2023]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).
23. Russian Federation. (2024) *Apellyatsionnoe postanovlenie Verkhovnogo suda Respubliki Komi ot 27.02.2024 po delu № 22–428/2024* [Appellate Decree of the Supreme Court of the Komi Republic of 27.02.2024 in Case No. 22-428/2024]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).
24. Russian Federation. (2022) *Apellyatsionnoe postanovlenie Verkhovnogo suda Chuvashskoy Respubliki ot 09.02.2022 po delu № 22–178/2022* [Appellate Decree of the Supreme Court of the Chuvash Republic of 09.02.2022 in Case No. 22-178/2022]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).
25. Russian Federation. (2018) *Postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 22.10.2018 po delu № 7–12348/2018* [Decree of the Moscow City Court of 22.10.2018 in Case

No. 7-12348/2018]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).

26. Russian Federation. (2020) *Apellyatsionnyy prigovor Moskovskogo gorodskogo suda ot 03.08.2020 po delu № 10-9992/2020* [Appellate Sentence of the Moscow City Court of 03.08.2020 in Case No. 10-9992/2020]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).

27. Russian Federation. (2021) *Opredelenie Vos'mogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 01.06.2021 po delu № 77-1925/2021* [Ruling of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction of 01.06.2021 in Case No. 77-1925/2021]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).

28. Russian Federation. (2021) *Opredelenie Vos'mogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 02.06.2021 po delu № 77-1915/2021* [Ruling of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction of 02.06.2021 in case No. 77-1915/2021]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th April 2025).

29. Russian Federation. (2021) *Opredelenie Vtorogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 03.06.2021 po delu № 77-1548/2021* [Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction of 03.06.2021 in case No. 77-1548/2021]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).

30. Russian Federation. (2024) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 26.11.2024 № 36 "O vnesenii izmeneniy v nekotorye postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii po ugovolnym delam"* [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 36 of 26.11.2024, On Amending Certain Decrees of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on Criminal Cases]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).

31. Russian Federation. (2007) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 15.11.2007 № 45 "O sudebnoy praktike po ugovolnym delam o khuliganstve i inyykh prestupleniyakh, sovershennykh iz khuliganskikh pobuzhdeniy"* [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 45 of 15.11.2007, On Judicial Practice in Criminal Cases Concerning Hooliganism and Other Crimes Committed Out of Hooligan Motives]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).

32. Russian Federation. (n.d.) *Sudebnyy departament pri Verkhovnom Sude RF. Dannye sudebnoy statistiki* [Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial Statistics Data]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/?id=79> (Accessed: 9th May 2025).

33. Russian Federation. (2020) *O vnesenii izmeneniy v stat'yu 213 Ugolovnyy kodeks RF: Federal'nyy zakon ot 30.12.2020 № 543-FZ* [Federal Law No. 543-FZ of 30.12.2020, On Amending Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).

34. Russian Federation. (2003) *O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Ugolovnyy kodeks RF: Federal'nyy zakon ot 08.12.2003 № 162-FZ* [Federal Law No. 162-FZ of 08.12.2003, On Introducing Amendments and Additions to the Criminal Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).

35. Russian Federation. (2011) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 28.06.2011 № 11 "O sudebnoy praktike po ugovolnym delam o prestupleniyakh ekstremistskoy napravlenosti"* [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 11 of 28.06.2011, On Judicial Practice in Criminal Cases Concerning Crimes of an Extremist Nature]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).

36. Russian Federation. (2022) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 15.12.2022 № 37 "O nekotorykh voprosakh sudebnoy praktiki po ugovolnym delam o prestupleniyakh v sfere komp'yuternoy informatsii, a takzhe inyykh prestupleniyakh, sovershennykh s ispol'zovaniem elektronnykh ili informatsionno-telekommunikatsionnykh setey, vklyuchaya set' "Internet" "* [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 37 of 15.12.2022, On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases

Concerning Crimes in the Sphere of Computer Information, as well as Other Crimes Committed Using Electronic or Information-Telecommunication Networks, Including the Internet]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).

37. Zhevlakov, E.N. (2024) *Ekologicheskie i al'ternativno-ekologicheskie prestupleniya, sovershaemye s ispol'zovaniem sredstv massovoy informatsii, elektronnykh ili informatsionno-telekommunikatsionnykh sistem* [Environmental and Alternative-Environmental Crimes Committed Using Mass Media, Electronic or Information-Telecommunication Systems]. *Ugolovnoe pravo*. 5. pp. 32–36. DOI: 10.52390/20715870_2024_5_32

38. Russian Federation. (2021) *Opredelenie shestogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiksii ot 19.08.2021 po delu № 77–3516/2021* [Ruling of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction of 19.08.2021, in Case No. 77-3516/2021]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).

39. Russian Federation. (2002) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.12.2002 № 29 “O sudebnoy praktike po delam o krazhe, grabezhe i razboe”* [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 29 of 27.12.2002, On Judicial Practice in Cases of Theft, Robbery, and Assault]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).

40. Russian Federation. (2022) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 22.12.2022 № 39 “O sudebnoy praktike po ugolovnym delam o neuplate sredstv na soderzhanie detey ili netrudosposobnykh roditeley (stat'ya 157 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii)”* [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 39 of 22.12.2022, On Judicial Practice in Criminal Cases Concerning Failure to Pay Child Support or Support for Disabled Parents (Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).

41. Russian Federation. (2024) *Prigovor Zuevskogo rayonnogo suda Kirovskoy oblasti ot 28.02.2024 po delu № 1-24/2024* [Sentence of the Zuyevsky District Court of the Kirov Region of 28.02.2024, in Case No. 1-24/2024]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/> (Accessed: 29th March 2025).

42. Russian Federation. (2024) *Prigovor Proletarskogo rayonnogo suda g. Saranska Respubliki Mordoviya ot 28.02.2024 po delu № 1-31/2024* [Sentence of the Proletarsky District Court of Saransk, Republic of Mordovia of 28.02.2024, in Case No. 1-31/2024]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/> (Accessed: 29th March 2025).

43. Russian Federation. (2024) *Prigovor Krasnoborskogo rayonnogo suda Arkhangel'skoy oblasti ot 19.01.2024 po delu № 1-112/2023* [Sentence of the Krasnoborsky District Court of the Arkhangelsk Region of 19.01.2024, in Case No. 1-112/2023]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/> (Accessed: 29th March 2025).

44. Russian Federation. (2024) *Prigovor Solombal'skogo rayonnogo suda g. Arkhangel'ska ot 26.01.2024 po delu № 1-379/2023* [Sentence of the Solombalsky District Court of Arkhangelsk of 26.01.2024, in Case No. 1-379/2023]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/> (Accessed: 29th November 2024).

45. Russian Federation. (2024) *Prigovor Severodvinskogo gorodskogo suda Arkhangel'skoy oblasti ot 10.01.2024 po delu № 1-1013/2023* [Sentence of the Severodvinsk City Court of the Arkhangelsk Region of 10.01.2024, in Case No. 1-1013/2023]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/> (Accessed: 29th March 2025).

46. Russian Federation. (2024) *Prigovor Dul'durginskogo rayonnogo suda Zabaykal'skogo kraya ot 27.02.2024 po delu № 1-15/2024* [Sentence of the Duldurginsky District Court of the Zabaykalsky Krai of 27.02.2024, in Case No. 1-15/2024]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/> (Accessed: 29th March 2025).

47. Russian Federation. (2024) *Prigovor Vinogradovskogo rayonnogo suda Arkhangel'skoy oblasti ot 28.02.2024 po ugolovnomu delu № 1–33/2024* [Sentence of the Vinogradovsky District Court of the Arkhangelsk Region of 28.02.2024 in criminal case No. 1-33/2024]. [Online] Available from: <https://vinogsud-arh.sudrf.ru/> (Accessed: 29th March 2025).

48. Russian Federation. (2024) *Prigovor Kotlasskogo gorodskogo suda Arkhangel'skoy oblasti ot 30.08.2024 po ugovnomu delu № 1–299/2024* [Sentence of the Kotlas City Court of the Arkhangelsk Region of 30.08.2024 in criminal case No. 1-299/2024]. [Online] Available from: <https://kotlasgrsud--arh.sudrf.ru/> (Accessed: 29th March 2025).

49. Russian Federation. (2024) *Prigovor Vinogradovskogo rayonnogo suda Arkhangel'skoy oblasti ot 19.06.2024 po ugovnomu delu № 1–64/2024* [Sentence of the Vinogradovsky District Court of the Arkhangelsk Region of 19.06.2024 in criminal case No. 1-64/2024]. [Online] Available from: <https://vinogsud--arh.sudrf.ru/> (Accessed: 29th March 2025).

50. Russian Federation. (2011) *Ob administrativnom nadzore za litsami, osvobozhdennymi iz mest lisheniya svobody: Federal'nyy zakon ot 06.04.2011 № 64-FZ* [Federal Law No. 64-FZ of 06.04.2011 "On Administrative Supervision of Persons Released from Places of Deprivation of Liberty"]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).

51. Russian Federation. (2020) *Kassatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 22.09.2020 po delu № 91-UDP20-3-K3* [Cassational Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.09.2020 in case No. 91-UD20-3-K3]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 29th March 2025).

52. Mingalieva, M.F. (2021) *Novyy podkhod k naznacheniyu nakazaniya za prestuplenie, predusmotrennoe st. 314.1 UK RF* [A New Approach to Sentencing for the Crime under Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo*. 7. pp. 34–41.

53. Kalinina, O.M. (2024) *Problemy naznacheniya nakazaniya po st. 314.1 UK RF* [Problems of Sentencing under Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo*. 3. pp. 26–33. DOI: 10.52390/20715870_2024_3_26

Информация об авторе:

Скрипченко Н.Ю. – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия). E-mail: n.scripchenko@narfu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Skripchenko N.Yu., Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: n.scripchenko@narfu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.03.2025;
одобрена после рецензирования 16.06.2025; принята к публикации 10.10.2025.*

*The article was submitted 30.03.2025;
approved after reviewing 16.06.2025; accepted for publication 10.10.2025.*

Научная статья
УДК 342.4
doi: 10.17223/22253513/57/6

Историческая правда о подвиге народа при защите Отечества в свете конституционных поправок 2020 г.

Эльман Сулейманович Юсубов¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, drakonvtsu@mail.ru*

Аннотация. Анализируется ценность конституционной поправки об исторической правде и подвиге народа при защите Отечества во время Великой Отечественной войны. Историческая правда как конституционная идея имеет большое значение для воспитательной работы среди молодежи. Анализ конституционных поправок об исторической правде и подвиге народа как необходимого элемента современного гуманитарного знания имеет важное значение для юридической науки, для формирования исторической памяти и просветительской деятельности.

Ключевые слова: конституционные поправки, историческая правда, подвиг народа, защита Отечества

Для цитирования: Юсубов Э.С. Историческая правда о подвиге народа при защите Отечества в свете конституционных поправок 2020 г. // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 57. С. 79–89. doi: 10.17223/22253513/57/6

Original article
doi: 10.17223/22253513/57/6

The historical truth about the heroic deed of the people in the defense of the Fatherland in the light of the constitutional amendments of 2020

Elman S. Yusubov¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
drakonvtsu@mail.ru*

Abstract. The 2020 constitutional amendments, approved by the multinational people of the Russian Federation, significantly updated the socio-cultural, political, legal and moral aspects of modern constitutional reality. As a result, ideological and interdisciplinary assessments of constitutional law have become even more important. New values have been introduced into the constitutional text. Some of them were unexpected and unusual for the traditional constitutional text and have obvious novelty (for example, faith in God, respect for a man of work, and others). Many amendments have stirred up domestic scientists, especially representatives of constitutional and legal science.

Important and indisputable amendments are "the protection of historical truth" and "the feat of the people in the defense of the Fatherland." The approval of these constitutional amendments and their inclusion in the text of the Basic Law were predetermined by the logic of the ideological struggle in the modern world. The amendments are the official reaction of our peoples to attempts to revise and belittle the heroism of the people. The distortion of the history of the Great Patriotic War and the contribution of the Soviet people to the Victory over Nazi Germany is the state policy of many countries. The main ideological meaning and content of the falsification and distortion of the events of 1941-1945 is the anti-Soviet and anti-Russian orientation and denial of the role of the USSR in the victory over Nazi Germany. Therefore, the constitutional amendments on historical truth and the heroic deed of the people in defending the Fatherland are the legal basis for the formation and development of ideas and values that shape the civic outlook of Russians. In accordance with the new norms of the Constitution, the pedagogical community is obliged to create ideals. The principles and moral values of students. The amendments have important educational potential for modern Russia.

In connection with the updates of the text of the Basic Law, the idea of the legal personality of the people must be developed as an urgent scientific problem. The new provisions of the Constitution are not only norms of the highest legal force and direct effect, but also have the status of moral values.

The legal obligation to protect the historical truth and the heroic deeds of the people in the defense of the Fatherland does not limit or detract from freedom of speech, thought and scientific creativity. It requires compliance with the principle of scientific objectivity and ideological honesty of the researcher. It is necessary to consistently explain the true historical fates about the heroism of the people. According to the Conclusion of the Constitutional Court of Russia dated 16.03.2020. The inclusion in the constitutional text of provisions on honoring the memory of the defenders of the Fatherland and the protection of historical truth cannot be regarded, interpreted and applied as changing the principles of moralistic democracy and freedom of creativity. Therefore, further scientific research is needed for the most reliable and complete disclosure of the new constitutional amendments.

Keywords: constitutional amendments, historical truth, feat of the people, defense of the Fatherland

For citation: Yusubov, E.S. (2025) The historical truth about the heroic deed of the people in the defense of the Fatherland in the light of the constitutional amendments of 2020. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 57. pp. 79–89. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/57/6

Конституционные поправки 2020 г., одобренные нашим народом, существенным образом актуализировали социокультурные, политико-правовые и нравственные аспекты современной конституционной действительности. В результате еще большую значимость приобрели мировоззренческие и междисциплинарные оценки конституционного права. Наиболее свежий и памятный для нашей современной истории пример – обсуждение и одобрение поправок к Основному закону в 2020 г. Он напрямую связан с процессом конституционного правового развития, обновления юридической основы общества и формирования конституционного мировоззрения на основе новых идейных ценностей. Ведь не секрет, что отдельные из них были неожиданными и непривычными для традиционного конституционного текста и обладают очевидной новизной (например, вера в Бога (ст. 67.1 ч. 2),

уважение человека труда (ст. 75.1) и другие). При этом в конституционном тексте есть хорошо известные обществу нормы, которые усиливают гарантии социально-экономических прав граждан России [1].

Конституционные поправки всколыхнули отечественных учёных, особенно представителей конституционно-правовой науки. Наша наука получила мощный стимул для развития и обновления. Сегодня конституционные поправки исследуются разными отраслями науки [2. С. 27–50]. Содержание каждой публикации отличается новизной и актуальностью. Важными и бесспорно востребованными поправками являются «защита исторической правды» и «подвиг народа при защите Отечества» (ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ). Подобная редакция конституционной нормы является крайней редкостью для текста Основного закона, и лишь только в Конституции Республики Беларусь содержится близкое положение. В статье 15 Основного Закона Республики Беларусь закреплено, что «государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны».

Одобрение названных конституционных поправок и их включение в текст Основного закона были предопределены логикой идеологической борьбы в современном мире. Поправки являются официальной реакцией наших народов на постоянные устремления и желания пересмотра и умаления героизма народов России и Республики Беларусь в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Искажение истории Великой Отечественной войны и вклада советского народа в Победу над фашистской Германией является государственной политикой многих стран [3–6]. Отдельные из них уверенно присваивают победу над фашистской Германией себе и своим союзникам, а роль нашего народа, его героизм и подвиг относят к числу второразрядных усилий. Так, например, президент США Д. Трамп спустя несколько дней после вступления в должность заявил, что Россия всего лишь помогала Америке победить фашизм. В унисон с американским президентом высказался и федеральный канцлер Германии О. Шольц, который поблагодарил США за победу над фашизмом.

В целях достижения отрицательных представлений и убеждений об истории Великой Отечественной войны и вклада нашего народа в Победу активно применяются современные информационно-телекоммуникационные технологии. Для этого используется весь технологический и манипуляторный потенциал информационного общества. Практически все интернет-ресурсы внедряют в общественное сознание идеологически выгодные и в большинстве своем недостоверные и неправдивые сведения, мнения и представления. Объем подобной информации постоянно растёт, а в процесс распространения включаются новые технологии и средства коммуникации. Особенно ярко это проявляется накануне дня Победы или перед другими памятными датами истории Великой Отечественной войны. Пользователей, особенно молодых людей, не определившихся во взглядах на историю Великой Отечественной войны, такое постоянное воздействие на сознание втягивает и вовлекает в сферу негативного отношения к празднику Победы [7. С. 10–11].

В современной исторической литературе некоторых стран ближнего зарубежья Россия – страна победительница – трактуется как оккупант, а участие националистических организаций своих стран в войне на стороне фашистской Германии, как освободительная борьба против Советского Союза и Российской империи [6].

Следует подчеркнуть, что главным идеологическим смыслом и содержанием фальсификации и искажения событий 1941–1945 гг. признается антисоветская и антироссийская направленность и отрицание решающей роли СССР в победе над фашистской Германией. Поэтому конституционные поправки об исторической правде и подвиге народа при защите Отечества являются юридической основой формирования и развития идей и ценностей, которые формируют гражданское мировоззрение россиян. В полном соответствии с новыми нормами конституции педагогическое сообщество обязано создавать идеалы, принципы и нравственные ценности у студентов. Необходимо в программе учебных курсов по Основам российской государственности, Конституционному праву России, Истории государства и права России и Истории России, ввести специальные тематические лекции и семинарские занятия с целью углубленного изучения и ценностного понимания положений ст. 67.1 Основного закона. Конституционные поправки об исторической правде и подвиге народа при защите Отечества должны стать темами научных исследований студентов и аспирантов.

Новые положения Конституции РФ составляют основу нормативно-правовой базы государственной политики в области исторического просвещения и исторической памяти. В Указе Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» закреплены объективные основания для выработки политики в области исторического просвещения. Для противодействия попыткам фальсификации истории Великой Отечественной войны глава Российского государства обязывает организовать и обеспечить системную и масштабную работу в области исторического просвещения, образования и науки. Работа в этом направлении имеет воспитательное значение для гармоничного развития личности и формирования чувства гражданственности.

В качестве актуальной научной проблемы необходимо признать и развивать идею расширения правосубъектности народа в конституционно-правовых отношениях. Вопросам правосубъектности народа уделялось значительное внимание и в советской науке государственного права. В трудах советских ученых на высокой научной основе в соответствии с советской конституционной и марксистско-ленинской идеологией исследованы многие теоретические и практические проблемы [8. С. 113–122; 9. С. 3–13]. Конституция Российской Федерации 1993 г. учредила политический плюрализм и многопартийность как основы деидеологизации принципа народовластия. Это означает прекращение «суверенитета коммунистической партии» и подтверждение суверенитета многонационального народа [10. С. 10–11]. Многонациональный народ Российской Федерации как единая социально-

политическая общность и субъект конституционного права имеет свою историю, культуру, традиции и нравственные основы единства [11]. Конституционные поправки 2020 г. качественно обогатили правосубъектность народа и ввели в юридический оборот понятие «государствообразующий народ» (ст. 68 ч. 1) и «народ – защитник Отечества» (ст. 67.1 ч. 3). Данные положения Основного закона являются не только нормами высшей юридической силы и прямого действия, но и обладают статусом нравственных ценностей. Рассматриваемые поправки необходимы для преодоления идеологизированного искажения и умаления исторической правды о нашем народе как защитнике Отечества. В этой связи следует специально подчеркнуть, что исключение идеологического фактора в конституционно-правовых исследованиях невозможно [12]. Задача научного профессионального сообщества состоит в нравственной обязанности путем научного поиска отделить и обнулить влияние идеологизированных искажений и фальсификаций.

В целях реализации политики дальнейшего укрепления социально-политического единства народа в текст Основного закона включены положения о русском языке как языке государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов. В заключении Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 сформирована правовая позиция, основанная на объективном и естественном признании роли русского народа в образовании российской государственности, продолжателем которой является современная Российская Федерация. Новые нормы Конституции не умаляют достоинства других народов, не могут рассматриваться как несовместимые с положениями Конституции РФ о многонациональном народе (ст. 3 ч. 1), о равенстве прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от национальности (ст. 19 ч. 2), о равноправии и самоопределении народов (ст. 5 ч. 3, Преамбула). Конституционные поправки признают русский язык не только как нормативно-правовую категорию, но и как средство культурного и нравственного взаимодействия и общения. Такое понимание норм Конституции РФ способствует формированию мировоззрения о народе как о большой многоязычной семье, в которой русский язык выполняет объединительную миссию. Защита исторической правды и почитание памяти защитников Отечества в годы Великой Отечественной войны как важное идейное начало относится ко всем этносам Российской Федерации. Признание Победы достоянием всех этносов выступает объединяющим фактором в духовной жизни людей и, как следствие, создает благоприятные условия для защиты исторической правды. В результате усиливается ответственность за сохранение и передачу будущим поколениям памяти о защитниках Отечества и подвиге народа в годы Великой Отечественной войны.

Требуем самостоятельного научного осмысления и оценки мнение о том, что Поправки 2020 г., установившие юридическую обязанность «защиты исторической правды», заслуживают критической оценки в контексте соотношения с конституционными правами на свободу научного творчества (ст. 44 ч. 1), свободу мысли и слова (ст. 29 ч. 1), принципами идеологического многообразия и демократического характера Российского государства (ст. 1 и 13)

[13, 14]. Представляется, что новые нормы Основного закона не отменяют, не ограничивают и не умаляют права и свободы граждан. Речь идет об обязательности соблюдения принципа научной объективности и мировоззренческой честности исследователя. Следует непротиворечиво разъяснять подлинные исторические факты о героизме народа, а искажения и фальсификации формируют в обществе идейные и ценностные разрывы и ведут к утрате исторической памяти. Демократизация общественной и государственной жизни неизбежно влечет за собой укрепление исторического сознания, формирует новые нравственные ориентиры. Это, в свою очередь, требует обновления и развития идейного содержания Конституции РФ. Свобода научного творчества, слова, мысли, а также принципы плюрализма органически связаны с поправками к Конституции РФ. Они непротиворечиво взаимодействуют и функционируют в единой правовой системе.

Согласно заключению Конституционного Суда РФ от 16.03.2020, включение в конституционный текст положений о почитании памяти защитников Отечества и защите исторической правды не может расцениваться, толковаться и применяться как изменяющее принципы плюралистической демократии, вводящие какие-либо недопустимые с точки зрения гл. 1 и 2 Конституции РФ ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Подтверждением справедливости и объективности правовой позиции Конституционного Суда РФ являются многочисленные научные публикации, изданные как в советское время, так и после принятия конституционных поправок. Авторы на основе анализа архивных материалов, историко-правовых документов, мемуарной литературы выявили многие ранее неизвестные достоверные факты, которые в настоящее время доступны самой широкой заинтересованной аудитории [15. С. 540–714; 16; 17. С. 126–243; 18. С. 61–131; 19–23]. Советские ученые идеологические требования преодолевали благодаря правдивости и научной достоверности. В современной России историческая правда и соответствие научных выводов подлинным фактам сохраняют свою ценность и признаются в качестве конституционной гарантии свободы творчества.

Для преодоления последствий критических суждений, на наш взгляд, необходимо определиться с понятием исторической правды. Многоаспектность данного понятия не вызывает сомнения, так как историческая правда как ценность связана с другими базовыми благами общероссийского масштаба. Результатом их взаимодействия следует признать формирование единого российского народа в многонациональном государстве.

Безусловно, данная проблема нуждается в специальном исследовании, и эта задача, прежде всего, исторической и историко-правовой науки. Историческая правда сложный нравственный, социальный и культурный феномен, и это обстоятельство – самостоятельный фактор для ее включения в текст Конституции РФ. В заключении Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 не сформулирована легальная правовая позиция относительно исторической правды и подвига народа при защите Отечества. Однако конституционность обсуждаемых поправок Судом подтверждена.

В современной России подвиг народа в годы Великой Отечественной войны признается обществом как естественный идейный фактор единства, политической и социальной солидарности (ст. 75.1 Конституции РФ). Солидарность – главная сила, объединяющая, цементирующая и сплачивающая общество, создающая общественное целое. Солидарность основана на коллективном сознании и совокупности общих верований и чувств, которые разделяют члены общества. В свою очередь, коллективное сознание отражает характер народа, его идеалы и традиции [24. С. 76].

Подвиг народа при защите Отечества в годы Великой Отечественной войны является отражением единства советской цивилизации. Многонациональный народ, объединенный территорией, судьбой, историей совместной социокультурной жизни и идеей своего будущего, в годы войны проявил наивысшую силу солидарности, защитил общую судьбу и перспективу развития. Многочисленные широко известные факты массовых репрессий, которые сопровождали народ в период тоталитарного режима, оказались не в состоянии расколоть единство общества. Угроза утраты Отечества, многовековых достижений многих поколений, а самое главное – своего будущего, стала главным фактором единения и героизма.

Слово «правда» в своем сущностном и содержательном смысле крайне редко употребляется в современных конституционных текстах. Конституции Российской Федерации и Республики Беларусь, скорее всего, являются исключением, но не правилом. В тоже время в современных научных публикациях слово «правда» употребляется довольно широко в его ценностном измерении [25. С. 76; 26. С. 3–2; 27. С. 455–485].

В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «правда» понимается как то, что существует в реальной действительности. В словаре В.И. Даля правда соответствует истине на деле, в образе и во благе. Следовательно, историческая правда связана с фактами исторической действительности и достоверности, которые соответствуют событиям прошлых лет нашей истории, подлинность которых установлена документами и иными материальными носителями и носит абсолютно неоспоримый характер. Поправки к Конституции РФ 2020 г. ввели в текст Основного закона, в правовую систему и юридическую науку историческую правду в подлинном истинном смысле слова. Конституционная норма является отражением живого свидетельства подвига народа при защите Отечества в годы Великой Отечественной войны. Подлинное описание исторической правды зависит от нравственных и интеллектуальных усилий человека. Историческая правда о подвиге народа связана с идеей Отечества, с идеалом Родины. Так, например, решающую роль в Сталинградской победе сыграли беспримерный и массовый героизм и мужество советских воинов на поле боя. Советские воины сражались с глубокой верой в правоту своей Родины, о чем свидетельствуют подлинные факты, исторические документы и мемуары многочисленных участников Сталинградской битвы [19, 28].

Представляется, что принятием конституционных поправок понятие «Отечество» в политико-правовом лексиконе должно измениться. Поправки

в ст. 67.1 ч. 3 Конституции РФ во взаимосвязи с нормами ст. 59 Основного закона признают защиту Отечества долгом и обязанностью гражданина, особой ценностью. Защита и служение Отечеству приобретают нравственный, экзистенциальный и высший юридический смысл. Отечество – не только конституционно-правовой феномен, но и духовное наднациональное и внеконфессиональное явление независимо от национальной, религиозной принадлежности и вероисповеданий гражданина России (ст. 28 Конституции РФ).

Таким образом, одной из важных задач юридической науки и образования является специальное изучение исторической правды о героизме нашего народа как защитника Отечества, его политико-правового и духовного суверенитета. Решение этой задачи непосредственно связано с сохранением, приумножением и передачей будущим поколениям идеалов многонационального народа Российской Федерации.

Список источников

1. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М. : Норма: ИНФРА-М, 2020. 240 с.
2. Юсубов Э.С. Мироззрение. Нравственность. Право. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2024. 146 с.
3. Охошин О.В. Британские оценки Красной Армии (1934–1945) // *Общественные науки и современность*. 2024. № 2. С. 148–152.
4. Рыкун Г.Н., Колесников И.Н. Сохранение памяти о Победе над фашизмом: уроки истории и вызовы современности // *Вопросы истории*. 2020. № 5. С. 42–50.
5. Быков А.К. Социально-педагогическая характеристика фальсификации истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов и процесса противодействия им при формировании исторического и патриотического сознания молодежи // *Историческая память: истоки и современные смыслы* / под общ. ред. Б.П. Черника. Новосибирск : Сибпринт, 2024. 386 с.
6. Зверев К.А. Прибалтика в годы Великой Отечественной войны в интерпретации современной прибалтийской историографии // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 2. С. 195–208.
7. Курицын А.Н., Лемэр Л.Г., Ашманов И.С., Гребенюк А.А. Великая Отечественная война. Фальсификация истории. Манипуляции в социальных медиа. М. : Первое экономическое издательство, 2020. 52 с.
8. Ким А.И. Государственная власть и народное представительство в СССР. Томск : Издательство Томского университета, 1975. 216 с.
9. Ким А.И. Наро́довла́стие в СССР как самоуправление советского народа // *Конституционное законодательство и государственное управление в условиях совершенствования социалистического общества* : сб. ст. Томск : Изд-во ТГУ, 1988. С. 3–13.
10. Комментарий к Конституции Российской Федерации : В 2 т. / под ред. Бернда Визера. Т. 1. М. : Инфотропик, 2018. 868 с.
11. Масленникова С.В. Вопросы правосубъектности народа в конституционно-правовых отношениях // *Журнал российского права*. 2024. Т. 28, № 12. С. 51–57.

12. Пашенцев Д.А. Концептуальные основания историко-правовой науки: от классических традиций к современным новациям // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 9. С. 5–14.
13. Астафичев П.А. Обеспечение защиты исторической правды как новый принцип в конституционном праве современной России // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 4. С. 5–11.
14. Астафичев А.А. Историческая правда как категория современного конституционного права: опыт конституционных поправок 2020 г. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 116–125.
15. Тыщевский И.Т. Происхождение мировой войны. М. : Международные отношения, 2023. 864 с.
16. Страна в огне : в 3 т. Т. 3: Освобождение. 1944–1945 : в 2 кн. Кн. 2: Документы и материалы / ред.-сост. Д.В. Суржик. М. : Абрис, 2017. 510 с.
17. Матонин Е. 22 июня 1941 года. День, когда обрушился мир. М. : ИД «Комсомольская правда», 2024. 304 с.
18. Матонин Е. 1941 год. Битва за Москву. М. : ИД «Комсомольская правда», 2024. 336 с.
19. Семенов К. Непокоренный Сталинград. М. : ИД «Комсомольская правда», 2024. 192 с.
20. Исаев А.В. Антисуворов. Большая ложь маленького человека. М. : Яуза, 2004. 352 с.
21. Исаев А.В. «Котлы» 41-го. История ВОВ, которую мы не знали. М. : Эксмо, 2005. 400 с.
22. Дружба О.В. Великая Отечественная война в историческом сознании советского и постсоветского общества : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2000.
23. Мощанский И.Б., Исаев А.В. Триумфы и трагедии великой войны. М. : Вече, 2010. 648 с.
24. Кравченко А.И. История зарубежной социологии: от Платона до Бурдьё. М. : Академический проспект, 2024. 602 с.
25. Медушевская Н.В., Уткин Г.Н. Идея правды: сущность, содержание, роль в отечественной правовой культуре. М. : Изд-во Московского университета МВД России, 2008. 159 с.
26. Уткин Г.Н. Идея правды в отечественной правовой мысли : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
27. Русские ценности: традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи. М. : Квадрига, 2024. 720 с.
28. Сталинградская эпопея. М. : Наука, 1968. 704 с.

References

1. Khabrieva, T.Y. & Klishas, A.A. (2020) *Tematicheskiy kommentariy k Zakonu Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ "O sovershenstvovanii regulirovaniya otel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti"* [Thematic Commentary to the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power"]. Moscow: Norma: INFRA-M.
2. Yusubov, E.S. (2024) *Mirovozzrenie. Nравstvennost'. Pravo* [Worldview. Morality. Law]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Okhoshin, O.V. (2024) *Britanskіe otsenki Krasnoy Armii (1934–1945)* [British Assessments of the Red Army (1934–1945)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2. pp. 148–152.
4. Rykun, G.N. & Kolesnikov, I.N. (2020) *Sokhraneniye pamyati o Pobede nad fashizmom: uroki istorii i vyzovy sovremennosti* [Preserving the Memory of the Victory over Fascism: Lessons of History and Challenges of the Present]. *Voprosy istorii*. 5. pp. 42–50.

5. Bykov, A.K. (2024) Sotsial'no-pedagogicheskaya kharakteristika fal'sifikatsii istorii Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 godov i protsessa protivodeystviya im pri formirovanii istoricheskogo i patrioticheskogo soznaniya molodezhi [Socio-pedagogical characteristics of the falsification of the history of the Great Patriotic War of 1941–1945 and the process of countering them in the formation of the historical and patriotic consciousness of youth]. In: Chernik, B.P. (ed.) *Istoricheskaya pamyat': istoki i sovremennyye smysly* [Historical Memory: Origins and Contemporary Meanings]. Novosibirsk: Sibprint.
6. Zverev, K.A. (2022) Pribaltika v gody Velikoy Otechestvennoy voyny v interpretatsii sovremennoy pribaltiyskoy istoriografii [The Baltic Region during the Great Patriotic War in the Interpretation of Contemporary Baltic Historiography]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki*. 24(2). pp. 195–208.
7. Kuritsyn, A.N., Lemer, L.G., Ashmanov, I.S. & Grebenyuk, A.A. (2020) *Velikaya Otechestvennaya voyna. Fal'sifikatsiya istorii. Manipulyatsii v sotsial'nykh media* [The Great Patriotic War. Falsification of History. Manipulations in Social Media]. Moscow: Pervoe ekonomicheskoe izdatel'stvo.
8. Kim, A.I. (1975) *Gosudarstvennaya vlast' i narodnoe predstavitel'stvo v SSSR* [State Power and Popular Representation in the USSR]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Kim, A.I. (1988) Narodovlastie v SSSR kak samoupravlenie sovetского народа [People's Power in the USSR as Self-Government of the Soviet People]. In: // *Konstitutsionnoe zakonodatel'stvo i gosudarstvennoe upravlenie v usloviyakh sovershenstvovaniya sotsialisticheskogo obshchestva* [Constitutional Legislation and State Administration in the Context of Improving Socialist Society]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–13.
10. Wieser, B. (2018) *Commentary on the Constitution of the Russian Federation: in 2 vols*. Vol. 1. Moscow: Infotropic.
11. Maslennikova, S.V. (2024) Voprosy pravosub'ektnosti naroda v konstitutsionno-pravovykh otnosheniyakh [Issues of the Legal Personality of the People in Constitutional Legal Relations]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 28(12). pp. 51–57.
12. Pashentsev, D.A. (2024) Kontseptual'nye osnovaniya istoriko-pravovoy nauki: ot klassicheskikh traditsiy k sovremennym novatsiyam [Conceptual Foundations of Historical-Legal Science: From Classical Traditions to Modern Innovations]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 28(9). pp. 5–14.
13. Astafichev, P.A. (2020) Obespechenie zashchity istoricheskoy pravdy kak novyy printsip v konstitutsionnom prave sovremennoy Rossii [Ensuring the protection of historical truth as a new principle in the constitutional law of contemporary Russia]. *Pravoprimenenie*. 4(4). pp. 5–11.
14. Astafichev, A.A. (2021) Istoricheskaya pravda kak kategoriya sovremennogo konstitutsionnogo prava: opyt konstitutsionnykh popravok 2020 g. [Historical truth as a category of modern constitutional law: The experience of the 2020 constitutional amendments]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 5. pp. 116–125.
15. Tyshetsky, I.T. (2023) *Proiskhozhdenie mirovoy voyny* [The Origins of the World War]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
16. Surzhik, D.V. (ed.) (2017) *Strana v ognе: v 3 t.* [A Country in Flames: In 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Abris.
17. Matonin, E. (2024) 22 iyunya 1941 goda. Den', kogda obrushilsya mir [June 22, 1941: The Day the World Collapsed]. Moscow: Komsomol'skaya pravda.
18. Matonin, E. (2024) 1941 god. Bitva za Moskvu [1941: The Battle for Moscow]. Moscow: Komsomol'skaya pravda.
19. Semenov, K. (2024) *Nepokorennyy Stalingrad* [Unconquered Stalingrad]. Moscow: Komsomol'skaya pravda.
20. Isaev, A.V. (2004) *Antisuvorov. Bol'shaya lozh' malen'kogo cheloveka* [Anti-Suvorov: The Big Lie of a Little Man]. Moscow: Yauza.
21. Isaev, A.V. (2005) “Kotly” 41 goda. Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny, kotoruyu my ne znali [The “Cauldrons” of '41: The History of the Great Patriotic War We Didn't Know]. Moscow: Eksmo.

22. Druzhba, O.V. (2000) *Velikaya Otechestvennaya vojna v istoricheskom soznanii sovetskogo i postsovetskogo obshchestva* [The Great Patriotic War in the Historical Consciousness of Soviet and Post-Soviet Society]. Abstract of History Dr. Diss. Rostov-on-Don.

23. Moshchansky, I.B. & Isaev, A.V. (2010) *Triumfy i tragedii velikoy voyny* [Triumphs and Tragedies of the Great War]. Moscow: Veche.

24. Kravchenko, A.I. (2024) *Istoriya zarubezhnoy sotsiologii: ot Platona do Burd'e* [History of Foreign Sociology: From Plato to Bourdieu]. Moscow: Akademicheskiy prospekt.

25. Medushevskaya, N.V. & Utkin, G.N. (2008) *Ideya pravdy: sushchnost', sodержание, rol' v otechestvennoy pravovoy kul'ture* [The Idea of Truth: Essence, Content, Role in Russian Legal Culture]. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

26. Utkin, G.N. (2008) *Ideya pravdy v otechestvennoy pravovoy mysli* [The Idea of Truth in Russian Legal Thought]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

27. Perevezentsev, S.V. (ed.) (2024) *Russkie tsennosti: traditsionnye smysly i ikh otrazhenie v soznanii sovremennoy molodezhi* [Russian Values: Traditional Meanings and Their Reflection in the Consciousness of Modern Youth]. Moscow: Kvadriga.

28. Pecherkin, V.K. (1968) *Stalingradskaya epopeya* [The Stalingrad Epic]. Moscow: Nauka.

Информация об авторе:

Юсубов Э.С. – доцент, кандидат юридических наук, заслуженный юрист России, доцент кафедры теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: drakonvtu@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yusubov E.S., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: drakonvtu@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.04.2025;
одобрена после рецензирования 08.06.2025; принята к публикации 10.10.2025.*

*The article was submitted 15.04.2025;
approved after reviewing 08.06.2025; accepted for publication 10.10.2025.*

Проблемы частного права / Problems of the private law

Научная статья

УДК 349.223

doi: 10.17223/22253513/57/7

Особенности фактического допущения к работе научных или педагогических работников образовательной организации высшего образования: проблемы правоприменения

Дмитрий Владимирович Агашев¹, Ирина Петровна Агашева²

^{1, 2} Крымский филиал Российского государственного университета правосудия,
Симферополь, Россия

¹ agajur@bk.ru

² jurist@krfrgup.ru

Аннотация. Проанализированы проблемы применения правил ТК РФ о фактическом допущении к работе как форме заключения трудового договора к и последствиям этого действия. Принимая во внимание специальный характер правового регулирования трудовых отношений рассматриваемых категорий работников, авторы обратили внимание на специфику применения к научным и педагогическим работникам положений ч. 1 ст. 67.1 ТК РФ. Высказано мнение о том, что в отдельных случаях реализацию работодателем этой нормы следует рассматривать в качестве злоупотребления правом. Предложен адаптированный для данного случая способ защиты права, реализуемый в судебной форме. На основе некоторых элементов цивилистической теории сделок озвучены предложения о совершенствовании практики применения трудового законодательства.

Ключевые слова: злоупотребление правом, заключение трудового договора, фактическое допущение к работе, конкурс, научный работник, педагогический работник, сделка

Для цитирования: Агашев Д.В., Агашева И.П. Особенности фактического допущения к работе научных или педагогических работников образовательной организации высшего образования: проблемы правоприменения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 57. С. 90–100. doi: 10.17223/22253513/57/7

Original article

doi: 10.17223/22253513/57/7

Features of the actual admission to work of scientific or pedagogical staff of an educational organization of higher education: problems of law enforcement

Dmitry V. Agashev¹, Irina P. Agasheva²

^{1,2} Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russian Federation

¹ agajur@bk.ru

² jurist@krfrgup.ru

Abstract. The article is devoted to a special analysis of the problems of applying the institute of the actual admission of an employee to the work of scientific and pedagogical staff of educational institutions of higher education. The purpose of the work is to formulate proposals for improving labor legislation, as well as standards of law enforcement activities based on the adaptation in labor law of certain elements of the civil theory of transactions in the field of concluding an employment contract by actually admitting researchers or teachers to work. The objectives of the study involve a systematic interpretation of the substantive norms of labor law using elements of transaction theory, an analysis of current judicial practice and the formulation of proposals that promote effective law enforcement.

The research is based on open sources of information, including statistical data, specialized literature, normative legal acts and judicial practice, using general scientific (theoretical and empirical levels: dialectical, logical, system-structural, observation, description) and special legal methods (comparative legal, formal legal, legal modeling) research.

The paper describes the features of the application of Article 67.1 of the Labor Code of the Russian Federation to scientific and pedagogical staff of educational institutions of higher education. It is stated that when considering labor disputes arising from the employee's actual admission to work and the application of Article 67.1 of the Labor Code of the Russian Federation to such cases, it is necessary to proceed from the presumption of an employment relationship, which can only be refuted by the employer. At the same time, the application of this rule to these categories of employees who have successfully passed a competition or election should be considered an abuse of the right to manage by the employer, and the courts, in appropriate cases, should reject the defendant's objections to the claim with a formal reference to the lack of authority of the representative. It is proved that for the considered category of employees, special qualifications are always required for teaching or research staff from the moment they actually start working. In addition, the illegality of the application of Part 1 of art. 67.1 of the Labor Code of the Russian Federation to any persons (including teachers or researchers) employed in accordance with Part 4 of Article 64 of the Labor Code of the Russian Federation. Some proposals have been made to improve certain provisions of labor legislation and ensure the consistency of law enforcement in the field of concluding an employment contract by actually allowing them to work.

Keywords: abuse of the right, conclusion of an employment contract, actual admission to work, competition, researcher, teacher, transaction

For citation: Agashev, D.V. & Agasheva, I.P. (2025) Features of the actual admission to work of scientific or pedagogical staff of an educational organization of higher education: problems of law enforcement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 57. pp. 90–100. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/57/7

Вопросу о правовой природе и последствиях фактического допущения работника к работе посвящено немало исследований, однако, обнаруживается их определенный дефицит в отношении научных и педагогических работников образовательных организаций высшего образования. Между тем применение норм этого института к указанным категориям порождает вопросы, требующие специального анализа. Нужно также обратить внимание на то, что образовательные организации в силу ст. 97 Договора о Евразийском экономическом союзе [1] вправе привлекать к осуществлению трудовой деятельности трудящихся государств-членов без учета ограничений по защите национального рынка труда без получения разрешения на осуществление трудовой деятельности. 2 мая 2024 г. вступило в силу Соглашение государств – членов ЕАЭС о взаимном признании документов об ученых степенях [2]. Наряду с этим с отдельными государствами ЕАЭС также действуют соглашения о признании ученых званий [3, 4]. Указанные акты свидетельствуют о развитии курса на свободное движение научно-педагогических кадров в рамках ЕАЭС. Но одновременно не исключены проблемы с применением норм о фактическом допущении к работе к указанной категории работников, поскольку соответствующее направление в России регламентировано иначе, чем в других государствах Союза.

Правила ч. 3 ст. 16 ТК РФ однозначно указывают на то, что трудовой договор в случае фактического допущения работника к работе следует считать заключенным при соблюдении требований, указанных в ч. 2 ст. 67, с учетом возможных последствий, зафиксированных в ст. 67.1 ТК РФ. Очевидно, что ч. 1 ст. 67.1 ТК РФ, в которой содержатся последствия несоблюдения правил фактического допущения к работе, в известной мере нарушает баланс интересов сторон как ключевого условия гармонизации трудовых отношений [5, 6].

Судебная практика [7, 8] рассматривает фактическое допущение к работе в качестве дополнительной гарантии для работника, призванной устранить неопределенность его правового положения. Однако считать ее таковой в смысле нормы ч. 1 ст. 67.1 ТК РФ довольно трудно, поскольку на работника, по существу, перекладываются неблагоприятные последствия управленческих решений работодателя. При этом анализ этих положений трудового законодательства в отношении педагогических и научных работников делает необходимым рассмотрение вопроса о специализации общих правил, когда осуществление такого действия работодателя должно быть ограничено.

Принимая во внимание особый подход к регулированию трудовых отношений с педагогическими и научными работниками главами ч. 4 ТК РФ (52 и 52.1), в целом возникает вопрос о возможности и пределах применения к этим работникам положений ч. 1 ст. 67.1 ТК РФ. Нормы ст. 251 и 252 ТК РФ по своей природе относятся к числу специализированных норм права, направленных на обеспечение гармоничного сочетания общих и специальных правил. Вместе с тем гл. 52 и 52.1 ТК РФ не ограничивают действие общих норм и не устанавливают каких-либо особых требований в отношении

регулирования фактического допущения научного или педагогического работника к работе и его последствий, а, стало быть, положения ч. 1 ст. 67.1 ТК РФ в настоящее время могут применяться работодателем без ограничений. Тем не менее в этом плане нужно учитывать некоторые обстоятельства, которые могут оказаться существенными в рамках правоприменительной деятельности.

Известно, что для возникновения трудового правоотношения с научным или педагогическим работником, как правило, требуется фактический состав: положительный для лица результат конкурса или выборов и заключение трудового договора на их основании¹. В случае отсутствия соглашения о пролонгации трудового договора, а также в отношении лиц, впервые претендующих на замещение должности, для лиц, принимаемых в порядке перевода от другого работодателя, принимаемых по совместительству или для замещения временно отсутствующего работника, рассматриваемая проблема является весьма актуальной. По разным причинам (бюрократическим, техническим и другим) не всегда возможно обеспечить незамедлительное заключение трудового договора в письменной форме. Но именно в предшествующих процедурах обнаруживается специфика регулируемых отношений, непосредственно влияющая на пределы применения ч. 1 ст. 67.1 ТК РФ к рассматриваемой категории работников.

Согласно действующим нормативным правовым актам [9, 10], при наличии вакантной должности научного или педагогического работника руководителем организации или уполномоченным им лицом на официальном сайте организации размещается объявление о проведении конкурса. Схожие в целом правила, хотя и определяемые локальными нормативными актами работодателя, предусматриваются в отношении выборных должностей декана и заведующего кафедрой. Таким образом, крайне трудно представить ситуацию, при которой работодателю было бы неизвестно о существовании претендентов на должность, о целях и фактических результатах процедуры конкурса или выборов, а также о правовом основании для привлечения к труду и его последствиях, ведь в состав ученого совета образовательной или научной организации всегда включается ее руководитель. Несомненно, такая осведомленность руководителя должна предполагаться.

В современной судебной практике возникновение трудового правоотношения на основании фактического допущения к работе рассматривается в качестве *презумпции* [8]. Если же исходить из предпосылок применения ч. 1 ст. 67.1 ТК РФ работодателем, очевидно, требующего мотивации [11. С. 23], соответствующее правоприменительное решение нужно считать явлением экстраординарным. Но использование этой нормы в отношении педагогических и научных работников, успешно прошедших конкурс или выборы, вы-

¹ Конечно, в отношении работника, ранее замещавшего эту же должность, действие трудового договора может пролонгироваться по соглашению сторон, поэтому конструкция фактического допущения к работе здесь вообще неприменима.

ходит за пределы справедливых мотивов, а соответствующее решение целесообразно рассматривать в качестве *злоупотребления в форме недобросовестного осуществления работодателем права на управление*¹. Очевидно, что работник, будучи организационно зависимым от реализации работодателем его управленческих полномочий, попадает в неопределенное правовое положение (несмотря на положительный исход конкурса или выборов), с возможным произвольным решением последнего. Работнику же причиняется таким образом вред его интересу на получение регулярной оплачиваемой работы в соответствии с трудовым законодательством, на которую он с учетом результата процедуры обоснованно претендовал и мог рассчитывать.

В условиях существующего правового регулирования лицо, считающее, что его право на регулярный оплачиваемый труд нарушено применением ч. 1 ст. 67.1 ТК РФ, должно обладать конкретным способом защиты, в отношении которого в настоящее время нет определенности. Прежде нами предлагался [11. С. 24] такой способ в виде требования *о неправомерности отказа работодателя в признании трудовых правоотношений возникшими*. При этом применение работодателем ч. 1 ст. 67.1 ТК РФ само по себе свидетельствует об избрании им трудового, а не гражданско-правового механизма регулирования. Именно в силу названной презумпции нужно считать ненадлежащими способами защиты права требования о признании трудового правоотношения возникшим, о признании факта правоотношения трудовым и т.п., а их принятие и рассмотрение судом уводит в сторону от главного вопроса о мотивах поведения работодателя.

При рассмотрении соответствующего требования истца (лица, успешно прошедшего конкурс или выборы) судам, полагаем, нужно отклонять возражения на иск ответчика, основанные исключительно на указании о формальном отсутствии полномочий у представителя, ибо такую мотивацию для данного случая и нужно считать злоупотреблением работодателем правом на управление. Более того, в такой ситуации презумпция возникновения трудового правоотношения должна быть расширена предположением *о полномочности представителя*, если работодатель ее не опроверг (в частности, доказал, что должностное лицо наделило себя полномочиями в обход установленных норм). При этом в отношении лиц, прошедших конкурс или выборы, полномочными для фактического допуска нужно считать любое должностное лицо, наделенное локальными актами работодателя функцией управления в отношении данной должности.

Если же педагогический или научный работник может быть принят на работу без проведения конкурса (ч. 3 ст. 332, ч. 5 ст. 336.1 ТК РФ), нужно принимать и оценивать доказательства каждой стороны в обычном порядке,

¹ Например, А.А. Ситников, рассматривая вопрос о сущности права работодателя на управление, приводит разные примеры злоупотребления соответствующим правомочиями [12. С. 181]. Однако автор не анализировал возможность злоупотребления соответствующим правом в рассматриваемом контексте.

но, во всяком случае, с учетом *презумпции о возникновении трудового правоотношения*.

Вызывает интерес также вопрос о том, допустимо ли применение ч. 1 ст. 67.1 ТК РФ в отношении лиц, на которых распространяется ч. 4 ст. 64 ТК РФ? Он актуален при переводе педагогического или научного работника с его согласия или по его просьбе на постоянную работу к другому работодателю (поскольку с предыдущим работодателем трудовое правоотношение прекращается в силу ч. 2 ст. 72.1 ТК РФ) с учетом положений ч. 2 ст. 332 и ч. 2 ст. 336.1 ТК РФ. В этом случае образуется достаточно интересная правовая ситуация.

Волеизъявление работника в порядке ч. 4 ст. 64 ТК РФ, выраженное после положительного результата конкурса или выборов в фактическом поведении (начале работы), технико-юридически может рассматриваться как некий аналог гражданско-правовой конструкции акцепта при безотзывной оферте (в течение определенного законом времени), поскольку одностороннее действие не требует дополнительного одобрения со стороны работодателя и должно быть им безоговорочно принято путем заключения трудового договора. Трудно отрицать, что волеизъявление работодателя зафиксировано в момент приглашения и подтверждено результатами конкурса или выборов, и трудовое правоотношение в подобных случаях возникает именно вследствие такой совокупности фактов. Причем *вопрос о полномочиях представителя работодателя здесь вообще не должен иметь значения*. Полагая, в приведенном случае неправомерность (недопустимость) отказа работодателя в признании трудовых правоотношений возникшими не требует доказательств и в принципе не может опровергаться работодателем.

Однако можно ли считать, что аналогичные правовые последствия характерны для всех лиц, успешно прошедших конкурс, как это указано в п. 18 Положения о порядке замещения должностей педагогических работников и в п. 17 Порядка проведения конкурса на замещение должностей научных работников? Ответ должен быть отрицательным, поскольку по смыслу соответствующих норм Порядков речь идет не о модификации правил заключения трудового договора или дополнительных гарантиях, а лишь об обоснованности и сроках объявления работодателем нового конкурса в случае, если договор не был заключен в указанный срок по инициативе соискателя¹.

В отношении рассматриваемых категорий работников имеются вопросы и с самой квалификацией фактического начала работы с учетом ч. 1 ст. 61 ТК РФ (момент вступления трудового договора в силу). Именно с этим обстоятельством связывается появление трудовых обязанностей сторон, а также выполнение работником норм поведения, вытекающих из законодательства об образовании [13]. Очевидно, не следует считать моментом возникновения трудового обязательства только физическое нахождение работника на территории работодателя и даже в конкретной ее точке (здание,

¹ Проблема обоснованности отказа работодателя в заключении трудового договора в таких случаях требует отдельного анализа, в частности, когда изменяется штатное расписание до момента начала работы.

строение, аудитория и т.п.). Основу трудовой функции педагогического работника составляет образовательная деятельность по обучению и воспитанию обучающихся (научная и учебно-методическая деятельность являются дополнительными элементами), которая невозможна до и вне утвержденного расписания занятий, подписания индивидуального плана и всегда не ранее начала учебного года. В этом смысле выполнение лицом любой иной работы до указанных фактов (написание научных работ, разработка учебно-методических материалов, изучение документации, содействие работе приемной комиссии и т.п.) целесообразно рассматривать как акцепт новой оферты, приводящей к иному обязательству (трудовому или гражданскому в зависимости от содержания). Поэтому для этой категории фактическое начало работы должно квалифицироваться моментом выполнения конкретного вида учебной работы (проведение лекции, практического занятия), в том числе с использованием телекоммуникационных технологий, если они зафиксированы в расписании занятий. Однако проведение до начала выполнения запланированного на учебный год объема аудиторной работы на территории работодателя и, тем более, вне его территории с использованием телекоммуникационных технологий консультаций (индивидуальных, групповых), предусмотренных индивидуальным учебным планом, нельзя рассматривать в качестве фактического допуска к работе, поскольку такие консультации являются следствием изложения учебного материала.

Несколько иной подход требуется для квалификации правовой ситуации в отношении научных работников. Исходя из действующего законодательства, основными функциями научной организации являются создание, передача и использование научной или научно-технической продукции, оказание профильных услуг и совместная научная или научно-техническая деятельность [14] на основе заключаемых договоров. Таким образом, фактическое допущение к работе научного работника нужно считать состоявшимся не ранее момента начала выполнения элементов трудовой функции, вытекающих из трудового договора, должностной инструкции или из профессионального стандарта (если он предусмотрен), в сочетании с действующими локальными нормативными актами и правоприменительными решениями работодателя (включение в состав исполнителей по контрактам, подписания индивидуального плана научной работы и т.п.).

В перспективе считаем целесообразным и необходимым дополнить ст. 67.1 ТК РФ положениями о недопустимости применения нормы ее первой части не только в отношении педагогических или научных работников, но и любых лиц, замещающих должности на основании конкурса или выборов и успешно прошедших такую процедуру, а также в случаях применения ч. 4 ст. 64 ТК РФ.

Подводя итог настоящей работе, нужно подчеркнуть следующее. Во-первых, при рассмотрении судом споров о применении ч. 1 ст. 67.1 ТК РФ во всех случаях должна действовать презумпция о возникновении трудового правоотношения, которая может быть опровергнута только работодателем. Во-вторых, применение указанной нормы в отношении педагогических и

научных работников, прошедших конкурс или выборы, нужно считать злоупотреблением правом на управление со стороны работодателя, а судам в соответствующих случаях нужно отклонять возражения ответчика на иск при формальной ссылке на отсутствие полномочий представителя. В-третьих, для педагогических или научных работников всегда необходима специальная квалификация момента фактического начала работы. Для педагогического работника основу трудовой функции составляет учебная работа, поэтому фактическое начало работы целесообразно определять с момента выполнения конкретного ее вида, в том числе с использованием телекоммуникационных технологий в условиях утвержденного расписания занятий. В отношении научного работника этот момент должен быть связан с началом выполнения элементов трудовой функции, вытекающих из трудового договора, только при условии подписания работодателем индивидуального плана научной работы, индивидуального задания либо наличия правоприменительного решения работодателя о включении лица в группу исполнителей научного задания. В-четвертых, в настоящее время следует считать неправомерным применение ч. 1 ст. 67.1 ТК РФ к любым лицам (включая педагогических или научных работников), принимаемым на работу в порядке ч. 4 ст. 64 ТК РФ.

Список источников

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014). URL: <http://parvo.gov.ru> (дата обращения: 02.11.2024).
2. Соглашение о взаимном признании документов об ученых степенях в государствах – членах Евразийского экономического союза (Подписано в г. Сочи, 08.06.2023). URL: <http://parvo.gov.ru>. (дата обращения: 02.11.2024).
3. Соглашение от 15.09.2001 между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях. URL: <http://parvo.gov.ru>. (дата обращения: 01.12.2024).
4. Соглашение от 27.06.1996 между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях. URL: <http://parvo.gov.ru>. (дата обращения: 01.12.2024).
5. Постановление КС РФ от 13.07.2023 № 40-П «По делу о проверке конституционности части восьмой статьи 178 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.Ф. Нестеренко». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407286440/> (дата обращения: 02.12.2024).
6. Постановление КС РФ от 19.05.2020 № 25-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого части первой статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.А. Сысоева». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73942852/> (дата обращения: 02.12.2024).
7. Пункт 3 Определения КС РФ от 19 мая 2009 г. № 597-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Равинской Ларисы Вадимовны на нарушение ее конституционных прав статьями 11, 15, 16, 22 и 64 Трудового кодекса Российской Федерации». URL: <http://parvo.gov.ru> (дата обращения: 03.12.2024).
8. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с заключением трудового договора (п. 15) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.04.2022). URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/all/31088/> (дата обращения: 03.12.2024).

9. Положение о порядке замещения должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу (п. 5) (утв. Приказом Минобрнауки России от 4 декабря 2023 г. № 1138). URL: <http://parvo.gov.ru>. (дата обращения: 02.12.2024).

10. Порядок проведения конкурса на замещение должностей научных работников (п. 5) (утв. Приказом Минобрнауки России от 5 августа 2021 г. № 715). URL: <http://parvo.gov.ru>. (дата обращения: 07.12.2024).

11. Агашев Д.В. Фактическое допущение работника к работе в контексте концепции сделок в трудовом праве // Трудовое право в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 22–25.

12. Ситников А.А. Право работодателя на управление трудом: гарантии и ограничения : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2024. 270 с.

13. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ст. 48). URL: <http://parvo.gov.ru> (дата обращения: 02.11.2024).

14. Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (ст. 8). URL: <http://parvo.gov.ru> (дата обращения: 23.10.2024).

References

1. Russian Federation. (2014) *Dogovor o Evraziyskom ekonomicheskom soyuze (Podpisan v g. Astane 29.05.2014 g.)* [Treaty on the Eurasian Economic Union (Signed in Astana on May 29, 2014)]. [Online] Available from: <http://parvo.gov.ru> (Accessed: 2nd November 2024).

2. Russian Federation. (2023a) *Soglasenie o vzaimnom priznanii dokumentov ob uchenykh stepenyakh v gosudarstvakh – chlenakh Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza (Podpisano v g. Sochi, 08.06.2023 g.)* [Agreement on the Mutual Recognition of Documents on Academic Degrees in the Member States of the Eurasian Economic Union (Signed in Sochi on June 8, 2023)]. [Online] Available from: <http://parvo.gov.ru>. (Accessed: 2nd November 2024).

3. Russian Federation. (2021a) *Soglasenie ot 15.09.2001 g. mezhdru Pravitel'stvom Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvom Respubliki Armeniya o vzaimnom priznanii dokumentov ob obrazovanii, uchenykh stepenyakh i uchenykh zvaniyakh* [Agreement of September 15, 2001, between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Armenia on the Mutual Recognition of Documents on Education, Academic Degrees and Academic Titles]. [Online] Available from: <http://parvo.gov.ru>. (Accessed: 1st December 2024).

4. Russian Federation. (1996a) *Soglasenie ot 27.06.1996 g. mezhdru Pravitel'stvom Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvom Respubliki Belarus' o vzaimnom priznanii i ekvivalentnosti dokumentov ob obrazovanii, uchenykh stepenyakh i zvaniyakh* [Agreement of June 27, 1996, between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Belarus on the Mutual Recognition and Equivalence of Documents on Education, Academic Degrees and Titles]. [Online] Available from: <http://parvo.gov.ru>. (Accessed: 1st December 2024).

5. Russian Federation. (2023b) *Postanovlenie KS RF ot 13.07.2023 g. № 40-P “Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti vos'moy stat'i 178 Trudovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanki N.F. Nesterenko”* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 13, 2023, No. 40-P “On the case concerning the review of constitutionality of part eight of Article 178 of the Labour Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen N.F. Nesterenko”]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407286440/> (Accessed: 2nd December 2024).

6. Russian Federation. (2020) *Postanovlenie KS RF ot 19.05.2020 g. № 25-P “Po delu o proverke konstitutsionnosti abzatsa vos'mogo chasti pervoy stat'i 59 Trudovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina I.A. Sysoeva”* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 19, 2020, No. 25-P “On the case concerning the review of constitutionality of paragraph eight of part one of Article 59 of the

Labour Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.A. Sysoev”]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73942852/> (Accessed: 2nd December 2024).

7. Russian Federation. (2009) *Punkt 3 Opredeleniya KS RF ot 19 maya 2009 g. N 597-O-O “Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Ravinskoy Larisy Vadimovny na narushenie ee konstitutsionnykh prav stat'yami 11, 15, 16, 22 i 64 Trudovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii”* [Clause 3 of the Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 19, 2009, No. 597-O-O “On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Larisa Vadimovna Ravinskaya on the violation of her constitutional rights by Articles 11, 15, 16, 22 and 64 of the Labour Code of the Russian Federation”]. [Online] Available from: <http://parvo.gov.ru> (Accessed: 3rd December 2024).

8. Russian Federation. (2022) *Obzor praktiki rassmotreniya sudami del po sporam, svyazannym s zaklyucheni-em trudovogo dogovora (p. 15) (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 27.04.2022 g.)* [Review of Judicial Practice in Cases Concerning Disputes Related to the Conclusion of an Employment Contract (Clause 15) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 27, 2022)]. [Online] Available from: <https://www.vsrp.ru/documents/all/31088/> (Accessed: 3rd December 2024).

9. Russian Federation. (2023c) *Polozhenie o poryadke zameshcheniya dolzhnostey pedagogicheskikh rabotnikov, otnosyashchikhsya k professorsko-prepodavatel'skomu sostavu (p. 5) (utv. Prikazom Minobrnauki Rossii ot 4 dekabrya 2023 g. № 1138)* [Regulations on the Procedure for Filling Positions of Teaching Staff Belonging to the Faculty (Clause 5) (approved by Order of the Ministry of Science and Higher Education of Russia No. 1138 of December 4, 2023)]. [Online] Available from: <http://parvo.gov.ru>. (Accessed: 2nd December 2024).

10. Russian Federation. (2021b) *Poryadok provedeniya konkursa na zameshchenie dolzhnostey nauchnykh rabotnikov (p. 5) (utv. Prikazom Minobrnauki Rossii ot 5 avgusta 2021 g. № 715)* [Procedure for Conducting a Competition to Fill Positions of Research Workers (Clause 5) (approved by Order of the Ministry of Science and Higher Education of Russia No. 715 of August 5, 2021)]. [Online] Available from: <http://parvo.gov.ru>. (Accessed: 7th December 2024).

11. Agashev, D.V. (2024) Fakticheskoe dopushchenie rabotnika k rabote v kontekste kontseptsii sdelok v trudovom prave [De Facto Permission of an Employee to Work in the Context of the Concept of Transactions in Labour Law]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom*. 3. pp. 22–25.

12. Sitnikov, A.A. (2024) *Pravo rabotodatelya na upravlenie trudom: garantii i ogranicheniya* [The Employer's Right to Manage Labour: Guarantees and Limitations]. Law Cand. Diss. St. Petersburg.

13. Russian Federation. (2012) *Federal'nyy zakon “Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii” ot 29.12.2012 g. № 273-FZ (st. 48)* [Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012, “On Education in the Russian Federation” (Article 48)]. [Online] Available from: <http://parvo.gov.ru> (Accessed: 2nd November 2024).

14. Russian Federation. (1996b) *Federal'nyy zakon ot 23.08.1996 g. № 127-FZ “O nauke i gosudarstvennoy nauchno-tehnicheskoy politike” (st. 8)* [Federal Law No. 127-FZ of August 23, 1996, “On Science and State Scientific and Technical Policy” (Article 8)]. [Online] Available from: <http://parvo.gov.ru> (Accessed: 23rd November 2024).

Информация об авторах:

Агашев Д.В. – доцент, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия (Симферополь, Россия). E-mail: agajur@bk.ru

Агашева И.П. – юрисконсульт, старший преподаватель кафедры гражданского права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия (Симферополь, Россия). E-mail: jurist@krfrgrup.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Agashev D.V., Crimean Branch of the Russian State University of Justice (Simferopol, Russian Federation). E-mail: agajur@bk.ru

Agasheva I.P., Crimean Branch of the Russian State University of Justice (Simferopol, Russian Federation). E-mail: jurist@krfrgup.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.12.2024;
одобрена после рецензирования 18.03.2025; принята к публикации 10.10.2025.*

*The article was submitted 10.12.2024;
approved after reviewing 18.03.2025; accepted for publication 10.10.2025.*

Научная статья

УДК 342.9

doi: 10.17223/22253513/57/8

Политика государства по сохранению и устойчивому использованию животного мира: теоретический анализ

Светлана Витальевна Иванова^{1, 2}, Светлана Викторовна Рыбак³

^{1, 3} *Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия*

² *Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),*

Оренбург, Россия

^{1, 2} *servis-05@list.ru*

³ *Svetoch_2504@mail.ru*

Аннотация. Исследуя отдельные аспекты законодательства о животном мире и практику его применения, авторы приходят к выводу, что в России отсутствует действенная и целостная система стратегических планировочных документов. Предложенные меры по совершенствованию нормативно-правовой базы создадут условия для эффективного взаимодействия государственных органов и населения, способствуя привлечению общественности к решению задач, связанных с сохранением и рациональным использованием диких животных.

Ключевые слова: стимулирование, государственная политика, объекты животного мира, концепция, государственное управление

Для цитирования: Иванова С.В., Рыбак С.В. Политика государства по сохранению и устойчивому использованию животного мира: теоретический анализ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 57. С. 101–114. doi: 10.17223/22253513/57/8

Original article

doi: 10.17223/22253513/57/8

State policy on the conservation and sustainable use of wildlife: a theoretical analysis

Svetlana V. Ivanova^{1, 2}, Svetlana V. Rybak³

^{1, 3} *Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation*

² *Orenburg Institute (branch) of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL),*

Orenburg, Russian Federation

^{1, 2} *servis-05@list.ru*

³ *Svetoch_2504@mail.ru*

Abstract. The relevance of the topic “state policy in the sphere of sustainable use of fauna” is conditioned by the need to preserve biological diversity and ensure rational use of natural resources against the background of global environmental challenges, such as climate change, loss of biodiversity and degradation of ecosystems. the study

of state policy in the sphere of sustainable use of fauna, analysis of the existing regulatory mechanisms, as well as the development of proposals to improve the existing measures are to the

The purpose of this article is to analyze the peculiarities of the state policy in the sphere of sustainable use of wildlife in the Russian Federation, to assess the existing mechanisms of legal regulation, and to develop scientifically based recommendations to improve its effectiveness taking into account the principles of environmental, social and economic sustainability.

When writing the scientific research, the authors used scientific works of scientists devoted to the issues of state policy. The basis of the study was the norms of the current legislation, enshrining the foundations of state policy in the field of wildlife conservation, as well as strategic planning documents in the sphere of hunting and fishing.

The methodological basis is represented by individual philosophical, general scientific and private-scientific methods of research. In the course of the study the authors applied specific-historical, logical methods, analysis and synthesis. The chosen methodology was based on the study of the genesis and state of development of the topic. As a result, the method of interpretation of the current legislation on wildlife was applied.

The article analyzes different points of view on the issue of priority directions of state policy in the field of conservation and sustainable use of wildlife. The analysis of the current legislation has shown that the foundations of the state policy in the considered sphere are laid in the federal and regional legislation. However, the problems of realization in practice of some provisions of the state policy in the sphere of hunting and fishing have been revealed.

The authors also point out that in a number of subjects of the Russian Federation there are no laws regulating the conditions and procedure for the use of wildlife that are not classified as hunting and fishing resources. The authors believe that it is necessary to develop and adopt at the regional level laws regulating the procedure and conditions for the withdrawal of wildlife objects that are not classified as hunting and fishing resources. This will ensure environmental, economic and social factors of the state environmental policy in the considered sphere of public relations.

Keywords: stimulation, public policy, wildlife, concept, public administration

For citation: Ivanova, S.V. & Rybak, S.V. (2025) State policy on the conservation and sustainable use of wildlife: a theoretical analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 57. pp. 101–114. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/57/8

Введение

Экологическая политика современного государства направлена на осуществление мер по сохранению природных объектов. В то же время данное понятие остается незакрепленным на законодательном уровне, что определяет существование множества различных точек зрения на его содержание в рамках доктрины экологического права. Так, В.В. Петров экологическую политику предлагал рассматривать как совокупность общественных отношений в области взаимоотношения общества и природы [1. С. 204]. По мнению И.А. Игнатьевой [2. С. 39], подобное понимание экологической политики затрудняет уяснение данного понятия. Согласно позиции С.А. Боголюбова, государственная экологическая политика представляет собой целенаправленную деятельность государства, ориентированную на достижение

стратегической цели. Данная деятельность заключается в реализации совокупности задач, возложенных на органы государственной власти, основным содержанием которых является обеспечение устойчивого функционирования экологических систем, сохранение продовольственной безопасности государства, а также предупреждение процессов истощения и деградации природных ресурсов [3. С. 23]. Таким образом, данное определение понятия государственной экологической политики автор рассматривает с учётом экологических, экономических и социальных факторов. С позиции М.И. Васильевой [4. С. 8], государственная экологическая политика представляет собой систему взглядов, концепций и представлений, определяющих принципы, основные направления и методы реализации природоохранных мероприятий. Однако любые теоретические подходы и идеи остаются лишь декларациями, если их не подкрепить практическими действиями [5. С. 22]. Анализ доктринальных подходов к определению понятия государственной экологической политики позволяет утверждать, что она представляет собой комплексную систему управленческих решений, действий, методик и средств, направленных на регуляцию и координацию экологически значимых процессов. Государственная политика в области охраны и устойчивого использования животного мира включает в себя совокупность ключевых направлений деятельности государства, ориентированных на сохранение биологического разнообразия, обеспечение рационального использования природных ресурсов и поддержание экологического баланса на национальном и глобальном уровнях.

Экологическая политика государства основывается на системе нормативно-правовых актов, регламентирующих вопросы охраны окружающей среды и устойчивого использования природных ресурсов. Ключевые положения, направленные на сохранение биологического разнообразия, обеспечение защиты редких и исчезающих видов, а также устойчивое использование ресурсов животного мира, также закреплены в документах стратегического планирования. Указанная законодательная основа формирует предпосылки для комплексного, интегративного и научно обоснованного подхода к управлению природоохранной деятельностью. Нормативно-правовые акты действующего российского законодательства формулируют обязательства субъектов, направленные на реализацию государственной политики в области сохранения и рационального использования диких животных. В юридической доктрине законодательство интерпретируется как в узком, так и в широком значении. В узком смысле под законодательством понимается исключительно совокупность законов, регулирующих соответствующую сферу общественных отношений. Широкий, интегративный подход предполагает включение в состав законодательства не только нормативно-правовых актов законного уровня, но также подзаконных нормативных актов и стратегических документов, которые формируют институциональную основу и механизмы реализации экологической политики. В данном научном исследовании нормативно-правовая база, регламентирующая

ключевые направления государственной экологической политики, рассматривается в широком концептуальном контексте. В таком аспекте законодательство составляет федеральные, региональные законы, а также подзаконные нормативные правовые акты. Нормы данных нормативно-правовых актов формируют концептуальную базу и определяют стратегические направления государственной политики, ориентированной на охрану и рациональное использование ресурсов животного мира.

1. Основы политики государства в сфере сохранения и устойчивого использования животного мира: анализ федерального законодательства

Фундаментальные принципы государственной политики формулируются в положениях Конституции Российской Федерации и находят дальнейшее развитие в нормах отраслевого законодательства, регулирующего вопросы рационального природопользования и охраны окружающей среды. Конституционные нормы закрепляют стратегические направления экологической политики государства и создают правовые основы для регулирования отношений в сфере охраны окружающей среды, обеспечивая их нормативно-правовое закрепление на высшем уровне [6. С. 30]. Конституция Российской Федерации закрепляет формы собственности на природные ресурсы, подчеркивая их значимость в качестве основы жизнедеятельности народов, проживающих на территории страны. Указанные конституционные положения представляют собой ключевые принципы [7. С. 6] и поэтому становятся правовой основой для федеральных и региональных законов. Положения этих статей Конституции РФ исходят из философской теории антропоцентризма [8. С. 5], подчиняя цель охраны окружающей среды и природопользования интересам и потребностям человека.

Учитывая свойство природы как всенародного достояния, отношения частной собственности на землю, леса и другие природные ресурсы, а также отношения по сохранению и их устойчивому использованию должны регулироваться нормами публичного права [9. С. 35]. С позиции О.И. Крассова ст. 9 Конституции РФ определяет принцип приоритета публичных интересов в области охраны природы и в сфере регулирования отношений по сохранению и использованию природных ресурсов [10. С. 49]. Одновременно содержание понятия «публичный интерес» рассматривается наряду с такими категориями, как интересы государства и общества, безопасность народа, интересы наций. Указанные категории характеризуются выраженным публично-правовым характером. Правоотношения, возникающие в сфере охраны и использования животного мира и направленные на обеспечение сохранения биологического разнообразия диких животных в интересах настоящих и будущих поколений, регулируются нормами публичного права, представляющими собой совокупность положений административного, экологического и природоресурсного законодательства. Указанный подход обусловлен особо значимой социальной функцией животного мира,

являющегося неотъемлемым элементом национального достояния народов России [11. С. 80], объектом продовольственной безопасности и важным элементом окружающей среды, отражающим государственный и общественный интересы. Одновременно законодатель в целях реализации ст. 9 Конституции РФ закрепляет баланс интересов государства, населения и бизнеса при обеспечении устойчивого использования диких животных. Так, объекты животного мира могут свободно и непосредственно использоваться в рамках предусмотренных правомочий. Однако при осуществлении таких действий недопустимо причинение вреда окружающей среде, а также нарушение прав и законных интересов граждан [12. С. 69].

Проведение государственной экологической политики основывается на системе нормативно-правового регулирования, которая задает стратегические ориентиры для защиты природных ресурсов и поддержания экологического благополучия. В этом процессе особую роль играет Федеральный закон «Об охране окружающей среды», который, как подчеркивает С.А. Боголюбов, является итогом систематизации правовых норм, направленных на регулирование отношений в сфере охраны природы и использования ресурсов. Этот нормативно-правовой акт играет фундаментальную роль в упорядочении и институционализации современной экологической правовой системы [6. С. 31]. Приоритетные направления государственной экологической политики ориентированы на сохранения биоразнообразия для настоящего и будущего поколений. Согласно ст. 4 данного закона, для выполнения этого положения предусмотрено, что животный мир подлежит охране от любых последствий хозяйственной деятельности, включая истощение, разрушение и загрязнение среды обитания, уничтожение популяций, а также другие негативные воздействия, вызванные человеческой деятельностью. В статье 3 закреплены принципы охраны окружающей среды, в соответствии и во исполнении которых формируется и получает дальнейшее развитие законодательство о животном мире. Однако, как отмечается в доктрине экологического права [13. С. 5], юридическое закрепление данных принципов не позволяет в полной мере замедлить разрушение среды обитания диких животных, деградацию отдельных экосистем и утрату популяций отдельных видов животного мира.

На основании положений Федерального закона «Об экологической экспертизе»¹ данная процедура выступает в качестве правового механизма, способствующего предотвращению потенциального вреда, который может быть причинён реализации хозяйственной или иной деятельности. В рамках экспертизы оцениваются нормативно-правовые акты, а также проекты, обладающие потенциалом негативного воздействия на животный мир и его экосистемы. В частности, виды деятельности, связанные с применением агрохимикатов в аграрном секторе, могут оказывать как прямое разрушитель-

¹ Об экологической экспертизе. Федеральный закон от 23.11.1995 № 48-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4556.

ное влияние, так и способствовать опосредованному воздействию на природные биогеоценозы. В целях минимизации этих рисков и обеспечения экологической безопасности такие проекты подлежат обязательной экологической экспертизе. Проведение экологической экспертизы обусловлено ее главным назначением, в частности, предупреждение и сокращение влияния отрицательных последствий предпринимательской деятельности субъектов на объекты животного мира и экосистемы.

Ключевым нормативным правовым актом, определяющим основы охраны и рационального использования объектов животного мира, является Федеральный закон «О животном мире». Он устанавливает принципы государственной политики в сфере сохранения биологического разнообразия, создаёт правовые механизмы для защиты и устойчивого управления ресурсами животного мира, а также регулирует вопросы, связанные с их правовым режимом и формами собственности. В рамках данного закона определены полномочия государственных органов, ответственных за управление в этой области, и предусмотрен комплекс мер, направленных на сохранение биологического разнообразия, рациональное использование природных ресурсов и защиту природных мест обитания диких животных. Закреплённые нормы создают теоретико-правовую и практическую основу для устойчивого взаимодействия человека с природой, предполагающего достижение оптимального баланса между эксплуатацией природных богатств и их сохранением в интересах настоящего и будущих поколений. Статья 3 Федерального закона «О животном мире» устанавливает, что объектами правового регулирования выступают исключительно дикие животные, находящиеся в естественной среде обитания. Основное значение данной нормы заключается в обеспечении четкой дифференциации применения норм, регулирующих отношения в области охраны и использования животного мира, и гражданско-правового регулирования. Для дифференциации диких и домашних животных необходимо исходить из признака естественной свободы, который выступает определяющим фактором, характеризующим степень связи диких животных с экологической системой. Данная взаимосвязь утрачивается в случае изъятия дикого животного из его естественной среды обитания, после чего оно приобретает правовой статус объекта гражданского оборота и переходит в категорию имущества (вещей). В доктрине экологического права [14. С. 36] отмечают, что для проведения точного разграничения между объектами животного мира и домашними животными необходимо использовать методологический подход, основанный на строго выверенной категориальной дифференциации. Положения ст. 3 Федерального закона «О животном мире» не только формируют юридическую основу для регулирования соответствующих общественных отношений, но и устанавливают специфические условия и принципы использования объектов животного мира, исходя из их особого правового статуса и уникальной правовой природы.

Эффективная реализация государственной политики в сфере охраны и рационального использования дикой фауны предполагает законодательное

закрепление государственной собственности на все виды диких животных. При этом законодатель не определил вид государственной собственности. Для разрешения данного вопроса следует обратиться к подзаконным правовым актам¹. В состав государственной собственности включаются только объекты, обладающие признаками индивидуализации, подлежащие присвоению либо отчуждению, а также имеющие объективно фиксируемое физическое существование. Дикie животные, в силу отсутствия указанных признаков, не могут быть квалифицированы в качестве имущества в юридическом смысле и, следовательно, не нашли своего отражения в тексте данного нормативного правового акта Верховного Совета. На данный момент не заключены правовые соглашения между федеральными органами власти и субъектами Российской Федерации, предусматривающие передачу отдельных видов диких животных в собственность регионов. В соответствии с положениями указанного постановления, объекты животного мира закреплены в государственной (федеральной) собственности.

В действующем законодательстве, регулирующем вопросы охраны и использования объектов животного мира, отдельные положения имеют преимущественно декларативный характер, что существенно осложняет их реализацию в правоприменительной практике. Недостаточная степень правового регулирования, направленного на обеспечение реализации одного из базовых принципов государственной политики в данной области – участия институтов гражданского общества и общественных организаций в процессах управления, рационального использования и сохранения объектов дикой фауны, представляет собой значительную проблему, требующую особого внимания. Этот принцип, несмотря на его значимость для устойчивого управления природными ресурсами, не получил должного закрепления в нормативных актах, что существенно ограничивает его реальное воплощение в механизмах взаимодействия государства с обществом. Законы, регулирующие экономическое стимулирование пользователей объектов животного мира, имеют отсылочный характер. Нормы налогового и бюджетного законодательства носят декларативный характер, поскольку положения Налогового кодекса РФ и бюджетного законодательства не включают конкретные меры стимулирования хозяйствующих субъектов в целях сохранения диких животных.

¹ О разграничении государственной собственности в О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москва и Санкт-Петербург и муниципальную собственность. Постановления Верховного Совета от 27 декабря 1991 года // Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ. 1992. № 3. Ст. 89.

2. Приоритетные направления государственной политики государства в области охоты и рыболовства: проблемы реализации

Закон о рыболовстве кардинально преобразовал систему организации и управления в области рыбного хозяйства. Так, была усовершенствована система передачи водных биоресурсов в пользование, реформирована процедура закрепления квот добычи для пользователей сроком на 10 лет. Однако, наряду с положительными аспектами, следует отметить наличие в законе о рыболовстве большого количества норм отсылочного характера. Данный факт подтверждается в доктрине экологического права. В частности, ученые отмечают громоздкость, противоречивый и дискуссионный характер отдельных норм. Также указывают на недостаточное урегулирование отдельных вопросов (спортивное и любительское рыболовство), что не даёт в полной мере реализовать на практике многие положения закона. С введением в действие закона о рыболовстве, повышение показателей эффективности государственного управления и упорядочение в целом сферы рыболовства и рыбохозяйственного комплекса не произошло. Напротив, решение большого количества вопросов передано на подзаконный уровень правового регулирования. В юридической литературе отмечают, что, с одной стороны, это позволяет более четко решать подобные вопросы, но с другой – вновь затянута решение актуальных вопросов на неопределенный срок [15. С. 116]. Также отмечается, что закон о рыболовстве содержит более 80% норм отсылочного характера [16. С. 123].

Согласно положениям ст. 26 Федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», устанавливаются нормативные ограничения, направленные на регулирование порядка осуществления любительского и спортивного рыболовства. Однако данный перечень ограничений не является исчерпывающим, поскольку п. 13 указанной статьи предусматривает возможность введения дополнительных ограничений на основе норм других федеральных законов. Такая отсылочная конструкция порождает значительные правовые и практические разночтения, затрудняя единообразное применение нормативно-правового регулирования. В частности, неоднозначное толкование положений Водного кодекса РФ¹ в контексте рассматриваемого регулирования приводит к противоречивой судебной практике, проявляющейся в вынесении разноплановых, а порой и взаимоисключающих решений судами общей юрисдикции и арбитражными судами².

Нормами Федерального закона «Об охоте» также содержат приоритетные направления государственной политики. Учитывая экономический и

¹ Решение Арбитражного суда Волгоградской области по делу от 02.03.2019 № А12-2283/2019 // Документ опубликован не был. Текст используется по данным справочной правовой системы «Консультант Плюс. Судебная практика».

² Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 01.02.2011 по делу № А08–1287/2010-17. URL: <http://gk.arbitr.ru/document/>

социальный характер охотничьих ресурсов, необходимо обеспечить эффективность реализации данных направлений. Основным нововведением в сфере охоты стала отмена долгосрочного лицензирования. Ресурсы охоты в настоящее время предоставляются в пользование на договорной основе. Посредством заключения охотхозяйственного соглашения орган исполнительной власти субъекта РФ предоставляет лесной, земельный участки и объекты охоты. Тем самым была упрощена процедура приобретения права пользования дикими животными. Все виды природных ресурсов стали предоставляться в рамках одного документа. Другим нововведением стало приобретение права пользования на основе аукциона. Одновременно данное действие приводит к ряду негативных последствий. В частности, в юридической литературе указывают на то, что заключение охотхозяйственного соглашения посредством аукциона полностью исключает учёт интересов местного населения, «трудовые ресурсы, профессиональные навыки персонала, наличие нормативно-методического обеспечения и материально-технического оснащения, отчёты работы, перспективный итог деятельности» [17].

Законодательные нормы, регулирующие предельные размеры закрепленных и общедоступных охотничьих угодий, а также устанавливающие меры охраны, действующие в границах субъекта Российской Федерации в рамках системы территориального охотопользования, представляют собой важное нововведение в правовое регулирование охотничьей деятельности. Эти изменения способствуют повышению эффективности управления охотничьими ресурсами, а также оптимизации использования охотничьих угодий через усиление государственного контроля и учета, что находит отражение в ведении охотхозяйственного реестра как ключевого инструмента мониторинга и управления в данной сфере. В соответствии с положениями российского законодательства, регулирующего сферу охоты, в границах каждого субъекта Российской Федерации предусматривается обязательное выделение общедоступных охотничьих угодий. При этом их минимальная площадь должна составлять не менее 20% от совокупной площади охотничьих угодий, расположенных на территории данного субъекта. На указанных территориях обеспечивается равный доступ граждан к изъятию охотничьих ресурсов. При этом значительный объем полномочий в сфере регулирования охоты и обеспечения сохранности охотничьих ресурсов был передан с федерального уровня на уровень исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Федеральные органы государственной власти преимущественно занимаются разработкой и утверждением нормативных актов, определяющих правила охоты, подготовкой методических рекомендаций, а также установлением требований, которые должны исполнить региональные органы власти [18. С. 31]. На практике эти положения часто реализуются не полностью, что связано с отсутствием четко определенных процедур их внедрения и исполнения, а также недостатком конкретного механизма для реализации отдельных норм закона. К примеру, на практике отсутствует порядок формирования требуе-

мых 20% общедоступных охотничьих угодий. К числу причин неисполнения норм закона об охоте следует отнести также некорректные, не всегда точные формулировки отдельных статей. Так, ст. 71 содержит положения, которые не обладают единым точным смыслом. На сегодняшний день остаётся нерешённой проблема, связанная с определением порядка перезаклочения ранее выданных лицензий, а также отсутствуют нормативно закреплённые положения, регулирующие срок действия охотхозяйственных соглашений, заключаемых вне рамок аукционной процедуры. Результатом чего на практике возникают судебные споры и отсутствует единая позиция по разрешению данного вопроса. Также спорным является вопрос о договорных началах в сфере охоты, поскольку данная форма пользования противоречит публичным началам, закрепляемым в ст. 9 Конституции РФ и нормах закона о животном мире.

3. Развитие приоритетных направлений государственной политики по сохранению животного мира на региональном уровне

Рациональное использование объектов животного мира представляет собой сферу, относящуюся к совместной компетенции Российской Федерации и её субъектов, что обуславливает необходимость разработки и внедрения эффективных правовых механизмов регулирования данных общественных отношений как на федеральном уровне, так и на уровне государственных органов власти субъектов Российской Федерации. Такой подход позволяет реализовать полномочия государственных органов различного уровня посредством разработки и принятия соответствующих нормативных правовых актов, обеспечивающих эффективное управление и охрану животного мира.

В правовой доктрине подчеркивается, что нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, регулирующие вопросы охраны и использования объектов животного мира, должны быть согласованы с требованиями федерального законодательства, одновременно отражая специфические природные особенности каждого конкретного региона [6. С. 33]. Продолжая данную мысль, Р.Х. Гизатуллин считает, что региональное законодательство представляет собой средство восполнения пробелов в законодательстве РФ в области охраны природы в целом и объектов животного мира в частности [19. С. 5]. Конституционный суд Российской Федерации акцентировал внимание на необходимости приведения региональных нормативных правовых актов в соответствие с положениями федерального законодательства, подчеркивая значимость соблюдения принципа нормативно-правовой гармонизации в рамках правовой системы государства¹.

¹ Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2000. № 25. Ст. 2728.

Правовое регулирование общественных отношений, связанных с использованием диких животных, не включенных в категорию объектов охоты и рыболовства, осуществляется на основе норм регионального законодательства. В рамках законодательства Российской Федерации о животном мире нормативные правовые акты субъектов Федерации регулируют список видов диких животных, порядок их изъятия из природной среды, а также правила их дальнейшего использования. Однако анализ региональных норм показывает наличие значительных недостатков в регулировании изъятия животных, которые не подпадают под категорию объектов охоты и рыболовства. Это свидетельствует о необходимости доработки и совершенствования существующей правовой базы в данной области. В ряде субъектов Российской Федерации отсутствуют соответствующие нормативно-правовые акты, что приводит к несоответствию требованиям федерального законодательства. Так, в Оренбургской области не установлен порядок изъятия данных категорий животных. В свою очередь, в нормативно-правовом акте, принятом в Пермском крае, отсутствует исчерпывающий перечень видов диких животных, подлежащих регулируемому воздействию, что также свидетельствует о частичной неполноте правового регулирования данного вопроса. В связи с этим на данный момент наблюдается отсутствие четкой правовой базы, что влечет за собой случаи изъятия диких животных пользователями без получения надлежащих разрешительных документов. Данное обстоятельство представляет собой нарушение принципа платности природопользования и свидетельствует о необходимости выработки более действенных механизмов. Подобные деяния влекут сокращение численности популяций экологически важных и необходимы для поддержания и функционирования экологических систем диких животных. Тем самым в отдельных регионах страны необходимо устранить пробел в законодательстве о животном мире и принять соответствующие региональные нормативные правовые акты.

В результате проведенного анализа можно сделать ряд выводов. Во-первых, правотворчество субъектов Российской Федерации характеризуется недостаточной системностью и часто вызывает противоречия с нормами федерального законодательства. Во-вторых, в ряде субъектов РФ принимаемые законы имеют формальный характер, так как они в основном представляют собой повторение федеральных норм, не учитывающих специфику правового регулирования на соответствующей территории. В связи с этим были разработаны рекомендации, направленные на повышение результативности государственной политики в области сохранения и рационального использования диких животных, предусматривающие закрепление принципа общественного участия в управлении данными объектами и его последовательную практическую реализацию.

В целях обеспечения экологического баланса в природе важно сохранить биологическое разнообразие природных экологических систем. С целью реализации поставленной задачи необходимо разработать и утвердить на региональном уровне нормативно-правовые акты, регламентирующие порядок и условия изъятия объектов животного мира, не отнесённых к ресурсам

охоты и рыболовства. Реализация указанных мер позволит интегрированно учитывать экологические, экономические и социальные факторы, формирующие государственную экологическую политику, в рамках регулирования соответствующих общественных отношений.

Список источников

1. Петров В.В. Экологическое право России. М. : БЕК, 1996. 557 с.
2. Игнатъева И.А. Проект основ экологической политики: проблема поиска правовых ориентиров // Правовое обеспечение единой государственной экологической политики в Российской Федерации : материалы круглого стола / отв. ред. С.А. Боголюбов, И.И. Хлуденева. М. : Юстицинформ, 2011. С. 39–44.
3. Боголюбов С.А. Соотношение экологических политик России и других государств. // Экологическое право. 2016. № 4. С. 23–32.
4. Васильева М.И. Концептуальные вопросы совершенствования экологической политики и законодательства об охране окружающей среды // Экологическое право. 2007. № 2. С. 8–18.
5. Теоретико-правовые задачи сохранения природного потенциала России / отв. ред. С.А. Боголюбов, Е.А. Галиновская : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2024. 296 с.
6. Экологическое право : учебник / под ред. С.А. Боголюбова. М. : Проспект, 2023. 318 с.
7. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Л.А. Окунькова. М., 1996. 437 с.
8. Пашенцев Д.А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 5–13.
9. Бринчук М.М. Соотношение экологического права с другими отраслями: проблемы теории и практики // Экологическое право. 2009. № 5. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2025).
10. Крассов О.И. Экологическое право. М., 2008. 671 с.
11. Научные концепции развития российского законодательства / В.Р. Авхадеев, Е.Г. Азарова, Л.В. Андриченко и др. ; под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2024. 656 с.
12. Источник и экологического права / отв. ред. С.А. Боголюбов. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2023. 344 с.
13. Злотникова Т.В. К вопросу об эклогизации и деэкологизации законодательства и других сфер общественной жизни // Экологическое право. 2024. № 2. С. 5–11.
14. Экологическое право : учеб. для бакалавров / отв. ред. Н.Г. Жаворонковой, И.О. Краснова. М. : Проспект, 2015. 375 с.
15. Грибко О.Я., Лукин А.А., Прищепа Б.Ф. Современные проблемы нормативно-правового регулирования рыболовства // Труды Карельского научного центра РАН. 2011. № 4. С. 116–123.
16. Лукин А.А. Современные проблемы нормативно-правового регулирования рыболовства // Труды Карельского научного центра РАН. 2011. № 4. С. 123–130.
17. Приложение 3 к выписке из протокола № 4 заседания совета ГНУ ВНИИОЗ им. Профессора Б.М. Житкова Россельхозакадемии от 23.06.2009. URL: <http://vniioz.kirov.ru> (дата обращения: 15.04.2025).
18. Франов Н.А. Законодательство об охране и использовании охотничьих ресурсов России: проблемы реализации // Закон и право. 2010. № 9. С. 31–34.

19. Гиззатулин Р.Х. Правовая охрана животного мира законодательством Республики Башкортостан : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 1998. 26 с.

References

1. Petrov, V.V. (1996) *Ekologicheskoe pravo Rossii* [Environmental Law of Russia]. Moscow: BEK.
2. Ignatieva, I.A. (2011) Proekt osnov ekologicheskoy politiki: problema poiska pravovykh orientirov [Draft Fundamentals of Environmental Policy: The Problem of Finding Legal Guidelines]. In: Bogolyubov, S.A. & Khludeneva, I.I. (eds) *Pravovoe obespechenie edinoi gosudarstvennoy ekologicheskoy politiki v Rossiyskoy Federatsii* [Legal Support for a Unified State Environmental Policy in the Russian Federation]. Moscow: Yustitsinform. pp. 39–44.
3. Bogolyubov, S.A. (2016) Sootnoshenie ekologicheskikh politik Rossii i drugikh gosudarstv [The Correlation of Environmental Policies of Russia and Other States]. *Ekologicheskoe pravo*. 4. pp. 23–32.
4. Vasilieva, M.I. (2007) Kontseptual'nye voprosy sovershenstvovaniya ekologicheskoy politiki i zakonodatel'stva ob okhrane okruzhayushchey sredy [Conceptual Issues of Improving Environmental Policy and Environmental Protection Legislation]. *Ekologicheskoe pravo*. 2. pp. 8–18.
5. Bogolyubov, S.A. & Galinovskaya, E.A. (2024) *Teoretiko-pravovye zadachi sokhraneniya prirodnogo potentsiala Rossii* [Theoretical and Legal Tasks of Preserving Russia's Natural Potential]. Moscow: INFRA-M.
6. Bogolyubov, S.A. (ed.) (2023) *Ekologicheskoe pravo* [Environmental Law]. Moscow: Prospekt.
7. Okunkov, L.A. (ed.) (1996) *Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Constitution of the Russian Federation]. Moscow: [s.n.].
8. Pashentsev, D.A. (2020) Modernizatsiya metodologii pravovykh issledovaniy v usloviyakh stanovleniya novoy nauchnoy ratsional'nosti [Modernization of the Methodology of Legal Research in the Context of the Formation of a New Scientific Rationality]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 8. pp. 5–13.
9. Brinchuk, M.M. (2009) Sootnoshenie ekologicheskogo prava s drugimi otraslyami: problemy teorii i praktiki [The Correlation of Environmental Law with Other Branches: Problems of Theory and Practice]. *Ekologicheskoe pravo*. 5. [Online] Available from: SPS Konsul'tatnPlyus. (Accessed: 15th April 2025).
10. Krassov, O.I. (2008) *Ekologicheskoe pravo* [Environmental Law]. Moscow: [s.n.].
11. Avkhadeev, V.R., Azarova, E.G., Andrichenko, L.V. et al. (2024) *Nauchnye kontseptsii razvitiya rossiyskogo zakonodatel'stva* [Scientific Concepts for the Development of Russian Legislation]. 8th ed. Moscow: Norma.
12. Bogolyubov, S.A. (ed.) (2023) *Istochnik i ekologicheskogo prava* [The Source of Environmental Law]. Moscow: INFRA-M.
13. Zlotnikova, T.V. (2024) K voprosu ob eklogizatsii i deekologizatsii zakonodatel'stva i drugikh sfer obshchestvennoy zhizni [On the Issue of Ecologization and De-ecologization of Legislation and Other Spheres of Public Life]. *Ekologicheskoe pravo*. 2. pp. 5–11.
14. Zhavoronkova, N.G. & Krasnov, I.O. (ed.) (2015) *Ekologicheskoe pravo* [Environmental Law]. Moscow: Prospekt.
15. Gribko, O.Ya., Lukin, A.A. & Prishchepa, B.F. (2011) Sovremennye problemy normativno-pravovogo regulirovaniya rybolovstva [Current Problems of Regulatory Legal Framework for Fisheries]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN*. 4. pp. 116–123.
16. Lukin, A.A. (2011) Sovremennye problemy normativno-pravovogo regulirovaniya rybolovstva [Current Problems of Regulatory Legal Framework for Fisheries]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN*. 4. pp. 123–130.
17. VNIIOZ. (2009) *Prilozhenie 3 k vypiske iz protokola № 4 zasedaniya soveta GNU VNIIOZ im. Professora B.M. Zhitkova Rossel'khozakademii ot 23.06.2009 g.* [Appendix 3 to

the Extract from Minutes No. 4 of the Meeting of the Council of the State Scientific Institution “Professor B.M. Zhitkov All-Russian Research Institute of Game Management and Fur Farming” of the Russian Academy of Agricultural Sciences, dated June 23, 2009]. [Online] Available from: <http://vniioz.kirov.ru> (Accessed: 15th April 2025).

18. Franov, N.A. (2010) *Zakonodatel'stvo ob okhrane i ispol'zovanii okhotnich'ikh resursov Rossii: problemy realizatsii* [Legislation on the Protection and Use of Hunting Resources in Russia: Problems of Implementation]. *Zakon i pravo*. 9. pp. 31–34.

19. Gizzatulín, R.Kh. (1998) *Pravovaya okhrana zhivotnogo mira zakonodatel'stvom Respubliki Bashkortostan* [Legal Protection of Wildlife by the Legislation of the Republic of Bashkortostan]. Law Cand. Diss. Ufa.

Информация об авторах:

Иванова С.В. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Россия); и.о. заведующего кафедрой публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Оренбург, Россия). E-mail: servis-05@list.ru

Рыбак С.В. – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: Svetoch_2504@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ivanova S.V., Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation); Orenburg Institute (branch) of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Orenburg, Russian Federation). E-mail: servis-05@list.ru

Rybak S.V., Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: Svetoch_2504@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.04.2025;
одобрена после рецензирования 03.07.2025; принята к публикации 10.10.2025.*

*The article was submitted 17.04.2025;
approved after reviewing 03.07.2025; accepted for publication 10.10.2025.*

Научная статья
УДК 349.23/24
doi: 10.17223/22253513/57/9

Особенности формирования трудового законодательства в отношении женщин в России

Оксана Сергеевна Лиликова¹, Юлия Сергеевна Гусакова²

^{1, 2} Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

¹ Strebkova@bsu.edu.ru

² gusakova@bsu.edu.ru

Аннотация. Трудовое законодательство в России прошло долгий путь развития, и особое внимание в этом процессе уделялось правам женщин. С момента принятия первых трудовых кодексов в начале XX в. и до настоящего времени законодательство стремилось защитить интересы женщин на рынке труда, учитывая их специфические потребности и особенности. Авторами осуществляется исследование исторических документов, ранее обладавших юридической силой на территории России, в которых содержатся прямые или косвенные нормы, регулирующие трудовые отношения с участием женщин. На основании произведенного анализа делается вывод, что путь формирования трудового законодательства в отношении женщин в нашем государстве берет свое начало еще с IX столетия, однако, наиболее значимые этапы происходили в начале XX – начале XXI вв.

Ключевые слова: гендерная дискриминация, защита прав женщин, трудовые отношения, трудовое законодательство

Для цитирования: Лиликова О.С., Гусакова Ю.С. Особенности формирования трудового законодательства в отношении женщин в России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 57. С. 115–132. doi: 10.17223/22253513/57/9

Original article
doi: 10.17223/22253513/57/9

The specifics of the formation of labor legislation in relation to women in Russia

Oksana S. Lilikova¹, Yulia S. Gusakova²

^{1, 2} Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation

¹ Strebkova@bsu.edu.ru

² gusakova@bsu.edu.ru

Abstract. The Russian Federation, as follows from the Preamble to the Constitution, is a social and legal state in which every person enjoys freedom of labour and may fully realize his or her capacity for work. However, one of the most pressing problems in our society continues to be gender discrimination. In the labour market, it remains a

fairly widespread phenomenon, where an employee may be subjected to discriminatory treatment by the employer.

The legal regulation of women's labour is a complex, multi-layered issue that includes both protective provisions and safeguards of an enabling nature.

Russian scholars in the field of civil and labour law actively study the legal regulation of women's labour, paying particular attention to the protection of rights, equality of opportunity, and social support. A.V. Buyanova, in her research, examines issues of equality of rights and opportunities for women in the labour market. She notes that Russian legislation contains provisions aimed at protecting women, yet some of these provisions may be considered outdated and in need of modernization. One of the key terms used by the author is the "glass ceiling" – the invisible barriers that hinder women from attaining senior positions within organizations.

Labour legislation prohibits discrimination in employment relationships. Referring to Articles 3 and 4 of the Labour Code of the Russian Federation, one finds provisions establishing the illegality of discriminatory practices. Article 3 sets forth a number of conditions that do not constitute discriminatory criteria but instead represent legitimate differentiation in labour regulation. Such differentiation is necessary to take into account the specific working conditions of each employee.

On the one hand, during the consideration of a case, gender may be treated as an indicator of discrimination; on the other hand, Order No. 512n of the Ministry of Labour of Russia identifies a list of occupations in which women are legally prohibited from engaging in certain types of work.

In this regard, it is advisable to propose amendments to Article 3 of the Labour Code, specifying other instances where differentiation does not constitute discrimination, with an explicit reference to the above Order, in order to avoid further labour disputes.

Thus, the legal regulation of women's labour plays a key role in creating conditions that ensure equal opportunities in the labour market. Nevertheless, despite the progress achieved, numerous issues remain that require continued attention.

Keywords: gender discrimination, protection of women's rights, labor relations, labor legislation

For citation: Lilikova, O.S. & Gusakova, Yu.S. (2025) The specifics of the formation of labor legislation in relation to women in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 57. pp. 115–132. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/57/9

Введение

В современном мире практически в каждом развитом государстве преобладают идеи равенства и справедливости, которые не допускают дискриминации и угнетения индивидов по причине их пола, расы, религиозных убеждений и иных признаков, характеризующих личность. Подобные идеи в нашем государстве не всегда характеризовались своей распространенностью. Прежде чем они получили свою распространенность, прошло достаточно большое количество времени, в течение которого законодательная база на постоянной основе совершенствовалась.

Вплоть до сегодняшнего дня актуальными, в силу своей дискуссионности, являются вопросы, связанные с определением трудовых прав женщин в Российской Федерации. Прежде чем рассматривать такие дискуссии, необходимо произвести историко-правовой анализ развития законодательства

России, регулирующего трудовые права женщин, так как использование данного метода может позволить выявить факторы, сказывающиеся на принятии тех или иных правотворческих решений не только в прошлом, но и в современности. Российская Федерация, как следует из Преамбулы Конституции РФ [1], является социальным и правовым государством, где каждый человек обладает свободой труда и в полной мере может реализовать свои способности к труду. Не только Основной закон России, но и общепризнанные принципы и нормы международного права гарантируют равные права мужчин и женщин, а также равные возможности для их реализации. Однако в нашем обществе одной из самых важных проблем продолжает оставаться гендерная дискриминация. На рынке труда она является достаточно распространённым явлением, где дискриминации подвергается сотрудник со стороны работодателя. Поэтому можно говорить о том, что дискриминация подрывает основы демократии и справедливости в сфере труда.

Исторически положение женщин на трудовом поле ознаменовалось ущемлениями и дискриминацией, что проявлялось в неравноценной оплате, ограниченном доступе к различным видам работы и определённых условиях, устанавливаемых для женщин по сравнению с мужчинами. Однако со временем роль женщин в экономике значительно выросла, что потребовало разработки и внедрения особых правовых норм, направленных на защиту их трудовых прав и обеспечения равных возможностей.

В современном обществе существует распространённый стереотип о том, что женщины занимают низкооплачиваемые должности и выбирают менее престижные и непроизводительные профессии, что затрудняет их карьерный рост. Этот стереотип способствует дискриминации женщин в сфере труда, в частности, в вопросах заработной платы. Это связано с тем, что труд женщин часто оценивается ниже (горизонтальная сегрегация).

Правовое регулирование труда женщин является многослойной проблемой, которая включает в себя как защитные нормы, так и меры обеспечительного характера. В этом контексте правовые нормы должны учитывать особенности социально-экономического положения женщин, современные тенденции на рынке труда и международные обязательства в области прав человека и гендерного равенства.

Обсуждение и результаты

Историко-правовой анализ ключевых этапов формирования трудового законодательства в отношении женщин в России считаем необходимым начать с исследования Русской Правды, которая действовала на территории Древней Руси в период с IX по XIII в. Анализ текста данного нормативно-правового акта не позволил выявить в нем какие-либо нормы, которые прямо были бы связаны с регулированием трудовых отношений. В то же время можно констатировать, что Русская Правда определяла патриархальный уклад общества, в котором ключевую роль в управлении семьёй играл мужчина. Женщины, в свою очередь, находились в зависимом положении от отца семьи или от собственного мужа [2].

Т.Л. Адриановская и К. Забулова в своей работе делают указание на то, что отсутствие законодательных норм, определяющих трудовые права женщин, еще не свидетельствует об их невозможности заниматься каким-либо трудом. Так, в рассматриваемый исторический период активно развивалось земледелие, которое, по сути, выступало средством обеспечения семьи продовольствием. В процесс возделывания земли, сбора урожая и т.п. были вовлечены все члены семьи, включая жен, матерей и дочерей. Кроме того, постепенно начинали формироваться различные ремесла, например ткачество. Т.Л. Адриановская и К. Забулова утверждают, что уже к XII в. такие ремесла считались исключительно женскими [3].

Централизация государства активизировала правотворческий процесс в России, так как актуализировалась потребность в обновлении законодательной базы, которая могла бы позволить надлежащим образом осуществлять регулирование общественных отношениях на объединенных территориях, управляемых монархом. Судебники от 1497 и 1550 гг. также не включали в себя отдельные нормы, которые были бы направлены на определение трудовых прав женщин. Несмотря на это, оба указанных документа не отрицали возможности участия женщин в труде, а в отношении представителей отдельных сословий, в особенности крестьянства, устанавливали трудовые обязанности. Именно по этой причине женщины наравне с мужчинами принимали участие в барщине и оброке, т.е. осуществляли крестьянский труд.

Соборное уложение 1649 г. наглядным образом демонстрирует, что зависимое положение женщин сохранялось на протяжении продолжительного промежутка времени, несмотря на законодательные реформы, которые продолжали активно реализовываться и в XVII столетии. Так, из гл. X документа следует, что женщины, принадлежащие к сословию крепостных крестьян, могли продаваться в холопство только при условии, если вместе с ними выкупался муж [4]. Соответственно, взятие в холопство мужа предполагало, что за ним должна последовать и жена. Данная норма, хотя и не связана напрямую с трудом, подтверждает высказанный тезис о том, что женщины не обладали независимостью. Это обусловлено не только их положением в семье, но и в обществе. Кроме того, можно сделать вывод, что труд для крестьянских женщин по-прежнему оставался не столько правом, сколько обязанностью, которую они должны были нести перед помещиком.

В XVIII столетии женщины начали привлекаться не только к крестьянскому труду, но и промышленному. Принятый в январе 1721 г. Петром I Указ «О покупке к заводам деревень» прямо указывал на то, что крестьяне могли покупаться дворянами и кулаками для их последующего привлечения к работе на мануфактурных предприятиях [5].

Таким образом, в начале XVIII в. зависимое положение женщин сохранялось, однако, возможности по осуществлению различных видов трудовой деятельности, хотя и в принудительном порядке, существенно расширились. Следует также констатировать, что, по сути, впервые женщины могли заниматься трудом вне семьи. Данный факт указывает на повышение роли

женщин в обществе, признание за ними возможности выполнения сложного труда, которым ранее, как правило, занимались только мужчины.

Приход к власти Екатерины II также ознаменовал некоторые изменения, связанные с регулированием трудовых прав женщин. Так, исходя из текста Жалованных грамот дворянству и городам от 1785 г., следует, что женщины в городах могли заниматься не только ремеслом, но и торговлей. Само собой, подобные правила не распространялись на правовой статус крепостных крестьян, т.е. соответствующие права могли реализовываться только ограниченным кругом субъектов, находясь в прямой зависимости от сословной принадлежности лица [6].

В июне 1897 г. принимается очередной законодательный акт, регулирующий трудовые отношения – Закон «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности». Данный нормативно-правовой акт, в отличие от предыдущего, включал в себя положения, определяющие гарантии для всех без исключения женщин, а не только несовершеннолетних. К таким гарантиям, как общим (относящимся ко всем субъектам трудового права), так и специальным (предусмотренным только для ограниченной категории субъектов), относились:

- ограничение продолжительности рабочего дня для женщин и детей до десяти часов;
- запрет на осуществление трудовой деятельности, привлечение или принуждение лиц к данному виду деятельности по воскресеньям;
- определение праздничных дней, в которые гражданам должны были предоставляться выходные;
- определение возможности осуществлять сверхурочную работу в случае, если заключается особый договор и др. [7].

Начало XX столетия в нашем государстве ознаменовалось значимыми политическими и общественными потрясениями, которые неизбежно привели к дальнейшему развитию трудового законодательства. Так, 23 июня 1912 г. принимается Закон Российской империи «Об обеспечении рабочих на случай болезни» [8]. Данный документ обладал ограниченным действием и распространял свою юридическую силу только на европейскую часть России и Кавказский край. Следующие гарантии, закрепленные в нормативно-правовом акте, распространялись в том числе и на женщин, работающих на промышленных предприятиях:

- возможность получения выплат в ситуации, если женщина временно утрачивала трудоспособность, например, вследствие какого-либо заболевания;
- возможность женщин получать медицинскую помощь на бесплатной основе, так как она организовывалась и финансировалась субъектом предпринимательства, на которого они работали.

Обозначенные гарантии действовали в отношении женщин и мужчин только при условии, если они проработали на предприятии не менее одной недели. Увольнение с работы полностью исключало возможность получения пособий и медицинской помощи за счет работодателя. Члены семьи работающих женщин также не могли пользоваться обозначенными льготами [9].

Революционные события 1917 г. привели к очередным изменениям, которые были направлены на уравнивание трудовых прав женщин и мужчин, расширение перечня трудовых гарантий. В октябре 1917 г. принимается Декрет СНК РСФСР «О восьмичасовом рабочем дне». Исходя из текста данного документа следует:

- рабочий день не мог превышать восьми часов в сутки и сорока восьми часов в неделю;
- ряд православных и иных праздников, например, 1 мая, предполагал необходимость сокращения рабочего дня;
- труд женщин в ночное время находился под строгим запретом;
- сами рабочие могли определять правила, связанные с рабочим днем, согласовывая их с работодателем [10].

В ноябре 1922 г. впервые принимается кодифицированный нормативно-правовой акт, полностью посвященный вопросам, входящим в предмет трудового права – Кодекс законов о труде РСФСР. Данный документ включал в себя значительно большее количество норм, регулирующих трудовые права и гарантии женщин, нежели любой другой законодательный акт, действовавший в прошлом. Среди таких прав и гарантий следует выделить:

1) установление запрета на привлечение к трудовой повинности женщин в случаях, если они:

- достигли возраста сорока лет;
- находятся на последней стадии беременности;
- являются матерями-одиночками, на попечении которых находятся несовершеннолетние дети, не достигшие возраста восьми лет;

б) включение в социальное страхование пособия, которое выплачивалось женщинам в связи с беременностью и родами [11].

В период Великой Отечественной войны часть гарантий прекратила свою практическую реализацию. Данное обстоятельство обосновывается условиями военного времени, которые требовали совместных усилий и вклада в победу от каждого гражданина. Именно по этой причине женщины привлекались к тяжелым работам, а также могли осуществлять трудовую деятельность в ночное время, за пределами восьмичасового рабочего дня [12].

Новый Кодекс законов о труде РСФСР был принят только в 1971 г. Данный документ определял следующие особенности правового статуса трудящихся женщин:

- невозможность осуществления трудовой деятельности на тяжелых работах;
- невозможность привлечения к ночной работе беременных женщин и матерей, их отправления в командировки;
- понижение норм выработки для беременных женщин;
- право на получение дополнительных перерывов, используемых с целью кормления ребенка [13].

С распадом СССР в 1991 г. Россия столкнулась с новыми вызовами в области трудового законодательства. В 2002 г. был принят новый Трудовой

кодекс Российской Федерации, который стал основным документом, регулирующим трудовые отношения. В кодексе были закреплены права женщин, включая право на maternity leave и защиту от дискриминации.

Заключительным этапом формирования трудового законодательства в отношении женщин в России на текущий момент времени следует признать 30 декабря 2001 г., так как именно в данную дату вступил в законную силу действующий Трудовой кодекс Российской Федерации [14].

Трудовой кодекс Российской Федерации содержит в себе значительно больший перечень трудовых гарантий, которые распространяются в отношении женщин. Так, к примеру, статья 64 документа прямо определяет, что работодатель не может отказать женщине в заключении договора в ситуации, если подобные действия мотивируются ее пребыванием в состоянии беременности. Статья 253 ТК РФ определяет ограничения на осуществление женщинами отдельных видов трудовой деятельности, которые обосновываются необходимостью обеспечения безопасности их жизни и здоровья, которому угрожает работа с вредными и (или) опасными условиями.

Некоторые гарантии, которые были определены еще в советский период, нашли свое непосредственное отражение и в действующем трудовом законодательстве Российской Федерации, например, запрет на отправку в командировки беременных женщин, их привлечение к сверхурочным работам, работам в ночное время, выходные и праздничные дни (ст. 259 ТК РФ).

Международные правовые акты несут в себе немало важную функцию, так как являются регуляторами трудовых правоотношений наравне с национальным законодательством. Их роль заключается в обеспечении законных интересов трудящихся лиц, совершенствовании условий труда, а также установлению социальных стандартов, которые должны быть опорной точкой для национальных законодательных систем. В результате этого международные акты выступают не только правовыми регуляторами, но и всячески оказывают взаимодействие в глобальном трудовом сотрудничестве, создавая безопасные, комфортные и достойные условия труда для всего мирового сообщества.

В данное время законные регулированные трудовые отношения в сфере международного права закреплены, в частности, в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [15], Международном пакте о социальных, экономических и культурных правах [16]. Ратифицировав этот пакт, Россия взяла на себя обязательства по выполнению его положений, что включает защиту прав женщин на труд и недискриминацию.

Таким образом, международные нормативные правовые акты играют значительную роль в формировании правового регулирования труда женщин, защищая их права и устанавливая стандарты условий труда на международном уровне. Эти акты выступают ориентиром для национального законодательства, способствуют стабилизации условий труда работников женского пола и обеспечивают полноценной правовой поддержке их прав.

Регулирование труда женщин с точки зрения права в России основывается на Трудовом кодексе РФ, Конституции РФ и других нормативных пра-

вовых актах, которые защищают права женщин, учитывая их особые потребности и условия работы. Перейдём к рассмотрению основных аспектов регулирования:

1. Запрет дискриминации по половому признаку – ст. 19 Конституции РФ и ст. 3 Трудового кодекса РФ. Оба документа защищают право граждан на равенство и недопущение дискриминации, однако ст. 19 Конституции РФ охватывает общий аспект прав человека, а ст. 3 ТК РФ – более узкий, применительно к трудовым правоотношениям. Конституция РФ, как базовый закон, определяет фундаментальные права, а ТК РФ конкретизирует эти права в трудовой сфере, реализуя положения Конституции на практике.

2. Ограничение труда в особых условиях – для защиты здоровья женщин предусмотрены ограничения на выполнение работ в вредных и опасных условиях (ст. 253 ТК РФ).

3. Гарантии и льготы для женщин в период беременности. Беременные освобождаются от ночных смен, работы в выходные и праздничные дни, а также от командировок (ст. 259 ТК РФ). Также работодатели обязаны переводить беременных на более лёгкие должности, сохраняя при этом их средний заработок (ст. 254 ТК РФ). Эти меры призваны защищать права беременных, улучшать условия их труда и поддерживать материнство в России.

4. Преференции для женщин с детьми – в случае сокращения в компании, работодатель обязан предложить беременной женщине любую подходящую вакансию, которую она может занимать в силу состояния здоровья и квалификации.

Такое регулирование направлено на создание условий, при которых женщины могут реализовывать свои права и потенциал наравне с мужчинами, помогает повысить уровень социальной справедливости и благосостояния в обществе.

Отметим, что в Российской Федерации законодательная база, регулирующая условия трудоустройства женщин, претерпела значительные изменения с момента своего создания. Исторически сложилось так, что первый Трудовой кодекс, принятый в декабре 1918 г., не содержал каких-либо четких положений, специально касающихся трудоустройства женщин или тех, кто ожидает ребенка. Этот ранний законодательный документ послужил краеугольным камнем, катализатором постепенной разработки законов в рассматриваемой сфере.

По мнению Е.А. Правдиной, правовое регулирование занятости женщин – это фактор, способствующий их социально-трудовым отношениям. Эта правовая основа имеет решающее значение не только для обеспечения равных трудовых прав женщин по сравнению с их коллегами-мужчинами, но и для учета уникальных физиологических и семейных ролей, которые женщины часто выполняют, особенно в контексте материнства [17. С. 544].

Такие законодательные меры тщательно разрабатываются, отражая глубокое понимание физиологических нюансов и семейных обязанностей, которые обычно несут женщины. Такой продуманный подход является неотъемлемой частью создания справедливой рабочей среды, гарантируя, что

вклад женщин в трудовую деятельность признается и должным образом поддерживается с помощью специальных правовых положений.

Конституция Российской Федерации содержит термин «дискриминация», но национальное законодательство не имеет однозначного определения. Если рассматривать с точки зрения права, то в рыночной сфере могут существовать неравные возможности групп работников, которые имеют одинаковую производительность и одинаковые признаки, а также могут быть неравные возможности среди групп работников, которые имеют одни и те же характеристики и качества. Все эти неравные возможности объединяет термин «дискриминация».

Женский труд составляет значительную часть мирового рынка труда. Однако, несмотря на прогресс в области гендерного равенства, женщины по-прежнему сталкиваются с значительными проблемами и дискриминацией в сфере занятости, поскольку они обладают меньшей физической силой и выносливостью, а также повышенной чувствительностью к вредным и опасным факторам, которые могут повлиять на их репродуктивную функцию. Совокупность этих факторов обуславливает необходимость особых условий труда.

Российские учёные-цивилисты активно исследуют вопросы правового регулирования труда женщин, уделяя особое внимание аспектам защиты прав, равенства возможностей и социальной поддержки. Для наиболее полноценного рассмотрения вопроса данной статьи, необходимо выделить чёткое определение понятия «дискриминация». Как считает известный российский политолог К.С. Гаджиев, дискриминация – это «ограничение прав человека (или группы людей) по определенному признаку» [18. С. 191]. Как считает профессор, признаками, характеризующими дискриминацию, можно считать «любое значимое отличие личности по национальному, этническому, религиозному, политическому или возрастному параметру». В нашем случае важно сказать, что дискриминация проявляется и по роду деятельности человека, указывая на его отличительные черты, определяющие индивидуальность по трудовому признаку. Говоря о дискриминации в сфере труда, опираясь на вышесказанное определение, можно его классифицировать как ущемление прав работника по любым соображениям, которые не относятся к основным качествам, касающимся его трудовой функции. Ограничение трудовых прав работника, ссылаясь на его национальность, пол, возраст или другие характерные черты индивидуального отличия, недопустимы.

А.В. Буянова в работе «Гендерное неравенство в сфере труда» исследует вопросы равенства возможностей и прав женщин на рынке труда. Она указывает на то, что в российском законодательстве есть нормы, направленные на защиту женщин, но часть из них может рассматриваться как устаревшая и требующая модернизации. Автор подчеркивает влияние социальных и экономических факторов на распределение ролей мужчин и женщин в профессиональной среде. Один из ключевых терминов, использованных автором, это «стеклянный потолок» – невидимые барьеры, которые затрудняют

женщинам достижение высших позиций в организациях. А.В. Буянова отмечает, что гендерные стереотипы, существующие в обществе, приводят к уменьшению возможностей для женщин, в том числе и с помощью распределения обязанностей в семье, что оказывает влияние на трудовую деятельность женщин [19. С. 69].

Для полноценного анализа дискриминации стоит рассмотреть прямую форму ее проявления, которая порождает её основные виды. Как было сказано ранее, трудовое законодательство запрещает дискриминацию по предмету возникающих правоотношений. Также, обращаясь к ст. 3 и 4 Трудового кодекса Российской Федерации, мы видим положения, содержащие правовые нормы, определяющие незаконный статус дискриминирующей практики. Однако стоит уточнить, что в третьей статье содержится ряд условий, которые не определены дискриминирующим признаком, а являются дифференциацией трудового законодательства. Дифференциация необходима для учета особенностей условий труда для каждого работника, во избежание возникновения несправедливости, что классифицирует данный механизм полезным в области трудовых правоотношений. Но как показывает практика, существует тесное понятийное столкновение дискриминации и дифференциации, часто вводя в заблуждение органы, решающие трудовой спор. С одной стороны, в процессе рассмотрения дела пол человека может стать в одной ситуации признаком, характерным для дискриминации, но с другой стороны, Приказ Минтруда России «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин» [20] указывает на ряд профессий, где женскому полу законодательно запрещено заниматься определенной трудовой деятельностью. Подобная регламентация трудовых отношений с трудом определяет различие дифференциации от косвенной дискриминации, так как фактическое присутствие признаков дискриминации в законодательстве создает общее содержательное противоречие, порождая правовую неполноценность. В этом случае необходимо предложить внесение поправок в третью статью Трудового кодекса РФ, указывая на иные случаи отсутствия дискриминации, делая сноску на Приказ Минтруда России «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин», во избежание дальнейших трудовых споров.

Более яркое выражение дискриминации можно увидеть, рассматривая возникающие трудовые правоотношения с женщинами. По сей день данная проблема остается нерешенной, так как подобное явление рассматривается во многих отраслях общественной жизни. Данная тенденция прослеживается исходя из временной доктрины, так как на протяжении долгого времени для женщин существовал строго установленный регламент профессий, опираясь на фактор соотношения трудовой функции и объема выполняемой работы.

Объективно, исходя из положений Приказа Минтруда России «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин», можно убедиться в том, что длительный контакт с особо опасными

металлами и их выделениями негативно влияет на репродуктивную систему женского пола, законодательно ограничивая женщин от данного вида работы. Это касается и ряда других профессий, где процесс труда сосредоточен с использованием токсичных веществ, которые пагубно могут сказаться на здоровье женщины. Но ссылаясь на Приказ Минтруда России, Минздрава России «Об утверждении перечня вредных и (или) опасных производственных факторов и работ, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные медицинские осмотры при поступлении на работу и периодические медицинские осмотры» [21], он указывает на ряд факторов, влияющих негативно на организм человека, которые аналогичным образом затрагивают и репродуктивную систему мужчины, тем самым в дальнейшем ухудшая его здоровье. Подобная ситуация указывает на то, что де-юре женщинам запрещено занимать определенный перечень должностей, исходя из отличительных особенностей их организма, а де-факто – трудовая деятельность, касающаяся исключительно мужской части населения, также негативно сказывается и на них самих.

В эту сферу охвата входят различные отрасли промышленности, такие как производство химических волокон и нитей, операции со свинцом и его производными, подземные работы в горнодобывающем секторе, строительство, связанное с подземными сооружениями, и подводная добыча нефти, независимо от классификации условий. Кроме того, это распространяется на наземные работы на существующих и зарождающихся участках добычи полезных ископаемых, а также на эксплуатационное и разведочное бурение скважин в нефтяной и газовой отраслях.

Однако применение этих ограничений вызывает серьезные споры среди специалистов. С. Гузь высказывает критическую точку зрения, предполагая, что, хотя этот список якобы защищает здоровье женщин, ограничивая их участие в работах, которые считаются вредными или опасными для здоровья человека, он одновременно ущемляет их самостоятельность, ограничивая их способность свободно работать на рынке труда, в частности на должностях, связанных с нефизическим трудом, таких как санитарные службы, образовательная деятельность и стажировки [22]. Постоянный дискурс вокруг этого списка подчеркивает сложную взаимосвязь трудовых прав, гендерного равенства и безопасности труда, отражающую более широкие общественные ценности и меняющееся понимание справедливых трудовых практик.

Напротив, другие эксперты-практики придерживаются точки зрения, что принятие Перечня работ, ограничивающих труд женщин, не является дискриминационным, а лишь учитывает их физиологические особенности и направлено на сохранение здоровья (К. Худенко). Однако стоит отметить, что в настоящее время на производствах всё больше применяются автоматизированные системы, которые существенно облегчают труд, исходя из этого, требуется законодательный пересмотр списка запрещённых работ.

Рассмотрим судебный прецедент. Дело Светланы Медведевой стало одним из самых известных примеров гендерной дискриминации [23]. В 2012 г.

она попыталась устроиться на работу мотористом-рулевым, но получила отказ, так как эта профессия была объявлена запрещенной для женщин. Суды всех инстанций согласились с этим доводом. В результате Светлана Медведева обратилась с жалобой в Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин.

Комитет ООН внимательно рассмотрел данное дело и отметил, что отсутствуют эмпирические обоснования запрета на деятельность женщин в качестве водителей-рулевых. Он подчеркнул, что нет научных данных, подтверждающих мнение о том, что такая работа может негативно влиять на репродуктивное здоровье женщин из-за физической нагрузки или уровня шума [24].

Кроме того, комитет пришел к выводу, что такие законодательные меры закрепляют устаревшие социальные роли, подразумевая, что женщины в первую очередь должны быть женами и матерями. Это, в свою очередь, снижает их общественное и профессиональное положение, ограничивая их возможности в образовании и карьере. В 2017 г. Самарский областной суд рассмотрел дело о отказе работодателя принять на работу женщину на основании этих запретительных норм и признал такие действия противоречащими законодательству о дискриминации по половому признаку и принципам международного права. Однако суд выяснил, что конкретные требования Светланы Медведевой, которая настаивала на принудительном заключении трудового договора с данным работодателем, не имели законных оснований.

Хотя суд признал отказ работодателя незаконным, он установил, что средства правовой защиты в данном случае будут ограничены выплатой компенсации за моральный ущерб, причиненный Медведевой. Примечательно, что после пересмотра в 2021 г. профессия водителя была исключена из списка профессий, запрещенных для женщин, что свидетельствует о постепенном прогрессе в направлении гендерного равенства в профессиональной сфере.

Заключение

Подводя итог изложенной в исследовании информации, можно прийти к выводу, что формирование отечественного трудового законодательства в отношении женщин началось еще в период действия Русской Правды. Несмотря на то, что данный документ не закреплял конкретных трудовых прав и гарантий женщин, он косвенно указывал на возможность осуществления ими трудовой деятельности. В последующие годы данный подход к регулированию трудовых отношений сохранился, а женщины находились в зависимости не только от своего мужа или отца, но, в случае с крепостными крестьянами, и от помещика.

Существенные изменения начали происходить только в XVIII–XIX вв., когда на официальном уровне было закреплено право женщин заниматься торговлей и ремеслом в городах, работать на промышленных предприятиях. В этот же период в законодательстве впервые определяются трудовые гарантии, распространяющие свое действие в отношении женщин, которые

затрагивают продолжительной рабочего дня, невозможность осуществления труда в ночное время и т.д.

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что начиная с конца XIX в. в нашем государстве особое внимание уделялось правовому статусу трудящихся женщин. Несмотря на неоднократную смену экономической и политической формации, органы государства сохраняли традиции, предполагающие необходимость наделения женщин дополнительными трудовыми гарантиями, направленными на охрану их здоровья и иных нематериальных благ.

Женский труд составляет значительную часть мирового рынка труда. Несмотря на установленные антидискриминационные стандарты в российском трудовом законодательстве, дискриминация на рабочем месте по-прежнему распространена как при приеме на работу, так и при увольнении.

Исключения при приеме на работу по признаку пола действительно существуют, но они ограничены должностями, требующими значительных физических нагрузок, или ролями, включенными в список профессий, которые считаются опасными для женщин. С 1 января 2021 г. этот список был существенно сокращен в соответствии с приказом Министерства труда № 512н (от 18 июля 2019 г.). Ранее он включал 456 должностей, а теперь ограничивается только 100 конкретными профессиями для женщин. Следовательно, многие ранее недоступные должности, такие как боцман, машинист скоростного поезда и оператор большегрузного автомобиля, теперь открыты для женщин-соискательниц. Однако трудоустройство в таких областях, как определенные отрасли химического производства, тяжелая добыча полезных ископаемых, подземные работы и специфическая металлообработка, остается под запретом из-за связанных с этим рисков. В целом правовое регулирование труда женщин направлено на создание условий, которые учитывают их физиологические и социальные особенности, а также способствуют реализации их социальных прав и профессиональных свобод на реализацию.

В последние годы наблюдается рост интереса к вопросам гендерного равенства в трудовых отношениях. Это связано с глобальными тенденциями и международными стандартами, которые требуют от стран принимать меры по обеспечению равенства полов в сфере труда. Россия активно участвует в международных инициативах, направленных на улучшение положения женщин, и это находит отражение в новых законодательных инициативах.

Несмотря на прогресс в области гендерного равенства, женщины по-прежнему сталкиваются с значительными проблемами и дискриминацией в сфере занятости. Решение проблемы дискриминации женщин как работников, а также предотвращение любой иной дискриминации является стратегически важным элементом борьбы с дискриминацией в других сферах. Объединение и одинаковые условия труда, а также одинаковое обращение как с работниками мужского пола, так и с работниками женского пола помогут разрушить все стереотипы в трудовой сфере. Для того чтобы рынок труда был более демократичным и инклюзивным, в современном обществе

нужно создать больше рабочих мест, которые были бы привлекали разные слои общества.

Отсутствие гендерного равенства на рынке труда приводит к негативным последствиям для общества. Примерами таких последствий могут служить безработица, в основном она касается лиц женского пола, разрыв в оплате труда за одну и ту же работу. Вследствие этих факторов происходит остановка развития общества в целом.

Правовое регулирование труда женщин играет ключевую роль в создании условий для обеспечения их равных возможностей на рынке труда. Тем не менее, несмотря на достигнутый прогресс, остается множество проблем, требующих внимания. Необходимо продолжить работу по улучшению нормативно-правовой базы, усилению контроля за ее соблюдением и развитию программ, направленных на устранение дискриминации. Это позволит повысить не только качество жизни женщин, но и укрепить экономическое развитие общества в целом. Таким образом, правовое регулирование труда женщин является важным аспектом, который требует комплексного подхода и активных действий со стороны государства и гражданского общества.

Формирование трудового законодательства в отношении женщин в России является динамичным процессом, который отражает изменения в социальной, экономической и культурной сферах. Несмотря на значительные достижения, еще остается много работы для обеспечения равных прав и возможностей для женщин на рынке труда. Важно продолжать движение в направлении улучшения условий труда, защиты прав женщин и борьбы с дискриминацией, чтобы обеспечить реальное равенство в трудовых отношениях.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.04.2025).
2. Русская правда XI–XIII века // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. URL: <https://museumreforms.ru/node/13621> (дата обращения: 11.04.2025).
3. Адриановская Т.Л., Забулова К. История развития правового регулирования труда женщин // Аграрное и земельное право. 2020. № 6. С. 131.
4. Соборное уложение 1649 года // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. URL: <https://xn--e1aaejmenosq.xn--p1ai/node/13632> (дата обращения: 11.04.2025).
5. Указ от 18 января 1721 г. «О покупке к заводам деревень» // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/b/o-pokupke-k-zavodami-dereve-a55307> (дата обращения: 11.04.2025).
6. Жалованные грамоты дворянству и городам от 1785 года // История.РФ. URL: <https://histrf.ru/read/articles/zhalovannyye-ghramoty-dvorianstvu-i-ghorodam-event?authuser=0&ysclid=m9c7idqmp482037843> (дата обращения: 11.04.2025).
7. Бондарюк Д.В. Фабричное законодательство о рабочем времени // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 8. С. 100.
8. Закон Российской империи «Об обеспечении рабочих на случай болезни» от 23 июня 1912 года // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/8462> (дата обращения: 11.04.2025).

9. Шабалина С.С. Быт женщин, работающих на фабриках и заводах, в провинциальном городе Российской империи в XIX – начале XX вв. (на материалах Казанской губернии) // Исторический бюллетень. 2023. № 5. С. 7.
10. Декрет СНК РСФСР от 29 октября 1917 г. «О восьмичасовом рабочем дне» (утратил силу) // СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 10.
11. Постановление ВЦИК от 09 ноября 1922 г. «О введении в действие Кодекса Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р. изд. 1922 г. (вместе с «Кодексом Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р.») (утратило силу) // СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.
12. Липатов А.В., Меркурьева В.С., Такташева Ф.А. Изменение роли женщин в системе трудовых отношений в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской области) // Научный диалог. 2019. № 5. С. 335.
13. Кодекс законов о труде РСФСР (утв. ВС РСФСР 09.12.1971) (ред. от 10.07.2001, с изм. от 24.01.2002) (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1971. № 50. Ст. 1007.
14. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 3.
15. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Заключена 18.12.1979) (с изм. от 22.05.1995) // Ведомости ВС СССР. 23 июня 1982 г. № 25. Ст. 464.
16. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
17. Орешкина В.Н. Охрана труда женщин: теория и практика // Наука ЮУрГУ : сб. ст. Челябинск, 2018. С. 542–546.
18. Гаджиев К.С. Политология. 3-е изд. М. : Логос, 2020. 432 с.
19. Буянова А.В. Гендерное неравенство в сфере труда // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 69.
20. Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин : Приказ Минтруда России от 18 июля 2019 г. № 512н. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.04.2025).
21. Приказ Минтруда России № 988н, Минздрава России № 1420н от 31.12.2020 «Об утверждении перечня вредных и (или) опасных производственных факторов и работ, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные медицинские осмотры при поступлении на работу и периодические медицинские осмотры». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.04.2025).
22. Трудовые права женщин: вопросы дискриминации и основные судебные кейсы. URL: <https://www.garant.ru/article/1604620> (дата обращения: 27.10.2024).
23. Определение Самарского областного суда от 19 ноября 2012 г. по делу № 33-10556/2012// Электронное правосудие : система электронного документооборота для судов и участников судебного процесса. URL: <https://actofact.ru/case-63OS0000-33-10556-2012-2012-11-09-0-1> (дата обращения: 11.04.2025).
24. Апелляционное определение Самарского областного суда от 28 ноября 2017 г. по делу № 33-15262/2017 // Электронное правосудие : система электронного документооборота для судов и участников судебного процесса. URL: https://www.garant.ru/files/0/2/1604620/delo_-33-152622017.pdf (дата обращения: 11.04.2025).

References

1. Russian Federation. (1993) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020)* [Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on

December 12, 1993, with amendments approved by the all-Russian vote on July 1, 2020)]. [Online] Available from: <http://www.pravo.gov.ru>

2. Russia. (n.d.) *Russkaya pravda XI–XIII veka* [Russkaya Pravda of the 11th–13th Centuries]. [Online] Available from: <https://museumreforms.ru/node/13621> (Accessed: 11th April 2025).

3. Adrianovskaya, T.L. & Zabolova, K. (2020) *Istoriya razvitiya pravovogo regulirovaniya truda zhenshchin* [History of the Development of Legal Regulation of Women's Labour]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 6. p. 131.

4. Russia. (1649) *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* [The Council Code of 1649]. [Online] Available from: <https://xn--e1aejmenocxq.xn--p1ai/node/13632> (Accessed: 11th April 2025).

5. Great Russian Encyclopedia (1721) *Ukaz ot 18 yanvarya 1721 g. "O pokupke k zavodami dereven"* [Decree of January 18, 1721, "On the Purchase of Villages for Factories"]. [Online] Available from: <https://bigenc.ru/b/o-pokupke-k-zavodami-dereve-a55307> (Accessed: 11th April 2025).

6. Istoriya.RF. (n.d.) *Zhalovannye gramoty dvoryanstvu i gorodam ot 1785 goda* [Charters to the Nobility and the Towns of 1785]. [Online] Available from: <https://histrf.ru/read/articles/zhalovannye-ghramoty-dvorianstvu-i-ghorodam-event?authuser=0&ysclid=m9c7idqmp482037843> (Accessed: 11th April 2025).

7. Bondaryuk, D.V. (2014) *Fabrichnoe zakonodatel'stvo o rabochem vremeni* [Factory Legislation on Working Hours]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 8. p. 100.

8. Russia. (1912) *Zakon Rossiyskoy Imperii "Ob obespechenii rabochikh na sluchay bolezni" ot 23 iyunya 1912 goda* [Law of the Russian Empire "On Providing for Workers in Case of Illness" of June 23, 1912]. [Online] Available from: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/8462> (Accessed: 11th April 2025).

9. Shabalina, S.S. (2023) *Byt zhenshchin, rabotayushchikh na fabrikakh i zavodakh, v provintsial'nom gorode rossiyskoy imperii v XIX – nachale XX vv. (na materialakh kazanskoy gubernii)* [The Daily Life of Women Working in Factories and Plants in a Provincial City of the Russian Empire in the 19th – Early 20th Centuries (Based on Materials from the Kazan Province)]. *Istoricheskiy byulleten'*. 5. p. 7.

10. RSFSR. (1917) *Dekret SNK RSFSR ot 29 oktyabrya 1917 g. "O vos'michasovom rabochem dne"* (utratil silu) [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of October 29, 1917, "On the Eight-Hour Working Day" (no longer in force)]. *SU RSFSR*. 1. Art. 10.

11. RSFSR. (1922) *Postanovlenie VTsIK ot 09 noyabrya 1922 g. "O vvedenii v deystvie Kodeksa Zakonov o Trude R.S.F.S.R. izd. 1922 g. (vmeste s 'Kodeksom Zakonov o Trude R.S.F.S.R.') (utratilo silu)"* [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of November 9, 1922, "On the Enactment of the 1922 Code of Labour Laws of the R.S.F.S.R." (together with the "Code of Labour Laws of the R.S.F.S.R.") (no longer in force)]. *SU RSFSR*. 70. Art. 903.

12. Lipatov, A.V., Merkurieva, V.S. & Taktasheva, F.A. (2019) *Izmenenie roli zhenshchin v sisteme trudovykh otnosheniy v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Stalingradskoy oblasti)* [Changing the Role of Women in the System of Labour Relations During the Great Patriotic War (Based on Materials from the Stalingrad Region)]. *Nauchnyy dialog*. 5. p. 335.

13. RSFSR. (1971) *Kodeks zakonov o trude RSFSR (utv. VS RSFSR 09.12.1971) (red. ot 10.07.2001, s izm. ot 24.01.2002) (utratil silu)* [Labour Code of the RSFSR (approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on 09.12.1971) (as amended on 10.07.2001, with changes on 24.01.2002) (no longer in force)]. *Vedomosti VS RSFSR*. 50. Art. 1007.

14. Russian Federation. (2002) *Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30 dekabrya 2001 g. № 197-FZ (red. ot 07.04.2025)* [Labour Code of the Russian Federation No. 197-FZ of December 30, 2001 (as amended on 07.04.2025)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1. Art. 3.

15. USSR. (1982) Konventsiya o likvidatsii vseh form diskriminatsii v otnoshenii zhenshchin (Zaklyuchena 18.12.1979) (s izm. ot 22.05.1995) [Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (concluded 18.12.1979) (as amended on 22.05.1995)]. *Vedomosti VS SSSR*. 23rd June. Art. 464.

16. Russian Federation. (1994) Mezhdunarodnyy pakt ob ekonomicheskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh pravakh (Prinyat 16.12.1966 Rezolyutsiei 2200 (XXI) na 1496-om plenarnom zasedanii General'noy Assamblei OON) [International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (adopted on 16.12.1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly)]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 12.

17. Oreshkina, V.N. (2018) Okhrana truda zhenshchin: teoriya i praktika [Labour Protection for Women: Theory and Practice]. In: *Nauka YuUrGU* [Science of South Ural State University]. Chelyabinsk: [s.n.]. pp. 542–546.

18. Gadzhiev, K.S. (2020) *Politologiya* [Political Science]. 3rd ed. Moscow: Logos.

19. Buyanova, A.V. (2018) Gendernoe neravenstvo v sfere truda [Gender Inequality in the Sphere of Labour]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 5. p. 69.

20. Russian Federation. (2019) *Ob utverzhdenii perechnya proizvodstv, rabot i dolzhnostey s vrednymi i (ili) opasnymi usloviyami truda, na kotorykh ogranichivaetsya primeneniye truda zhenshchin: Prikaz Mintruda Rossii ot 18 iyulya 2019 g. № 512n* [On the Approval of the List of Industries, Jobs and Positions with Harmful and (or) Dangerous Working Conditions where the Employment of Women is Restricted: Order of the Ministry of Labour of Russia No. 512n of July 18, 2019]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru>

21. Russian Federation. (2020) *Prikaz Mintruda Rossii № 988n, Minzdrava Rossii № 1420n ot 31.12.2020 "Ob utverzhdenii perechnya vrednykh i (ili) opasnykh proizvodstvennykh faktorov i rabot, pri vypolnenii kotorykh provodyatsya obyazatel'nye predvaritel'nye meditsinskie osmotry pri postuplenii na rabotu i periodicheskie meditsinskie osmotry"* [Order of the Ministry of Labour of Russia No. 988n, Ministry of Health of Russia No. 1420n of December 31, 2020, "On the Approval of the List of Harmful and (or) Hazardous Production Factors and Works, during the Performance of which Mandatory Preliminary Medical Examinations upon Employment and Periodic Medical Examinations are Conducted"]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru>

22. Russian Federation. (n.d.) *Trudovye prava zhenshchin: voprosy diskriminatsii i osnovnye sudebnye keysy* [Labour Rights of Women: Issues of Discrimination and Key Judicial Cases]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/article/1604620> (Accessed: 17th October 2024).

23. Russian Federation. (2012) *Opreделение Samarskogo oblastnogo suda ot 19 noyabrya 2012 g. po delu № 33-10556/2012* [Ruling of the Samara Regional Court of November 19, 2012 in case No. 33-10556/2012]. [Online] Available from: <https://actofact.ru/case-63OS0000-33-10556-2012-2012-11-09-0-1> (Accessed: 11th April 2025).

24. Russian Federation. (2017) *Apellyatsionnoe opredelenie Samarskogo oblastnogo suda ot 28 noyabrya 2017 g. po delu № 33-15262/2017* [Appellate Ruling of the Samara Regional Court of November 28, 2017 in case No. 33-15262/2017]. [Online] Available from: https://www.garant.ru/files/0/2/1604620/delo_-33-152622017.pdf (Accessed: 11th April 2025).

Информация об авторах:

Лиликова О.С. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и предпринимательского права Юридического института Белгородского государственного университета (Белгород, Россия). E-mail: Strebkova@bsu.edu.ru

Гусакова Ю.С. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и предпринимательского права Юридического института Белгородского государственного университета (Белгород, Россия). E-mail: gusakova@bsu.edu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Lilikova O.S., Belgorod State University (Belgorod, Russian Federation). E-mail: Strebkova@bsu.edu.ru

Gusakova Yu.S., Belgorod State University (Belgorod, Russian Federation). E-mail: gusakova@bsu.edu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.04.2025;
одобрена после рецензирования 26.06.2025; принята к публикации 10.10.2025.*

*The article was submitted 14.04.2025;
approved after reviewing 26.06.2025; accepted for publication 10.10.2025.*

Научная статья
УДК 349.3
doi: 10.17223/22253513/57/10

Социальное благополучие беременных женщин в контексте преодоления кризисов общества

Анна Васильевна Трутаева¹

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия,
annatrutaeva@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы социального благополучия беременных женщин на фоне сочетания кризисных явлений в жизни общества. Автором подвергается критике существующий подход к социальному обеспечению беременных и предлагается вывод их в категорию получателей социального обеспечения по принципу наступления соответствующего состояния. Это предложение базируется на тезисе об особой социальной уязвимости беременных женщин в условиях кризисов, а также на высокой степени социальной значимости беременности в контексте удовлетворения публичных интересов, улучшения демографии и выполнения функции по самовоспроизводству общества.

Ключевые слова: социальное обеспечение, беременность, кризис, публичные интересы, демография

Для цитирования: Трутаева А.В. Социальное благополучие беременных женщин в контексте преодоления кризисов общества // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 57. С. 133–144. doi: 10.17223/22253513/57/10

Original article
doi: 10.17223/22253513/57/10

Social well-being of pregnant women in the context of overcoming social crises

Anna V. Trutaeva¹

¹ Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation,
annatrutaeva@yandex.ru

Abstract. A social protection strategy in times of crisis always requires the state to prioritize the goals of social policy and rank the interests of groups and individuals. In this context, one of the main objectives in a crisis is to protect the most vulnerable members of society. In addition to establishing the rights of vulnerable groups, a social protection strategy is also closely linked to ensuring effective guarantees for the implementation of rights. Currently,

Today, Russian society is experiencing a crisis in several areas of life. For example, persistent unfavorable demographic trends have become a central factor in exacerbating economic problems, and in the last decade, they have been cited as a precursor to the

shortage of workers in the labor market. Today, economists and sociologists in Russia are noting a significant mismatch between the needs of the labor market and the educational outcomes and workforce size. The noted external factors form a specific picture for different socially vulnerable groups of the population, and in particular – for pregnant women. A positive reproductive choice can be consistent with a woman's personal desire to give birth and in the long term can have a positive impact on the country's demographic indicators, as well as bring new resources to the economy, however, the current situation in the economy and the labor market (including the efforts of employers) seems to persuade a woman to postpone pregnancy. The main counterargument to the decision to become pregnant is usually the prospect of socioeconomic instability.

The picture of legal regulation and law enforcement allows us to characterize the existing system of social security for pregnant women as requiring conceptual reflection and reorientation towards covering all pregnant women based on the onset of pregnancy. In addition to special nutrition, micronutrient provision, vitamins, and minerals necessary for health and pregnancy prognosis, women should receive timely and high-quality medical care. A pregnant woman should have the right to effective and sufficient financial support, as well as psychological and pedagogical support, without waiting for her income and property to completely disappear, in order to maintain her psychological state and prepare her for motherhood. The proposed directions for improving social security are even more justified and strategically necessary in light of the crises that society is experiencing, as the demographic outlook depends on the social well-being of the pregnant women. It seems socially justified and even significant to separate the category of pregnant women into a separate group of social security recipients based on the condition of pregnancy, regardless of diseases, income level, occupation, etc.: this group is one of the centers of the constant function of self-reproduction of society, which is in the public interest and can serve as a basis for positive transformations of social reality and overcoming crises in the long term.

Keywords: social security, pregnancy, crisis, public interests, demographics

For citation: Trutaeva, A. V. (2025) Social well-being of pregnant women in the context of overcoming social crises. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 57. pp. 133–144. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/57/10

По мере развития событий в жизни общества внешний социальный кризис (часто именно экономический) пребывает в центре внимания исследователей самых разных направлений научного знания. Наука права социального обеспечения продолжает поиск механизмов защиты человека от негативных эффектов нестабильности внешней среды, создающих угрозу для социального статуса, здоровья, уровня дохода. Для целей настоящей работы представляет интерес определение социального кризиса. В социологии таковым именуется аномалия, дисфункциональное расстройство социальной системы, выступающее следствием ошибочных решений и выражающееся в нарушении равновесия внутри общества [1. С. 104]. Кризисом в науке считается также кратковременный переломный период в естественном процессе развития, способный дать разрешение проблем этого процесса [1]. Социальный кризис может представлять собой разновидность экономического типа (кризис материальных ресурсов), политического типа (кризис легитимности власти и столкновения интересов), демографического типа (разбалансировка показателей стабильности общества) и др. Экономической наукой

предложено считать кризисом переустройство системы отношений и глобального управления [2. С. 7], дисбаланс ресурсов экономических агентов [3. С. 45]. При этом исследователями уточняется, что вызванные внешними или внутренними для субъекта факторами кризисы неизбежны и сопровождают развитие [4. С. 8], затрагивая глубинную, внутреннюю структуру субъекта и сообщая ей новое [5. С. 57]. Все как рассмотренные, так и не охваченные настоящей работой варианты определения кризиса, обладая различными оттенками, схожим образом говорят о сущности явления: это вызванное внешними или внутренними причинами нарушение процесса нормального функционирования какой-либо системы и переход ее (и ее элементов) в нестабильное состояние, приводящие впоследствии к разрешению стоящей перед системой проблемы. Такое явление наиболее сильно угрожает элементам системы, которые и в стабильном ее состоянии по каким-либо причинам уязвимы более других. Сказанное ставит перед наукой проблему защиты уязвимых элементов в условиях кризиса, в частности средствами права.

В юридической науке наиболее устоявшимся мнением относительно цели социального обеспечения считается позиция, связывающая его усилия и выравнивание относительно условного общего уровня социального положения отдельных категорий граждан, у которых в жизни наступили определенные социально значимые на данном историческом этапе события [6. С. 9; 7. С. 19]. Часто целью социального обеспечения именуется также поддержание уровня жизни, минимального жизненного уровня граждан [7. С. 17; 8. С. 22]. Причины недостижения гражданином условного нормального уровня дохода должны быть объективными (т.е. не находящимися в связи с целенаправленным поведением самого лица) и социально значимыми, т.е. быть в равной мере возможными для каждого человека и признанными обществом заслуживающими социального обеспечения [10. С. 10]. По какой-либо причине обществу должны быть «интересны» эпизоды участия в благополучии индивида. Е.Г. Азаровой в контексте равноправия граждан в сфере социального обеспечения отмечено также, что необходимо предоставление гражданам таких прав, которые в равной степени отвечали бы как одинаковым, так и разным (но социально значимым) потребностям и интересам людей [10. С. 9].

Примечательно, что проблематика социального благополучия населения в условиях кризисов наиболее активно выступает предметом внимания исследователей-экономистов. Преимущественно авторы, основываясь на тезисе о главной функции социальной сферы жизни общества как воспроизводстве людей, ресурсов и их жизнеобеспечении, отмечают в качестве главного ориентира необходимость эффективной защиты социально уязвимых групп населения [11. С. 10; 12. С. 56; 13. С. 11]. Значимо, что такими мерами должны охватываться именно те субъекты, которые не обладают возможностями для самостоятельного разрешения своих социальных проблем и поэтому нуждаются в содействии государства. Стратегия социальной защиты в

условиях кризиса всегда требует от государства приоритизации целей социальной политики и ранжирования интересов групп и индивидов и помимо закрепления объема прав уязвимых категорий граждан, связывается также теснейшим образом и с обеспечением эффективных гарантий реализации прав [11. С. 11]. Тем важнее вовремя «заметить» социально уязвимую категорию граждан и определить те направления социальной защиты, социального обеспечения, которые способны будут «вывести» группу из поля борьбы по преодолению кризиса и гарантировать ей приемлемый уровень жизни и социального благополучия. Указанное имеет также свой временной параметр, поскольку должно произойти как можно быстрее после перехода общества в кризис: экономическая наука называет существующие в мировой практике три канала перехода финансово-экономических кризисов в долгосрочные социальные, и одним из каналов является канал индивидуальных стратегий выживания [14. С. 181]. Индивидуальные стратегии выживания заключаются для различных субъектов в продаже земельных участков, жилого помещения, иного недвижимого имущества, транспортных средств, сельскохозяйственных животных, сокращении объема потребляемых товаров и услуг, понижении их качества. В контексте дискуссии о социальном благополучии отмеченное представляет опасность, поскольку свидетельствует об уменьшении объема имущественных прав, формирующих базовые элементы уровня жизни лица. Жизненная ситуация, в которой гражданин вынужден продать единственное жилое помещение, автомобиль или земельный участок, отказаться себе и своей семье в качественной одежде и продуктах питания, не может называться социально благополучной.

Сегодня российское общество испытывает одновременно несколько кризисов, дающих в своей синергии специфические эффекты. Прежде всего, на протяжении нескольких десятилетий в России сохраняется неблагоприятный демографический тренд, нередко именуемый в науке этапом демографического перехода. Показатели рождаемости не позволяют стабилизировать состояние общества, находящегося в статусе устойчиво убывающего и лишь на несколько лет менявшего его на демографическое оживление [15. С. 321; 16]. Исследователями при этом отмечается важность сочетания нескольких факторов для преодоления демографического кризиса: требуются достаточное поколение женщин репродуктивного возраста, высокие темпы роста доходов населения (в том числе заработной платы), социальная стабильность (отсутствие социальных конфликтов и напряженности), а также концептуально выверенная и последовательная государственная политика рождаемости [15. С. 330]. На сегодняшний день отмеченная кризисная динамика не претерпела устойчивых изменений.

Демографические причины закономерно занимают одно из центральных мест в обострении экономических проблем как в мировом масштабе, так и в национальном. В последнее десятилетие они фигурируют в качестве предпосылки кадрового кризиса – кризиса нехватки работников на рынке труда. Сегодня экономистами и социологами отмечается существенное несовпаде-

ние потребностей рынка труда, с одной стороны, и образовательных результатов (компетенций и квалификации) и численности работников – с другой. В отношении действующих работников наблюдается так называемая гонка зарплат, инициируемая работодателями для удержания работников на производствах [17–19]. В существующих обстоятельствах экономика испытывает заметный дисбаланс ресурсов, что неминуемо отражается на снижающихся реальных доходах населения [20, 21]. На фоне описанного одним из наиболее тревожных трендов социально-экономического дискурса сегодня является снижение уровня жизни граждан при рождении детей: в течение длительного периода времени различными исследованиями подтверждается вывод о том, что наибольшие затруднения материального характера (в том числе по приобретению продуктов питания определенного качества и объема) испытывают семьи или граждане с детьми, и чем больше число детей, тем более выраженными будут финансовые затруднения [22. С. 32; 23; 24]. Вкупе перечисленные внешние факторы формируют специфическую картину для разных социально уязвимых групп населения, в особенности, для беременных женщин. Складывается противоречивая ситуация: позитивный репродуктивный выбор может согласовываться с личным стремлением женщины родить ребенка и в долгосрочной перспективе способен благоприятно отразиться на демографических показателях в стране, а также принести экономике новые ресурсы, однако текущая ситуация в экономике и на рынке труда (в том числе усилия работодателей) как будто убеждает женщину отложить беременность. Главным контраргументом решения о беременности, как правило, выступает перспектива социально-экономической нестабильности.

Действительно, в жизни женщины беременность вызывает сочетание множества факторов социальных рисков одновременно, и перед всеми этими угрозами женщина уязвима ввиду объективных причин. Объективный их характер обусловлен физиологическими, медицинскими фактами и закономерностями течения беременности. Сегодня система социального обеспечения не рассматривает состояние беременности как юридический факт – самостоятельное основание предоставления социального обеспечения. Действующее правовое регулирование главным образом рассматривает в качестве получателей социального обеспечения беременных женщин, имеющих доход ниже прожиточного минимума на душу населения в субъекте Российской Федерации; либо беременных женщин – застрахованных лиц, оставляющих работу и уходящих в отпуск по беременности и родам; либо беременных женщин – жен военнослужащих по призыву. Кроме того, беременным женщинам гарантируется медицинская помощь на основании федеральных законов «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ и «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29.11.2010 № 326-ФЗ. Кроме того, социальное обеспечение беременных женщин регламентировано на уровне субъектов Российской Федерации, однако принятое в регионах правовое регулирование испытывает ощутимый отпечаток дефицита средств субфедеральных бюджетов.

Как правило, региональное социальное обеспечение сосредоточено на реализации правила ст. 52 указанного выше Федерального закона № 323-ФЗ.

Анализируя охват и доступность предусмотренных нормативными правовыми актами мер социального обеспечения беременных женщин, необходимо начать с главного замечания: этими мерами охватываются не все беременные женщины в стране по принципу статуса. Это положение не вызывает согласия, поскольку научным фактом выступает рост и спецификация потребностей женщины, находящейся в рассматриваемом состоянии. Кроме того, это состояние неизбежно отражается на экономической активности женщины, на некоторое время устранив ее от продолжения труда.

Как указано выше, социальное обеспечение доступно отдельным категориям беременных женщин. При этом утверждение об эффективной и своевременной реализации прав женщинами данных категорий также не будет в полной мере соответствовать действительности. Так, например, судебная практика последних лет позволяет сказать, что медицинская помощь беременным женщинам нередко оказывается некачественно или несвоевременно (что впоследствии приводит к вреду здоровью матери и ребенка, рождению мертвого ребенка и удалению внутренних органов матери), а гарантированное в субъектах Российской Федерации специальное питание (питательные молочные смеси, соки и др.) предоставляется не при первом обращении, а лишь после вмешательства суда¹. При этом материнская смертность в Российской Федерации (т.е. смертность от осложнений беременности, родов и послеродового периода), несмотря на периодическое снижение числа случаев, все же продолжает регистрироваться и остается на отметке порядка 13,3 на 100 тысяч рождений живыми.

Так, по последним опубликованным данным, в 2023 г. случаи материнской смертности в стране насчитывали 168, в 2022 г. – 170 [25]. Сохранение уровня материнской смертности является сегодня проблемой мирового масштаба, и Российская Федерация иллюстрирует лишь частный случай тенденции [26, 27]. Медицинские исследования в области материнской смертности позволяют заключить, что в статистике акушерских (т.е. возникших в период беременности) патологий преобладают заболевания по управляемым причинам, которые могут быть выявлены своевременно и поддаются эффективному лечению. Кроме того, развитие множества акушерских патологий напрямую обусловлено общим состоянием организма и статусом питания

¹ См., например, по вопросам доступности качественной медицинской помощи – решение Октябрьского районного суда г. Пензы от 28.06.2019 по делу № 2-1121/2019, решение Ленинградского областного суда от 02.10.2014 по делу № 33-4931/2014, решение Октябрьского районного суда г. Томска от 15.02.2019 по делу № 2-11/2019 // СПС «Консультант Плюс». По вопросам предоставления питания беременным женщинам – апелляционное определение Первого АСОЮ от 25.01.2024 по делу № 66а-195/2024, апелляционное определение Четвертого АСОЮ от 04.02.2020 по делу № 66а-80/2020, апелляционное определение Московского городского суда от 16.02.2021 по делу № 33-3392/2021, апелляционное определение Московского городского суда от 16.12.2020 по делу № 33-36502/2020, апелляционное определение Московского городского суда от 22.06.2020 по делу № 33-11891/2020.

женщины [28. С. 25, 190]. В данном направлении представляется необходимым расширение доступной и своевременной бесплатной медицинской помощи беременным женщинам, включая диагностические процедуры.

В свою очередь, предусмотренное ст. 52 Федерального закона № 323-ФЗ и нормативными правовыми актами субфедерального уровня специальное питание в виде сухих смесей, обогащенных микронутриентами, фруктовых соков также имеет существенное значение в поддержании благополучного течения и прогноза беременности – и это относится далеко не только к женщинам, у которых диагностированы какие-либо заболевания и которые обладают ввиду того правом на получение специального питания. Рассматриваемая мера необходима для всех беременных женщин, однако судебная практика свидетельствует о том, что даже женщины, нуждающиеся по медицинскому заключению в специальном питании и потому признаваемые имеющими право на него, нередко сталкиваются с неправомерными отказами в его предоставлении. Промедление, обусловленное рассмотрением спора в судебном порядке, во всех случаях значит, что женщина получит положенное ей специальное питание позднее запланированного, но развитие плода и перестройка организма не могут ждать завершения судебного разбирательства.

Сложно назвать отвечающим потребностям беременных женщин и ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка, предусмотренное ст. 9 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 19.05.1995 № 81-ФЗ. Это пособие предоставляется гражданкам Российской Федерации, вставшим на учет по беременности и родам в срок до 12 недель и имеющим за последние 12 месяцев доход (в семье (среднедушевой) или единоличный), не превышающий установленного в регионе проживания прожиточного минимума на душу населения. При определении нуждаемости в рассматриваемом виде пособия учитывается состав имущества, а также прочие факторы материального благополучия женщины (правило нулевого дохода). Размер пособия также ориентирован на достижение доходом женщины уровня прожиточного минимума. Оценивая правоприменительную ситуацию вокруг предоставления беременным женщинам ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка, необходимо заключить, что остаются распространенными случаи неправомерного отказа в таковом, что ухудшает общую картину социального благополучия беременных (и без того не вызывающую оптимизма)¹. Также в практике российских судов встречаются случаи отказа ввиду пропуска срока постановки на учет по беременности и родам либо, например, наличия у женщины имущества, не позволившего идентифицировать ее как малоимущую².

¹ См., например, решение Симоновского районного суда г. Москвы от 05.08.2022 по делу № 2-4236/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

² См., например, решение Центрального районного суда г. Барнаула от 19.08.2022 по делу № 2-3994/2022, решение Кировского районного суда г. Ярославля от 05.05.2023 по делу № 2-2289/2023, решение Октябрьского районного суда г. Мурманска от 04.04.2023 по делу № 2-972/2023, решение Шадринского районного суда Курганской области от 04.05.2022 по

Вызывает вопросы связь права на рассматриваемое пособие и прожиточного минимума на душу населения. Действительно, прожиточный минимум сегодня крайне проблематично признать фактически приемлемым показателем уровня жизни, однако законодателем технически эта величина наделяется определенным информативным значением. В силу правил Федерального закона «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24.10.1997 № 134-ФЗ прожиточный минимум предназначен для оценки уровня жизни при разработке и реализации государственных программ и оказания государственной социальной помощи и мер социальной поддержки малоимущим гражданам. Во-первых, беременные женщины не фигурируют в Федеральном законе № 134-ФЗ; во-вторых, беременные женщины не встраиваются в определенный статьей 4 данного закона набор групп населения. Так, прожиточный минимум устанавливается для трудоспособного населения (с 16 лет и до пенсионного возраста), пенсионеров (получателей страховых пенсий по старости и неработающих инвалидов) и детей (до 15 лет). В период беременности женщина потребляет в норме гораздо больше энергии (в среднем на 15–20%) из белков, жиров, углеводов, а также должна получать существенно больше витаминов¹. Недостаточность питания беременной женщины связывается в медицинской науке с ухудшением прогноза течения и исхода беременности, а также с повышением риска патологических осложнений беременности и родов. Помимо вреда здоровью самой беременной женщины, дефицит питания крайне опасен и для развивающегося плода [29. С. 123]. Указанное ставит вопрос о том, обоснованно ли с научной (в том числе медицинской) точки зрения положения Федерального закона № 81-ФЗ связывают ориентир социального благополучия с не уточненным по этому критерию прожиточным минимумом, которому даже не известна специфичность потребления беременной женщиной товаров и услуг. Фактически такого потребления должно быть достаточно для безопасной жизни не только одного живого организма, но и второго – формирующегося внутри первого.

Описанное позволяет охарактеризовать существующую систему социального обеспечения беременных женщин как требующую концептуального осмысления и переориентирования на охват всех беременных женщин по принципу наступления состояния беременности. Помимо специального питания, обеспечения микронутриентами, витаминами, минералами, необходимыми с учетом состояния здоровья и прогноза беременности, женщина должна получать своевременную и качественную медицинскую помощь. Также беременная женщина должна, не дожидаясь полного исчезновения у

делу № 2-832/2022 // СПС «КонсультантПлюс». При этом отношение к ситуации, в которой для благополучного вынашивания беременности или сохранения уровня дохода требуется продать имущество, уже было выражено в настоящей работе выше.

¹ Методические рекомендации МР 2.3.1.0253-21 «Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации» (утв. Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека 22.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

нее дохода и имущества, иметь право на эффективное и достаточное материальное обеспечение, а также психологическое и педагогическое сопровождение, которое позволяло бы поддерживать психологическое состояние и формировать готовность к материнству. Предлагаемые направления совершенствования социального обеспечения тем более оправданно и даже стратегически необходимо выглядят в свете переживаемых обществом кризисов, поскольку именно от социального благополучия когорты беременных женщин зависит демографическая перспектива.

Представляется социально обоснованным и даже значимым выведение категории беременных женщин в отдельную группу получателей социального обеспечения по принципу состояния беременности и вне зависимости от заболеваний, уровня дохода, занятия и т.д.: в этой группе сосредоточен один из центров постоянной функции по самовоспроизведению общества, что отвечает публичным интересам и в долгосрочной перспективе способно выступить основой позитивных преобразований социальной действительности и преодоления кризисов.

Список источников

1. Чекменева Т.Г. «Кризисы в общественном развитии: теоретический аспект» // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2010. Т. 6, № 12. С. 103–106.
2. Крупнов Ю.А. «Специфические факторы экономического кризиса» // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. 2021. № 4. С. 6–18.
3. Сухарев О.С. Экономическая теория кризисов: перспективы и современность // Журнал экономической теории. 2014. № 3. С. 30–46.
4. Штомпель О.М. Социокультурный кризис: Теория и методология исследования проблемы : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 1999. 52 с.
5. Боровик О.В., Кириченко С.Н., Ростова А.Т. «Типология социальных кризисов» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 8-9. С. 55–57.
6. Андреев В.С. Право социального обеспечения в СССР : учеб. для вузов по спец. «Правоведение». М. : Юрид. лит., 1980. 311 с.
7. Буянова М.О., Гусов К.Н. Право социального обеспечения России : учебник / отв. ред. К.Н. Гусов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009. 635 с.
8. Миронова Т.К. Право социального обеспечения : учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М. : КноРус, 2022. 303 с.
9. Григорьев И.В., Шайхатдинов В.Ш. Право социального обеспечения : учеб. и практикум для вузов. 9-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 431 с.
10. Азарова Е.Г. Проблемы равноправия женщины и мужчины в социальном обеспечении в СССР. М. : Наука, 1989. 165 с.
11. Савкин Е.А. Усиление системы социальной защиты населения России в условиях кризиса : автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2009. 19 с.
12. Кириков А.С. Основные направления реализации стратегии социальной защиты в условиях кризиса // Журнал правовых и экономических исследований. 2009. № 2. С. 56–59.
13. Евменова Т.И. Стратегия социальной защиты населения в условиях экономического кризиса : автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2000. 20 с.
14. Калабин В.А. Реакция системы социальной защиты стран Европейского Союза и США на финансовые кризисы: предложения по использованию опыта в России // Вестник университета. 2024. № 9. С. 178–192.

15. Андропова Л.Н. Ланцова Н.М. «Демографические тенденции и государственная демографическая политика: Россия и зарубежный опыт» // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2022. № 20. С. 320–341.

16. Основные тренды российской демографии. А. Скляр // Интернет-сайт Gaidar. Русский либерализм. 17.08.2022. URL: <https://gaidar.center/articles/osnovnye-trendy-rossijskoj-demografii.htm>

17. «Идеальный шторм»: как сейчас в России идет борьба за кадры // Интернет-сайт РБК Отрасли. 26.03.2024. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/65b24b2c9a7947083271df29>

18. Акулов А. По всему миру начался кадровый голод. Как нехватка опытных и умных работников угрожает экономике России? // Интернет-сайт Лента.ру. 03.12.2023. URL: <https://lenta.ru/articles/2023/12/03/kadrovyy-golod-prinimaet-ugrozhayuschie-masshtaby/>

19. Новодережкин А. Рынок труда сегодня – какой он и почему мы говорим о кризисе? // Интернет-сайт ТАСС. 25.06.2024. URL: <https://tass.ru/opinions/21194061>

20. Алексеевских А. Эксперт допустил снижение реальных доходов россиян в 2024–2025 годы // Интернет-сайт Газета.ру. 29.08.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2024/08/29/23792395.shtml>

21. Скудаева А. «Потерянное десятилетие»: реальные доходы россиян упали ниже уровня 2013 года // Интернет-сайт Новые известия. 15.02.2024. URL: <https://newizv.ru/news/2024-02-15/poteryannoe-desyatiletie-realnye-dohody-rossiyan-upali-nizhe-urovnya-2013-goda-427164>

22. Гусева Т.С. Социальное обеспечение семьи, материнства, отцовства и детства в России: теоретические и практические проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 347 с.

23. Ларина А. Газеты пишут... о рационе питания россиян // Интернет-сайт Demoscope weekly. 20.01.2025. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01061/gazeta015.php>

24. Сенников Е. Война и мир: как экономические передраги и масштабные конфликты влияют на рождаемость // Интернет-сайт Reya.Media. 21.06.2021. URL: <https://reya.media/vojna-i-mir/?ysclid=m6y92i6uks176093401>

25. Щербакова Е. Материнская смертность в 2023 году вновь повысилась, составив 13,3 на 100 тысяч родившихся живыми // Интернет-сайт Demoscope weekly. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01045/barom05.php>

26. Материнская смертность // Интернет-сайт Всемирной организации здравоохранения. 22.02.2023. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/maternal-mortality>

27. В Минздраве заявили, что заболеваемость COVID-19 у беременных выше, чем в популяции // Интернет-сайт ТАСС. 25.01.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10535413>

28. Кудрявцева Я.Ю. Клинико-морфологические особенности акушерских и экстрагенитальных причин материнской смертности на современном этапе : дис. ... канд. мед. наук. М., 2021. 247 с.

29. Кахиани М.И. Нарушение питания у беременных – состояние проблемы // Журнал акушерства и женских болезней. 2008. Т. LVII, вып. 2. С. 121–124.

References

1. Chekmeneva, T.G. (2010) Krizisy v obshchestvennom razvitii: teoreticheskiy aspekt [Crises in Social Development: A Theoretical Aspect]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 6(12). pp. 103–106.

2. Krupnov, Yu.A. (2021) Spetsificheskie faktory ekonomicheskogo krizisa [Specific Factors of Economic Crisis]. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Ekonomika*. 4. pp. 6–18.

3. Sukharev, O.S. (2014) *Ekonomicheskaya teoriya krizisov: perspektivy i sovremennost'* [Economic Theory of Crises: Prospects and Modernity]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*. 3. pp. 30–46.
4. Shtompel, O.M. (1999) *Sotsiokul'turnyy krizis: Teoriya i metodologiya issledovaniya problem* [Socio-Cultural Crisis: Theory and Methodology of Problem Research]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Rostov-on-Don.
5. Borovik, O.V., Kirichenko, S.N. & Rostova, A.T. (2016) *Tipologiya sotsial'nykh krizisov* [Typology of Social Crises]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 8-9. pp. 55–57.
6. Andreev, V.S. (1980) *Pravo sotsial'nogo obespecheniya v SSSR* [Soviet Social Security Law]. Moscow: Yurid. lit.
7. Buyanova, M.O. & Gusov, K.N. (2009) *Pravo sotsial'nogo obespecheniya Rossii* [Russian Social Security Law]. 4th ed. Moscow: Prospekt.
8. Mironova, T.K. (2022) *Pravo sotsial'nogo obespecheniya* [Social Security Law]. 4th ed. Moscow: KnoRus.
9. Grigoriev, I.V. & Shaykhatdinov, V.Sh. (2023) *Pravo sotsial'nogo obespecheniya* [Social Security Law]. 9th ed. Moscow: Yurayt.
10. Azarova, E.G. (1989) *Problemy ravnopraviya zhenshchiny i muzhchiny v sotsial'nom obespechenii v SSSR* [Problems of Equal Rights for Women and Men in Social Security in the USSR]. Moscow: Nauka.
11. Savkin, E.A. (2009) *Usilenie sistemy sotsial'noy zashchity naseleniya Rossii v usloviyakh krizisa* [Strengthening the System of Social Protection of the Russian Population in a Crisis]. Abstract of Economy Cand. Diss. St. Petersburg.
12. Kirikov, A.S. (2009) *Osnovnye napravleniya realizatsii strategii sotsial'noy zashchity v usloviyakh krizisa* [Main Directions for Implementing a Social Protection Strategy in a Crisis]. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy*. 2. pp. 56–59.
13. Evmenova, T.I. (2000) *Strategiya sotsial'noy zashchity naseleniya v usloviyakh ekonomicheskogo krizisa* [Strategy for Social Protection of the Population in an Economic Crisis]. Abstract of Economy Cand. Diss. St. Petersburg.
14. Kalabin, V.A. (2024) *Reaktsiya sistemy sotsial'noy zashchity stran Evropeyskogo Soyuza i SShA na finansovye krizisy: predlozheniya po ispol'zovaniyu opyta v Rossii* [The Response of the Social Protection Systems of the European Union and the USA to Financial Crises: Proposals for Using the Experience in Russia]. *Vestnik universiteta*. 9. pp. 178–192.
15. Andronova, L.N. & Lantsova, N.M. (2022) *Demograficheskie tendentsii i gosudarstvennaya demograficheskaya politika: Rossiya i zarubezhnyy opyt* [Demographic Trends and State Demographic Policy: Russia and Foreign Experience]. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN*. 20. pp. 320–341.
16. Sklyarov, A. (2022) *Osnovnye trendy rossiyskoy demografii* [Key Trends in Russian Demography]. *Gaidar Center. Russian Liberalism*. 17th August. [Online] Available from: <https://gaidar.center/articles/osnovnye-trendy-rossijskoj-demografii.htm>
17. *RBK Otrastli*. (2024) “Ideal'nyy shtorm”: kak seychas v Rossii idet bor'ba za kadry [“Perfect Storm”: The Current Battle for Personnel in Russia]. 26th March. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/industries/news/65b24b2c9a7947083271df29>
18. Akulov, A. (2023) *Po vsemu miru nachalsya kadrovyy golod. Kak nekhvatka opytnykh i umnykh rabotnikov ugrozhaet ekonomike Rossii?* [Global Personnel Shortage Has Begun. How Does the Lack of Experienced and Skilled Workers Threaten the Russian Economy?]. *Lenta.ru*. 3rd December. [Online] Available from: <https://lenta.ru/articles/2023/12/03/kadrovyy-golod-prinimaet-ugrozhayushchie-masshtaby/>
19. Novoderezhkin, A. (2024) *Rynok truda segodnya – kakoy on i pochemu my govorim o krizise?* [The Labor Market Today – What Is It Like and Why Are We Talking About a Crisis?]. *TASS*. 25th June. [Online] Available from: <https://tass.ru/opinions/21194061>
20. Alekseevskikh, A. (2024) *Ekspert dopustil snizhenie real'nykh dokhodov rossiyan v 2024–2025 gody* [Expert Allows for a Decline in Real Incomes of Russians in 2024–2025].

Gazeta.ru. 29th August. [Online] Available from: <https://www.gazeta.ru/business/news/2024/08/29/23792395.shtml>

21. Skudaeva, A. (2024) “Poteryannoe desyatiletie”: real'nye dokhody rossiyan upali nizhe urovnya 2013 goda [“Lost Decade”: Real Incomes of Russians Fell Below the 2013 Level]. *Novye izvestiya*. 15th February. [Online] Available from: <https://newizv.ru/news/2024-02-15/poteryannoe-desyatiletie-realnye-dohody-rossiyan-upali-nizhe-urovnya-2013-goda-427164>

22. Guseva, T.S. (2012) *Sotsial'noe obespechenie sem'i, materinstva, otsovstva i detstva v Rossii: teoreticheskie i prakticheskie problem* [Social Security for the Family, Motherhood, Fatherhood, and Childhood in Russia: Theoretical and Practical Problems]. Law Dr. Diss. Moscow.

23. Larina, A. (2025) Gazety pishut ... o ratsione pitaniya rossiyan [The Newspapers Write... About the Diet of Russians]. *Demoscope Weekly*. 20th January. [Online] Available from: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01061/gazeta015.php>

24. Sennikov, E. (2021) Voyna i mir: kak ekonomicheskie peredryagi i masshtabnye konflikty vliyayut na rozhdaemost' [War and Peace: How Economic Turmoil and Large-Scale Conflicts Affect Fertility]. *Reya.Media*. 21st June. [Online] Available from: <https://reya.media/vojna-i-mir/?ysclid=m6y92i6uks176093401>

25. Shcherbakova, E. (2024) Materinskaya smertnost' v 2023 godu vnov' povysilas', sostaviv 13,3 na 100 tysyach rodivshikhnya zhivymi [Maternal Mortality Increased Again in 2023, Reaching 13.3 per 100,000 Live Births]. *Demoscope Weekly*. [Online] Available from: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01045/barom05.php>

26. WHO. (2023) *Materinskaya smertnost'* [Maternal Mortality]. 22nd February. [Online] Available from: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/maternal-mortality>

27. TASS. (2021) V Minzdrave zayavili, chto zaboлеваemost' COVID-19 u beremennykh vyshe, chem v populyatsii [Ministry of Health Reports COVID-19 Incidence Among Pregnant Women is Higher Than in the General Population]. 25th January. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/10535413>

28. Kudryavtseva, Ya.Yu. (2021) *Kliniko-morfologicheskie osobennosti akusherskikh i ekstragenital'nykh prichin materinskoy smertnosti na sovremennom etape* [Clinical and Morphological Features of Obstetric and Extragenital Causes of Maternal Mortality at the Present Stage]. Medicine Cand. Diss. Moscow.

29. Kakhiani, M.I. (2008) Narushenie pitaniya u beremennykh – sostoyanie problemy [Nutritional Disorders in Pregnant Women – The State of the Problem]. *Zhurnal akusherstva i zhenskikh bolezney*. LVII(2). pp. 121–124.

Информация об авторе:

Трутаева А.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и социального права юридического факультета, заместитель декана факультета по развитию Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: annatrutaeva@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Trutaeva A.V., Omsk State University named after F.M. Dostoevsky (Omsk, Russian Federation). E-mail: annatrutaeva@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.02.2025;
одобрена после рецензирования 18.05.2025; принята к публикации 10.10.2025.*

*The article was submitted 11.02.2025;
approved after reviewing 18.05.2025; accepted for publication 10.10.2025.*

Научная статья

УДК 34

doi: 10.17223/22253513/57/11

Документальная фотография как один из источников познания отечественной историко-юридической науки

Евгений Анатольевич Шаталов¹

¹ *Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
Новосибирск, Россия, penalize@rambler.ru*

Аннотация. Предложена авторская концепция понимания и классификации, ценности отдельных изобразительных источников познания предмета историко-юридической науки на примере архивных фотографических материалов, определения их исследовательской и прикладной значимости. Документальные фотоматериалы являются носителями уникальной информации о прошлом в области обычного права, пенитенциарных, уголовно-процессуальных, административно-управленческих и других публичных и частных правоотношений, познание которых является задачей историко-юридической науки.

Ключевые слова: теоретико-методологические основы, фундаментальные проблемы отечественной историко-юридической науки, фотография как источник познания истории государства и права, источниковедческие вопросы юридической науки

Для цитирования: Шаталов Е.А. Документальная фотография как один из источников познания отечественной историко-юридической науки // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 57. С. 145–154. doi: 10.17223/22253513/57/11

Original article

doi: 10.17223/22253513/57/11

Documentary photography as one of the sources of knowledge of Russian historical and legal science

Evgeny A. Shatalov¹

¹ *Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation,
Penalize@rambler.ru*

Abstract. This research article offers an original concept for interpreting and systematizing the value of visual sources in historical and legal science, using archival photographic materials as an example. It also examines their research and practical significance.

The article presents the author's definition of historical and legal photography, as well as outlines its essential characteristics and their classification.

Historical and legal photographs are proposed to be classified into several types based on various criteria: 1) law enforcement photographs. These include: penitentiary

and criminal procedural photographs; 2) political and legal photographs; 3) administrative and legal photographs; 4) socio-legal photographs; 5) photographs on the activities of law enforcement agencies; 6) commercial photographs; 7) Reproductive photographic materials – containing images of individual legal monuments.

All of the above-mentioned types of documentary photographs contain unique evidence of the past. They illuminate various spheres of legal relations: civil, criminal procedural, administrative, and other matters, both public and private. Studying this information is an extremely important task for historical and legal science. Therefore, the functional significance of these sources for this purpose is particularly emphasized in the text of the article.

The author divided all the functions of historical and legal photography into three groups. Among them, the following are particularly prominent: a) research functions: ontological and epistemological; b) educational function; c) applied functions.

In conclusion, the author summarizes the study and emphasizes a problem existing in Russian scholarship: namely, the lack of demand for documentary photography in historical and legal research. Despite all their merits and advantages, these materials are rarely incorporated into scholarly discourse, including in the study of the history of customary law, which inevitably embodies traditions in specific life situations. In turn, it is impossible to fully and comprehensively understand it without a visual understanding and assessment of scenes from everyday life.

This circumstance is explained by the methodological and psychological unpreparedness of researchers and their inability to work with visual materials, including documentary photographic ones. They are neglected by Russian historical and legal scholarship, where a formulaic, uniform methodological approach to the selection and study of sources still prevails.

Keywords: theoretical and methodological foundations, fundamental problems of Russian historical and legal science, photography as a source of knowledge of the history of state and law, source-history issues of legal science

For citation: Shatalov, E.A. (2025) Documentary photography as one of the sources of knowledge of Russian historical and legal science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 57. pp. 145–154. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/57/11

С технической точки зрения, фотографические материалы являются носителями информации, фиксирующими различные изображения [1. С. 587]. Разнообразные жанры снимков могут представлять и порой огромную научную значимость для исследования жизни общества, его социокультурных потребностей. Особое положение фотографические материалы могут занимать в процессе познания исторического прошлого, восполняя собой недостаток информации, пробелы в научном знании, сопутствуя уточнению существенных деталей в исследовательской работе, так как с их помощью можно «остановить время, зафиксировать объект, событие» [2. С. 158]. По мнению ученых, основное их преимущество как исторического источника здесь видится в следующем: а) наглядность; б) высокий уровень достоверности запечатлённой информации; в) очень высокая степень информативности, так как снимки содержат в своей основе, как правило, несколько разноплановых информационных блоков [3. С. 328]. Реконструкция прошлого в мельчайших деталях становится возможной также благодаря создаваемому ими статичному визуальному образу [4. С. 301].

Основная масса документальных фотографических материалов разной степени сохранности широко представлена в фотофондах, находящихся на хранении в российских и зарубежных федеральных государственных и региональных архивах и музеях, большая часть из которых в настоящем исследовании впервые вводится в научный оборот.

Учитывая предметную ориентированность историко-юридической науки и её характер, объектом анализа могут выступать не все, а только определённые категории фотоматериалов, имеющих в своей основе информацию, прямо или косвенно представляющую ценность именно для истории государства и права. В данном исследовании такого рода фотоматериалы, далее по тексту будут поименованы как «историко-юридическая фотография», под которой следует понимать следующее:

Историко-юридическая фотография – это прошедший экспертизу, регистрацию и имеющий свой инвентарный (архивный) номер документ, в котором содержится достоверная научно значимая информация, представляющая ценность для познания вопросов, проблем истории становления, эволюции государственных, правовых и общественных институтов, а также для решения ряда прикладных задач в юридической деятельности.

Исходя из вышеуказанного определения можно выделить следующие признаки историко-юридической фотографии:

1. Фотоматериал, который содержит значимую информацию относительно юридических событий и фактов из исторического прошлого какого-либо государства.

2. В ней имеются данные, относящиеся к публично-правовым вопросам становления, развития государственных органов власти и управления.

3. Фиксируются обычаи, традиции, ритуалы, процедуры урегулирования проблем в области частноправовых отношений, а также вытекающие из этого конфликты, вещественные материалы и другие важные аспекты, имеющие отношение к юридической жизни и быту населения, правовому статусу его отдельных категорий.

4. Отображает отдельные фрагменты нормотворческой, правоприменительной, правореализационной деятельности.

Хронологический и тематический охват историко-юридических фотографий применительно к истории государства и права России главным образом освещает два ключевых периода:

I. Конец XIX – начало XX в. – наиболее объемно представлен снимками о деятельности правоохранительных органов, пенитенциарных учреждений, правовых обычаях, традициях и порядках инородческого населения.

II. Революционный и постреволюционный период (октябрь 1917 г. – по 1930-е гг.) – освещает деятельность, организацию высших и местных органов советской власти, а также вопросы легитимации, легализации власти большевиков и дальнейшего конституционно-правового строительства в РСФСР и СССР.

Применительно к истории государства и права отдельных зарубежных стран хронологический, тематический охват историко-юридических фотографий по понятным причинам может варьироваться, исходя из особенностей политико-правовой жизни разных народов, и иметь собственную характеристику, что требует уже отдельных научных исследований подобных закономерностей и специфики.

Классификация историко-юридических фотографий:

1. Историко-юридические фотографии, фиксирующие определённые типы правоотношений. Пожалуй, одни из самых многочисленных и распространённых категорий снимков. Это характерно для истории государства и права любых стран мира, поскольку историко-юридические фотоматериалы в своей основе, с небольшой долей специфики и содержательно-тематическим перевесом, в общем-то фиксируют похожие признаки, элементы определённых правовых отношений, факты, события, действия лиц, связанные с ними. В связи с чем целесообразно фотоматериалы, как и правовые отношения, фиксируемые в них, классифицировать исходя из традиционного для юридической науки отраслевого признака.

1) Правоприменительные фотографии, характеризующие отношения, связанные с деятельностью правоохранительных органов. Среди таковых можно выделить следующие подвиды: а) пенитенциарные, б) уголовно-процессуальные снимки.

Пенитенциарные фотографии – это документы, содержащие в себе информацию об исполнении отдельных видов уголовных наказаний, в том числе порядок исполнения смертной казни как в России, так и в зарубежных государствах в различные периоды истории и другие вытекающие из этого юридические аспекты относительно устройства и организации деятельности отдельных мест лишения свободы, тюремной архитектуры, охраны осуждённых и их конвоирование, этапирование [5. С. 202–205].

На снимках зафиксирован достаточно широкий спектр общественных отношений на рубеже XIX–XX вв. в сфере уголовно-исполнительного права. Некоторые снимки имеют серийную природу, демонстрируют различные ракурсы деятельности тех или иных видов пенитенциарных учреждений, что способствует возможности реконструкции юридически значимых событий и более глубокому пониманию сущности уголовной политики государства, целей и задач исполнявшихся наказаний. Например, в фондах государственного архива и краеведческого музея Новосибирской области сосредоточены редкие фотоснимки, демонстрирующие порядок исполнения наказания в отношении лиц, приговорённых к каторжным работам или ссылке, отбыванию наказания в тюрьме¹. Эти документы достаточно информативны и содержат данные о требованиях к внешнему виду осуждённых,

¹ См.: Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-11796. Оп. 2. Д. 5. Л. 1; Д. 17. Л. 1; Д. 22. Л. 1; Д. 23. Л. 1; Д. 25. Л. 1; Д. 27. Л. 1; Д. 31. Л. 1; Д. 32. Л. 1; Д. 33. Л. 1; Д. 39. Л. 1.

их медицинскому обслуживанию¹, материально-имущественному обеспечению, содержанию в отдельных помещениях камерного типа каторжных централов², нормативные требования к тюремной архитектуре, на примере карцерных домов³, гауптвахт для отбывания наказания военнослужащими нижних чинов⁴, каторжных тюрем⁵, режим отбывания наказания, привлечения к труду⁶, к дисциплинарной ответственности отдельных категорий осужденных в царской России, применения наказаний в виде частичного или полного заковывания в цепи ног и рук, приковывания их к строительной тачке⁷.

Самое важное заключается в том, что снимки демонстрируют реальное положение дел в пенитенциарной сфере, в том числе и некоторые отступления от общепринятых в тюремном ведомстве юридических норм, допускаемых администрациями учреждений нарушений, неудовлетворительное состояние мест лишения свободы, допустим, на примере Кайрийской мужской каторжной тюрьмы – отсутствие единообразной одежды осужденных отбывавших в ней наказание⁸. Это позволяет по-новому взглянуть и оценить достижения тюремной реформы XIX в. в России, которая вопреки устоявшимся в науке мнениям о её высокой результативности вряд ли решительно повлияла на улучшение положения осужденных.

Уникальными являются и фотоматериалы, свидетельствующие о деятельности пенитенциарной системы зарубежных стран. К примеру, лагеря для русских военнопленных в Германии периода Первой мировой войны в городе Мерзебурге (Бавария). Серия фотографий позволяет обозначить важные вопросы, выпавшие из поля зрения общественности и науки о правовом положении русских военнопленных, материальном довольствии, привлечение их к принудительному труду, а также назначения антигуманных, умоляющих честь и достоинство мучительных видов наказания. На панорамной фотографии видно, как военнопленных привязывали к столбу, лишая возможности передвижения⁹. Тем самым игнорировались положения Гаагской конвенции 1907 г., которая, как видно, не соблюдалась и грубо нарушалась германской стороной.

Уголовно-процессуальные снимки фиксируют отдельные стадии досудебного и судебного производства. Из числа подвергнутых анализу материалов

¹ Новосибирский государственный краеведческий музей. Ф. «Д»-13. Оп. 1. НВ-2476/4.

² Там же. НВ-2179/2.

³ Там же. Ф. «Д»-13. Оп. 1. НВ-1037.

⁴ Там же. Ф. «Д»-24. Оп. 2. Музейный номер ОФ-22274 / 15.

⁵ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-11796. Оп. 3. Д. 47. Л. 1; Д. 46. Л. 1–6; Д. 347. Л. 1; Д. 348. Л. 1.

⁶ Новосибирский государственный краеведческий музей. Ф. «Д»-13. Оп. 1. Музейный номер НВ-226; НВ-2179/3.

⁷ Там же. Ф. «Д»-13. Оп. 1. Музейный номер НВ-2179/1; НВ-2962/1.

⁸ Новосибирский государственный краеведческий музей. Ф. «Д»-13. Оп. 1. Музейный номер НВ-2962/4.

⁹ Там же. Ф. «Д»-24. Оп. 2. Музейный номер НВ-16423/8; НВ-16423/10; НВ 16423/9; НВ-16423/ 11; НВ 16509/4; НВ-16509/6.

больше всего выделяются те, в которых запечатлено производство отдельных следственных действий, в частности обысков, воссоздающих порядок их осуществления, последовательность действий уполномоченных лиц, состава участников¹. В архивных фондах представлены редкие снимки судебных процессов, имевших широкий общественный резонанс, к примеру серия панорамных фотографий «Суд над колчаковским правительством» в Советской России, воспроизводящих в деталях зал судебного заседания, положение участников процесса и множество других чрезвычайно важных нюансов в области истории советского уголовного процесса².

2) *Политико-правовые фотоматериалы* отражают значимые юридические события: подписание важных документов, проведение митингов, принесение присяги на верность государству при получении подданства [6. С. 7], демонстрации, съезды³, повлиявшие на судьбу отдельных стран, которые достаточно наглядно свидетельствуют об уровне политической активности населения, участвовавшего в политических акциях. Исходя из этого можно сделать выводы о характере взаимоотношения населения с публичной властью.

3) *Административно-правовые фотографии* фиксируют процесс функционирования высших и местных органов власти, органов управления отдельных категорий населения, к примеру инородцев, запечатлевших традиционные порядки киргизов начала XX в. в области организации заседаний, оленьи общественные собрания-съезды старейшин карагасов – «сулганы», которые свидетельствуют о количестве, местоположении, управленческом статусе участников, обычно-правовых требованиях, порядках их проведения⁴.

4) *Общественно-правовые снимки*: фотографии представителей высшего общества в торжественной одежде, горожан, инородцев различных категорий населения, в том числе в разных азиатских странах, фиксируют их быт, отдельные виды статуса, обычаи, традиции, ритуалы [7. С. 37–68], достаточно часто свадебные обряды⁵, имущественные отношения, позволяя глубже проанализировать особенности истории становления общественно-правового строя иностранных государств.

5) *Фотоматериалы о деятельности правоохранительных органов* характеризуют внутриведомственные аспекты их развития: нормативные требования к вооружению, униформе служащих, служебным помещениям, иерархию сотрудников в различных странах, в разные периоды времени, например полицейских, милиционеров, тюремных надзирателей и др.⁶

¹ Новосибирский государственный краеведческий музей. Фотофонд. НВ-2265.

² Там же. Фотофонд. НВ-13997/21; НВ-13997/23.

³ Там же. Фотофонд. НВ-13252/28; НВ-13252/33.

⁴ Новосибирский государственный краеведческий музей. Ф. Ф. «Д» – 28. Оп. 1. Музейный номер. НВ-2393/53; Ф. «Д»-27. Оп. 2. Музейный номер. НВ-2390/5.

⁵ Там же. Ф. «Д»-25. Оп. 1. НВ-2391/14; НВ-2391/16; НВ-2391/17; НВ-2391/18.

⁶ Там же. Ф. «Д»-13. Оп. 1. НВ-2430; Ф «Р»-2. Оп. 3. ОФ-23513/22; Ф «Р»-10. Оп. 1. НВ-13983.

б) *Торговые фотографии* позволяют визуализировать процессы, события, реконструировать отношения, связанные с применением обыкновений, обычаев, исполнением норм законодательства в коммерческой сфере. Так, общие виды базара в Грузии, торговых улиц Японии, рынка в Палестине 1870-х гг., запечатленные на фотоснимках, демонстрируют некоторые аспекты организации торговых мест, ведения переговоров, совершение сделок, правила купли-продажи отдельных видов товаров, осуществления государственного контроля в сфере торговли, тем самым фрагментарно раскрывая чрезвычайно важные, недостаточно исследованные вопросы новейшей истории государства и права зарубежных стран [8. С. 59; 9. С. 243; 10. С. 74].

II. *Репродукционные историко-юридические фотографии* содержат изображение редких памятников права, которые при необходимости можно подвергнуть классификации исходя из таких параметров, как время издания, сила, статус, фиксируемый в ней юридический акт. В частности, в них отображаются: а) фотоматериалы актов высших органов государственной власти – указы монархов; б) фотографии актов местных административных органов: указы, наказания, челобитные, поступавшие чиновникам от населения; в) фотографии документов, относящихся к расследованию преступлений – приговоры, подписки о поручительстве и иные значимые для науки документы¹.

Функции историко-юридической фотографии можно разделить на три группы:

I. Исследовательские функции:

1) Онтологическая функция заключается в визуальном подтверждении фактов, событий, действий, явлений, юридических документов, как составляющих элементов исторического бытия, отражении социокультурного контекста важнейших событий и явлений, демонстрации норм и ценностей присущих определённому этапу развития общества.

2) Гносеологическая функция – служит инструментом познания исторической государственно-правовой реальности, позволяя исследователям получить новые знания, строить и выдвигать гипотезы, интерпретировать факты, события, явления, анализировать отдельные элементы правовой жизни общества через визуальное восприятие обстановки, образов, символов, знаков.

II. *Просветительские функции* – результаты исследований еще малоизученных фотоматериалов, могут существенно преумножить знания о духовно-нравственных, культурно-исторических и, конечно же, правовых ценностях российского общества, которые как учебный материал могут использоваться не только для проведения углубленных лекционных и семинарских занятий по дисциплинам «История государства и права России»,

¹ Новосибирский государственный краеведческий музей. Ф. «Д»-2. Оп. 1. НВ-15365/12; НВ-15385/10; НВ-15365/46; НВ-15293/26; Ф. «Д». 1. Оп. 2. ОФ-19091/1; ОФ-17356; ОФ-2459.

«Всеобщая история государства и права» в юридических вузах, но и выступать средством в процессе патриотического воспитания, формирования активной гражданской позиции, массовой просветительской деятельности среди населения, тем самым способствуя реализации отдельных задач, закрепленных в Указе Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения».

III. *Прикладные функции*: результаты исследований фотоматериалов могут содействовать решению важных в юридической деятельности задач: а) выявление фактов совершения преступлений без срока давности и причастных к ним лиц; б) установление фактов и событий, имеющих значение для прокуратуры и суда в процессе реабилитации жертв политических репрессий; в) установление событий, фактов, например в области наследственного правопреемства, семейно-брачных отношений, определение правовой судьбы объектов недвижимого имущества, что может иметь значение для решения некоторых задач в нотариальной, судебной практике.

Завершая исследование, следовало бы отдельным пунктом затронуть и осветить давно назревшую проблему не востребованности документальной фотографии в историко-юридических исследованиях.

При всех достоинствах и преимуществах эти материалы практически не внедряются в научный оборот. Остроту и злободневность этой проблемы можно продемонстрировать на частном примере. Так, в диссертации В.В. Наумкиной на соискание ученой степени доктора юридических наук, посвященной изучению обычного права кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства XIX – начала XX в. акцент главным образом сделан на изучении нарративных материалов. Это можно видеть на примере списка литературы, внутритекстовых ссылок, сопровождаемых работами [11]. В то время как в федеральных, региональных архивных учреждениях и музеях на хранении находится серьезный массив документальных фотоматериалов, тематически охватывающий ключевые аспекты юридического быта и жизни кочевых народов Восточной Сибири, а главным образом обычаев в сфере брачно-семейных отношений, которые автор в собственной монографии исследовал с опорой на немногочисленные текстовые отчетные архивные материалы, сведениям из которых выражено безоговорочное доверие, и в большей степени на опубликованные труды историков, правоведов [12. С. 64–70].

Исследование же обычного права, которое выступает воплощением традиций в конкретных условиях жизни? невозможно без наглядного осмысления, оценки сцен народного быта. Ставя серьезные задачи по исследованию обрядов и их места в регулятивной системе кочевых народов, автор даже ни удосужился обратиться к визуальным методам их исследования, в общем-то не коснувшись природы, семиотики, вопросов распространенности их именно у отдельных социальных групп [11. С. 14]. Очевидно, что здесь возникает большое сомнение во всестороннем характере указанных исследований и достижения поставленных в них задач.

Вероятно, эту проблему можно объяснить методологической и психологической неподготовленностью исследователей, неумением работать с изобразительными источниками, в том числе и с документальными фотографическими материалами [13. С. 193], которые выпадают из поля зрения отечественной историко-юридической науки, где до сих пор господствует шаблонный, однотипный подход к их выбору и изучению.

Список источников

1. Новый политехнический словарь / гл. ред. А.Ю. Ишлинский. М. : Большая российская энциклопедия, 2000. 670 с.
2. Ростовцев С.Н. Видовая фотография советской эпохи: к проблеме идентификации // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10). С. 156–161.
3. Костров А.В. Фотоматериалы как источник по истории «Семейских» старообрядцев в первой трети XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 3 (83). С. 327–333.
4. Лежнина Е.В. Фотография как способ сохранения культурной и исторической памяти // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2019. Т. 5, № 3. С. 300–303.
5. Rosenblum N. World history of photography. New York ; London ; Paris, 1997. 698 p.
6. Альбом фотографий снятых при поездке г. Главноначальствующего, князя А.М. Дондукова-Корсакова, в Мервь. 1884. 56 фото.
7. Котенко А.Л. Монголия, Маньчжурия и Китай в XIX – начале XX века: коллекция М.А. Полумурдвинова. Из собрания Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова. М. : Издательство КМК, 2021. 598 с.
8. Французская фотография второй половины XIX века. Из коллекции института материальной культуры РАН. Каталог выставки. СПб., 2006. 103 с.
9. Длужневская Г. Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях. СПб., 2006. 303 с.
10. Черкасенко А.И. Ассоциации: Хайку и японская фотография 1860–1890-х годов из коллекции МАММ. М., 2018. 152 с.
11. Наумкина В.В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства XIX-начала XX вв. : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.
12. Наумкина В.В. Местное управление и обычное право в России (историко-правовой анализ местного управления и действия обычного права у народов Восточной Сибири). М., 2004. 84 с.
13. Рубинина З.М. Фотография в музее: проблемы исследования // Наследие и современность. 2022. № 5 (2). С. 185–202.

References

1. Ishlinskiy, A.Yu. (ed.) (2000) *Novyy politekhicheskiy slovar'* [New Polytechnical Dictionary]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya.
2. Rostovtsev, S.N. (2014) *Vidovaya fotografiya sovetsoy epokhi: k probleme identifikatsii* [Species Photography of the Soviet Era: On the Problem of Identification]. *Voprosy muzeologii*. 2(10). pp. 156–161.
3. Kostrov, A.V. (2010) *Fotomaterialy kak istochnik po istorii "Semeyskikh" staroobryadtsiev v pervoy treti XX v.* [Photographic Materials as a Source on the History of the "Semeyskie" Old Believers in the First Third of the 20th Century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki*. 3(83). pp. 327–333.
4. Lezhnina, E.V. (2019) *Fotografiya kak sposob sokhraneniya kul'turnoy i istoricheskoy pamyati* [Photography as a Means of Preserving Cultural and Historical Memory]. *Vestnik*

Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki." 5(3). pp. 300–303.

5. Rosenblum, N. (1997) *World History of Photography*. New York; London; Paris: [s.n.].

6. Anon. (1884) *Al'bom fotografii snyatykh pri poezdke g. Glavnonachal'stvuyushchego, knyazy A.M. Dondukova-Korsakova, v Merv* [Album of Photographs Taken During the Trip of the Chief Commander, Prince A.M. Dondukov-Korsakov, to Merv]. [s.l.: s.n.].

7. Kotenko, A.L. (2021) *Mongoliya, Man'chzhuriya i Kitay v XIX – nachale XX veka: kolleksiya M.A. Polumordvinova. Iz sobraniya Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya im. M.B. Shatilova* [Mongolia, Manchuria and China in the 19th – Early 20th Century: The M.A. Polumordvinov Collection. From the Collection of the M.B. Shatilov Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Moscow: [s.n.].

8. Anon. (2006) *Frantsuzskaya fotografiya vtoroy poloviny XIX veka. Iz kolleksii instituta material'noy kul'tury RAN. Katalog vystavki* [French Photography of the Second Half of the 19th Century. From the Collection of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Exhibition Catalogue]. St. Petersburg: [s.n.].

9. Dluzhnevskaya, G. (2006) *Musul'manskiy mir Rossiyskoy imperii v starykh fotografiyakh* [The Muslim World of the Russian Empire in Old Photographs]. St. Petersburg: [s.n.].

10. Cherkasenko, A.I. (2018) *Assotsiatsii: Khayku i yaponskaya fotografiya 1860–1890-kh godov iz kolleksii MAMM* [Associations: Haiku and Japanese Photography of the 1860s–1890s from the MAMM Collection]. Moscow: [s.n.].

11. Naumkina, V.V. (2010) *Obychnoe pravo kochevykh narodov Vostochnoy Sibiri v pravovoy sisteme Rossiyskogo gosudarstva XIX – nachala XX vv.* [Customary Law of the Nomadic Peoples of Eastern Siberia in the Legal System of the Russian State in the 19th – Early 20th Centuries]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.

12. Naumkina, V.V. (2004) *Mestnoe upravlenie i obychnoe pravo v Rossii (istoriko-pravovoy analiz mestnogo upravleniya i deystviya obychnogo prava u narodov Vostochnoy Sibiri)* [Local Governance and Customary Law in Russia (Historical-Legal Analysis of Local Governance and the Application of Customary Law among the Peoples of Eastern Siberia)]. Moscow: [s.n.].

13. Rubinina, Z.M. (2022) *Fotografiya v muzee: problemy issledovaniya* [Photography in the Museum: Problems of Research]. *Nasledie i sovremennost'*. 5(2). pp. 185–202.

Информация об авторе:

Шаталов Е.А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых и социальных наук Сибирского государственного университета геосистем и технологий (Новосибирск, Россия). E-mail: penalize@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Shatalov E.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Legal and Social Sciences, Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: penalize@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.09.2024;
одобрена после рецензирования 12.01.2025; принята к публикации 10.10.2025.*

*The article was submitted 27.09.2024;
approved after reviewing 12.01.2025; accepted for publication 10.10.2025.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Право» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2011 г.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором) (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-45814 от 08.07.2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2225–3513).

Журнал включен в «Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, на соискание ученой степени кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии. «Вестник ТГУ. Право» выходит ежеквартально и распространяется по подписке, его подписной индекс – 46014 в объединенном каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров публикуются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. С требованиями по оформлению материалов можно ознакомиться на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), Юридический институт.

Телефоны: 8 (382-2) 52-98-68, 8 (382-2) 78-35-81.

Факс: 8 (382-2) 52-98-68.

Ответственный секретарь редакции журнала – Н.Г. Геймбух.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ПРАВО**

Tomsk State University Journal of Law

2025. № 57

Редактор Ю.П. Готфрид
Редактор-переводчик В.Н. Горенинцева
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 10.10.2025 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 9,7. Усл. печ. л. 12,6. Цена свободная.
Тираж 500 экз. Заказ № 6502.

Дата выхода в свет 10.11.2025 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru